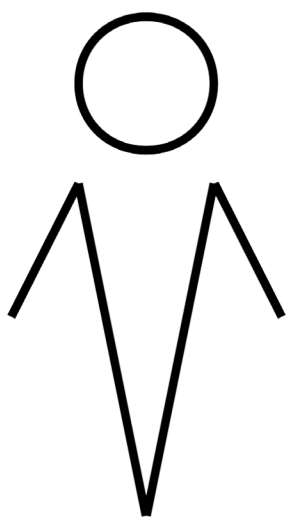
С. Ю. ШТЕЙН

ИСКУССТВО И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ



Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ)
Факультет истории искусства

С.Ю. Штейн

ИСКУССТВО И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

учебное пособие
для студентов магистратуры
очной, очно-заочной, заочной формы обучения
по направлению подготовки
50.04.04 «Теория и история искусств»,
аспирантов по специальности
17.00.09 «Теория и история искусства»

Москва 2019

УДК 7.01
ББК 85
Ш 88

Рецензент:
Н.А. Хренов, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

Штейн С.Ю.
Искусство и искусствоведение. – Учеб. пособие. – М.: Институт кино и телевидения (ГИТР), 2019. – 162 с.

ISBN 978-5-94237-070-1

Учебное пособие направлено на формирование у начинающих исследователей искусства целостного понимания специфики искусствоведческого знания, которое может продуцироваться в условиях двух принципиально отличных друг от друга познавательных ситуаций: дискурсивной – обусловленной спецификой конкретного дискурса, в котором находится исследователь, и дисциплинарной, собственно, научной, – обусловленной исходным фундаментальным целеполаганием, связанным с формированием заместительного знания в отношении предметной области, выделяемой данной конкретной дисциплиной, и готовностью дисциплинарного сообщества нести за него определённую социальную ответственность.

© Штейн С.Ю., текст, схемы, 2019

Содержание

Введение……..…..... 5

Глава I. Методологические основы науки об искусстве.....9
1.1. Средство выражения знания…….....10
1.1.1. Мышление, логика, средства выражения знания..... 10
1.1.2. Средство выражения теоретического знания в гуманитарной науке.....19
1.2. Дискурсивность и дисциплинарность……..….. 33
1.2.1. Онтологическая схема знания...…..... 35
1.2.2. Дискурсивное и дисциплинарное знание.....42
1.3. Объект и предмет…….....…... 58
1.3.1. Философское значение объект-предметных отношений...….....60
1.3.2. Методологическое значение объект-предметных отношений...….....70
1.3.3. Проблематизация междисциплинарных исследований...….....78

Глава II. Дисциплинарная идентичность искусствоведения..... 90
2.1. Онтологическая схема предметной области искусствоведения...….....91
2.2. Онтологическая схема «современного искусства»…...….....115
2.3. Дисциплинарная обособленность искусствоведения…...….....144

Заключение…….....155

Список литературы…….....…157

Введение

Несмотря на то, что в какой-то момент в середине двадцатого века в науке произошёл крен в сторону междисциплинарных исследований, а уже во второй половине минувшего века – начале века двадцать первого возникли и распространились идеи мульти- и трансдисциплинарности, на настоящий момент дисциплинарная структура остаётся актуальной формой существования и функционирования науки. Причём это касается как естественной, так и гуманитарной науки.

Если остановиться только на гуманитарном знании, то можно заключить, что перед современными учёными, реализующими свою исследовательскую активность в условиях дисциплинарной структуры науки, возникли принципиально новые проблемы, связанные в том числе, во-первых, с изменением масштаба исследуемого – его детализацией, во-вторых, с возникновением принципиально нового, не существовавшего ранее материала для исследования, в-третьих, с частичным смешением предметных областей, соответствующих различным дисциплинарным предметностям, в-четвёртых, с такой трансформацией методологического инструментария, традиционно свойственного каждой из дисциплин, при которой возникла ситуация возможности

получения принципиально иного знания в отношении того, что уже имеет своё устоявшееся знаниевое замещение в условиях каждой конкретной дисциплинарной предметности, и, наконец, в-пятых, с критикой самой возможности существования дисциплинарного знания, которое было бы независимо от социокультурных обстоятельств и всевозможных конъюнктурных запросов.

Эффективное функционирование любой из дисциплин подразумевает преодоление описанных и любых иных проблем, которые могут повлиять как на позиционирование каждой из них в общей структуре науки, так и на характер того знания, которое продуцируется в их условиях. В то же время – это ни в коем случае не какая-то отстранённая и не сугубо науковедческая проблематика, а та реальность, на которой основывается существование любой научной дисциплины – то, что фиксирует её в таком качестве, отделяя от иных, принципиально отличных – дискурсивных познавательных ситуаций.

Совершенно очевидно, что простое высказывание об искусстве ещё не является фактом возникновения искусствоведческого знания. Однако в ситуации кажущейся доступности искусства как чего-то такого, в отношении чего даже без специальной подготовки можно вести разговор, оно оказывается в фокусе внимания как институциональных исследователей, находящихся в условиях самых разных дисциплинарных предметностей – философии, культурологии, социологии, психологии, физиологии, так и вообще кого угодно – политиков, журналистов, спортсменов… А та лёгкость, с которой любое высказывание делается публичным фактом, что обусловлено спецификой современных средств

распространения информации, позволяет практически любому не просто транслировать своё частное или коллективное представление об искусстве, но и агрессивно настаивать на нём. При этом разобраться в правоте или заблуждении одного или другого можно лишь в том случае, если наличествует либо какой-то однозначный критерий для такой оценки, либо такую оценку готово выносить авторитетное сообщество, берущее на себя социальную ответственность как за её качество, так и за исходную непредвзятость при формировании данной оценки. Казалось бы, что в отсутствии в искусствоведении (и шире – в гуманитарной науке) такого однозначного критерия экспертная роль лежит исключительно на тех, кто профессионально занимается изучением искусства – на искусствоведах, получивших специальное образование и активно включённых в актуальные процессы, происходящие внутри дисциплины – реализующих в её условиях научно-исследовательскую, образовательную и организационную деятельность. Но парадокс заключается в том, что для того, чтобы такое сообщество могло полноценно существовать (под «полноценностью» здесь понимается не только готовность, но и возможность несения социальной ответственности за то знание, которое продуцируется в её условиях в отношении соответствующей дисциплине предметной области), оно само должно быть основано на не менее строгих и однозначных критериях – собственно этими критериями и задаётся конкретная уникальная дисциплинарная идентичность. Однако в искусствоведении, несмотря на его многолетнюю историю, такие критерии по целому ряду причин до сих пор находятся в зачаточном состоянии, что позволяет не только применять к искусствоведению

известную «формулу», относящуюся в целом к гуманитаристике – «гуманитарная наука невозможна, но возможно только гуманитарное знание», но и возводить её в превосходную степень, таким образом, априори отказывая искусствоведческому знанию в научности.

В связи с этим важным и принципиальным является проведение чёткой демаркации между дискурсивным и дисциплинарным (научным) знанием в отношении искусства, которая оказывается возможной с использованием специфического методологического инструментария. Понимание такого разделения, равно как и понимание тех познавательных установок, которые лежат в его основе – фундаментальное условие осознанности исследовательской работы в отношении любых форм искусства.

Глава I.
Методологические основы науки об искусстве

При формировании того или иного знания можно без проблематизации следовать за той традицией, которая наличествует в тех познавательных условиях, в которых существует исследователь. Однако это ведёт к тому, что изначально исследователь наследует все те возможные допущения и заблуждения, которые существуют в принятых условностях. С одной стороны, в этом нет ничего предосудительного. Но лишь с оговоркой: принимаемое полностью осознаётся как такая познавательная данность, которой в актуальный момент времени просто-напросто нет иной альтернативы. Если же осознания этого нет, то исследователь становится слепым последователем одного из возможных путей, даже не к получению знания, а всего лишь к созданию одного из возможных субъективных концептуальных представлений в отношении чего-то объективно наличествующего. В то же время возможность выхода из-под такой зависимости существует, и она как раз и связана с осознанным отношением к тем исходным условиям, которые полагаются в основу познавательной активности. А конкретизация данных условий, связанная с наличием конкретного познаваемого, как раз и образует методологические основы предметного знания: в нашем случае, при предмете «искусство» – науки об искусстве.

1.1. Средство выражения знания

Для того, чтобы говорить о познавательных условиях, используя тот же самый понятийный и терминологический аппарат, который предполагается задействовать затем при разговоре непосредственно о предмете познавательной активности, необходимо наличие такого единообразного средства выражения знания, которое было бы адекватно и тому и другому. И в то же время – наличие такого средства выражения знания, которое было бы адекватно не только какому-то локальному познаваемому, но и потенциально чему угодно – это магистральное движение к единой науке. Поэтому краеугольным камнем любой научной дисциплины оказывается не столько вопрос границ и возможностей человеческого познания – этот вопрос более философский, чем научный, сколько проблема оптимального средства выражения получаемого знания, способного удовлетворить максимально широкий спектр познавательных запросов. Ведь только в этом случае знание о принципах получения знания и знание непосредственно о предмете познавательной активности будут гомогенны друг другу, а значит, существовать в одном и том же методологическом «измерении», что чрезвычайно важно, особенно, если речь идёт о гуманитарной науке, в которой до сих пор не для всех исследователей сам принцип научности по сути не является чем-то очевидным.

1.1.1. Мышление, логика, средства выражения знания. Мышление реализуется на человеке, но человек не может быть отождествлён с мышлением. Мышление – это механизм оперирования информацией с использованием определённой логики.

Потенциально бесконечная комбинаторика алгоритмов мыслительной деятельности человека возникает вследствие того, что реализуясь на уникальной человеческой личности, мышление оказывается обусловлено ею. Именно поэтому возникает неразрешимая проблема при реализации мышления на машине: электронное «тело» так или иначе чисто технически ограничивает возможности реализуемого на ней мышления, но не обуславливает саму мыслительную деятельность, которая протекает по строго заданной создателем машины логике, а значит, это уже не то мышление, которым обладает человек, но всего лишь один из тех вариантов функционирования мышления, который был зафиксирован человеком, осмыслен им в силу его собственного уникального мышления и только затем перенесён на машину.

Продуктом мыслительной деятельности является информация, переработанная в соответствии с принятой логикой. Так как нет такой информации, которая бы не относилась к чему-либо, то единственно возможным продуктивным контейнером (тем, чем является продукт деятельности не зависимо от конкретики его возможных вариантов, или иначе – основное условие выражения результатов конкретной деятельности, обуславливающее специфику трансформации и организации исходного материала и определяющее рамки вариативности конечной формосодержательной целостности) для мыслительной деятельности является знание, соотносимое с познаваемым – существующим независимо от субъекта или же возникающим в нём самом, вследствие компиляции имеющейся у него информации, доступной для оперирования.

Формосодержательная целостность продукта мыслительной деятельности обуславливается конкретным целеполаганием мыслящего субъекта, наличествующей и используемой информацией, выступающей в качестве исходного материала для мыслительной деятельности, а также той логикой, которая используется в качестве принципа манипулирования информацией. Таким образом, логика – это принцип манипулирования информацией.

Оценка той или иной логике может быть дана только в результате её рассмотрения с использованием другой логики. Поэтому невозможно объективно говорить о какой-то логике как о лучшей, о какой-то как о худшей, или же вообще как о чём-то не логичном. Любой принцип манипулирования информацией по-своему логичен. Единственной возможной корректной оценкой той или иной логики является оценка её функциональности при решении определённого типа задач или даже какой-то конкретной задачи. В то же время при реализации той или иной конкретной логики могут наличествовать ошибки, связанные с нарушением принятых внутри этой логики правил.

Совокупность знаний может быть охарактеризована как целостная и не противоречивая, только если она основана на единообразной логике.

Различные логики, каждая из которых является самостоятельной, будучи совместно использованными, при непротиворечивости друг другу и принципиальной сочленяемости, что может выражаться в их функционировании в одних и тех же познавательных условиях, могут рассматриваться как компоненты единой логики.

Логика невозможна без мышления, равно как и

мышление невозможно без логики. Выбор человеком той или иной логики лишь частично сознательный выбор самого человека (выбор, в свою очередь основанный на какой-то логике), но, возможно, в не меньшей степени – основанное на имеющемся опыте предложение мышления использовать определённую логику для решения конкретной задачи.

Роль традиции в принятии субъектом той или иной логики зависит от его пассивной или активной критической позиции в отношении данного выбора. Исторический аспект в принятии субъектом той или иной логики важен, но не тотален, так как критически настроенным субъектом может быть самостоятельно выведена любая из возможных логик – невозможных логик не бывает. Невозможная логика – это уже не логика, а что-то иное.

Средством объектного выражения знания в качестве непосредственной модели познаваемого может являться что угодно, что позволяет получить такую модель познаваемого, которая по характеру формосодержательной целостности будет совпадать с ним (например, знание о синем цвете может быть выражено синим цветом, который не есть знак синего цвета, но сам этот синий цвет).

Средствами объектного выражения знания в качестве опосредованной модели познаваемого являются такие средства, с помощью которых знание может получить условно-знаковую форму. И в то же время сама условно-знаковая форма является средством объектного выражения знания.

Условно-знаковая форма может быть внеязыковой или языковой.

Внеязыковая условно-знаковая форма доступна для графического, звукового и жестового выражения. Минимальной единицей выражения знания в условиях внеязыковой условно-знаковой формы является знак. Знаки могут организовываться в различные знаковые структуры, отличающиеся по характеру как самих знаков, так и по их организации, а также по специфике выражения ими знания. Такими организованностями являются: код, схема и рисунок.

Код – это взаимообусловленное единство определённого ограниченного набора не языковых условных знаков и алгоритма их использования, позволяющее передавать конкретное специфическое знание (например, нотная запись, запись языковой транскрипции и т.п.). Необходимо различать код в данном значении от кода в значении «шифрование», в условиях которого код соотносится с той или иной конкретной языковой формой и предназначается для её передачи (таким образом, трансформируясь, перестаёт быть внеязыковой условно-знаковой формой и оказывается условно-знаковой формой языковой).

Схема – это совокупность потенциально разнохарактерных знаков, фиксирующих собой основные или те или иные компоненты познаваемого с той или иной степенью их детализации, являющаяся по отношению к схематизируемому внеязыковой условно-знаковой моделью (например, электрические схемы, схемы эвакуации и т.п).

Рисунок – это схема, в которой формирующие её знаки, не теряя своего качества компонента модели выражаемого, приобретают такую индивидуализацию, которая может характеризовать и как уточнение знания за счёт его более масштабной конкретизации, так и

искажение, происходящее за счёт субъективации знака выражающим его субъектом.

Код, схема и рисунок с той или иной степенью соответствия им могут быть описаны с использованием языковых средств, но не являясь языковыми условно-знаковыми формами, сами по себе они не требует перевода с одного языка на другой.

Так как схема по отношению к выражаемому (схематизируемому) является его внеязыковой условно-знаковой моделью, то в отношении одного и того же познаваемого может быть только одно схематическое изображение, которое и будет являться его адекватной моделью, опосредованной данной формой выражения. Все иные схематические изображения в отношении того же самого будут или фрагментами этой модели, или тем, что такой моделью не является. Чисто визуальное отличие различных схематических изображений в отношении одного и того же вполне возможно и должно рассматриваться как вариант формы, но не содержания выражаемого. Таким образом, схематическое изображение, являющееся моделью выражаемого, уже и есть его *онтологическая схема* – попытка схватывания сущности чего-то конкретного, или иначе – независимая от языковой условности логическая конструкция, содержащаяся в продукте познавательной активности в отношении конкретного познаваемого и являющаяся его исходным минимальным определением, задающим уникальность данного познаваемого от чего-либо иного.

Языковая условно-знаковая форма – *язык*, доступный для звукового, графического и жестового выражения. Язык является символической системой. Так как такие дробные структурные части языка как фонемы и морфемы не могут

выражать знания, то минимальным структурным элементом языка по отношению к выражаемому знанию является *слово* – условное имя чего-то конкретного, а на максимальном масштабе – *текст* – определённым образом организованная совокупность слов.

Безальтернативная языковая модель выражаемого возможна только в том случае, если в её основе лежит схема этого выражаемого. Во всех иных случаях – языковые модели в отношении одного и того же всегда принципиально вариативны.

Из любого знания, выражаемого языком, можно вычленить онтологическую схему познаваемого, но так как схематическое изображение, являющееся моделью выражаемого, по сути уже и есть его онтологическая схема, то необходимо разделять их: на те, которые были получены непосредственно в результате реализации процесса схематизации – получения схематического изображения (*непосредственные онтологические схемы*) и те, которые вычленялись из условностей языковых конструкций (*опосредованные онтологические схемы*).

Внеязыковые и языковые условно-знаковые формы как средства выражения знания имеют свои ограничения и функциональны, ограниченно функциональны или не функциональны в отношении того или иного конкретного знания. Поэтому проблема некорректного объектного выражения знания в качестве опосредованной модели познаваемого – это проблема не только корректного использования внеязыковых и языковых условно-знаковых форм, но и их собственной функциональности для выражения конкретного знания.

Коммуникативная функция объектного выражения знания всегда вторична к самой возможности объектного

выражения знания, которая связана с наличием этого самого знания, полученного в результате реализации познавательной деятельности. Иными словами: прежде, чем возникает коммуникативная ситуация, в которой человек может использовать внеязыковые или языковые условно-знаковые формы, у него уже наличествует знание о чём-то, что оказывается исходным материалом в процессе их использования как средства коммуникации (прежде, чем крикнуть «А!», предупреждая кого-то об опасности, или просто выражая свою эмоцию, связанную с этим, субъект реализует познавательную деятельность, продуктом которой является знание об опасности, которое он потом и выражает криком «А!»). Поэтому то или иное средство объектного выражения знания находится в прямом подчинении знанию, которое оно призвано выражать.

Наиболее распространённым средством объектного выражения знания в качестве опосредованной модели познаваемого является языковая условно-знаковая форма. Если абстрагироваться от интерпретаций природы языка, то условно можно разделить языки на *естественные* и *искусственные*.

Естественные языки первичны по отношению к искусственным языкам и изначально формируются независимо от сознательного отношения к ним человека, что не исключает последующего его сознательного воздействия на них. Искусственный язык невозможен в ситуации отсутствия естественного языка. Искусственные языки могут быть *альтернативными* – предназначенными для подмены собою естественных языков, например, для унификации языкового общения *(коммуникативные языки*) или создания особой языковой атмосферы (*вымышленные*

языки), *исполнительными* – по сути являющимися кодами, не имеющими в своей основе устойчивых структурных элементов присущих языку (фонем и морфем), и поэтому не являющимися в строгом значении языками, *формально-логическими* – созданными для обслуживания определённой специфической логики и также не имеющими в своей основе устойчивых структурных элементов, присущих языку (фонем и морфем), и поэтому не являющимися в строгом значении языками. То, что исполнительные и формально-логические «языки» получают название язык, является некорректным использованием данного термина. Точно так же некорректно говорить о языке или языках культуры, искусства, живописи, кино и т.п. – слово язык в отношении средств, приёмов, методов, с использованием которых создаются продукты различных видов человеческой деятельности, может быть задействовано только в качестве своеобразной фигуры речи.

Если естественные языки потенциально способны выражать любую не специфическую логику, то каждое конкретное формально-логическое средство выражения знания, используя потенциально любые типы знаков, а также схемы, является оптимальным средством для обслуживания определённой специфической логики, выражение которой по той или иной причине с использованием естественного языка является или затруднительным, или вообще невозможным. Таким образом, *формально-логическое средство* – это, основанное на конкретной специфической логике, средство оперирования информацией и выражения знания, полученного в результате данного оперирования.

Специфическая логика – это логика, требующая для

оперирования ею и выражения полученных с её использованием знаний, наличия обслуживающего её формально-логического средства. Конкретную специфическую логику при потенциальной возможности наличия альтернативных формально-логических средств оптимально может обслуживать только какое-то одно формально-логическое средство.

В ситуации реализации познавательной деятельности с использованием специфической логики и выражения получаемого знания с помощью конкретного оптимального для этой специфической логики формально-логического средства, при условии отсутствия иных альтернативных предложений по формированию знания в отношении того же самого с использованием иной специфической логики, возможно возникновение *теоретического знания* – заместительной модели в отношении познаваемого – того, что выражает максимально доступное и адекватное на актуальный момент знание в отношении познаваемого.

Мышление, логика и познавательная активность субъекта не зависят от языка. От языка зависит их продуктивное выражение, что приводит к возможному искажению знания, выражаемого языком. Для того, чтобы преодолеть зависимость от языка, осуществляется переход от естественного языка к формально-логическому средству выражения знания. Если такой переход не происходит, то развивается ситуация потенциального наличия множественного альтернативного знания в отношении одного и того же, при том, что ни один из вариантов этого знания не является знаниевой моделью познаваемого.

1.1.2. Средство выражения теоретического знания в гуманитарной науке. В связи с тем, что искусство, и шире – культура, а, кстати, и её компонент – наука, есть ни

что иное как результат деятельностной активности человека, то определив оптимальное формально-логическое средство для её выражения, будет получено такое универсальное средство, с использованием которого окажется возможным выражать знание в отношении деятельности и всего, что с нею связано – всего того, что является нефизиологической жизнедеятельностью человека.

В связи с этим, для начала, необходимо дать максимально развёрнутое определение деятельности.

Деятельность – это перевод исходного материала в такое состояние, которое по отношению к тем процессам (действиям), с использованием которых осуществлялся перевод, может быть охарактеризовано как продуктивное, то есть законченное и не предполагающее реализации к нему иных процессов в условиях уже реализованной процессуальной множественности, что выражается в закреплении для каждой деятельности устойчивого продуктивного контейнера, в который «упаковывается» потенциально уникальная формосодержательная целостность продукта, полученная из исходного материала в результате реализации данной процессуальной множественности, которая при принципиальной вариативности как самих процессов, так и их последовательности, приобретает репродуктивный данный продуктивный контейнер цикличный характер.

Отталкиваясь от определения деятельности, можно заключить, что минимальной единицей деятельности является *процесс* – неотъемлемая составная часть деятельности, занимающая определённое конкретное место в процессуальной цепочке, и характеризуемая возможностью определения того конкретного результата,

который является её собственным продуктом, так или иначе используемым при реализации последующих процессов в структуре целого данной деятельности.

На самом минимальном масштабе рассмотрения можно говорить о четырёх субстанциональных процессах, на конкретизации которых основаны все остальные возможные процессы, образующие человеческую деятельность:

a) процесс трансформации субъектом объекта, продуктом чего является трансформированный объект;

b) процесс трансформации субъектом себя как объекта, продуктом чего является трансформированный субъект;

c) процесс трансформации субъектом непосредственно или опосредованно полученной информации, доступной для сознательного оперирования ею, продуктом чего является трансформированная информация, доступная для сознательного оперирования ею субъектом;

d) процесс выражения имеющейся информации, доступной для сознательного оперирования ею, в той или иной объектной форме, продуктом чего является объектно выраженная информация (*рис. 1*).

Представление процессов через исходный материал (ИМ), сам процесс (→) и организованность материала (ОМ), полученную после реализации в его отношении процесса, можно осуществить с использованием схемы анализа полиструктурной системы, предлагаемой Г.П. Щедровицким[1], и определить в качестве основного

[1] Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 257-263.

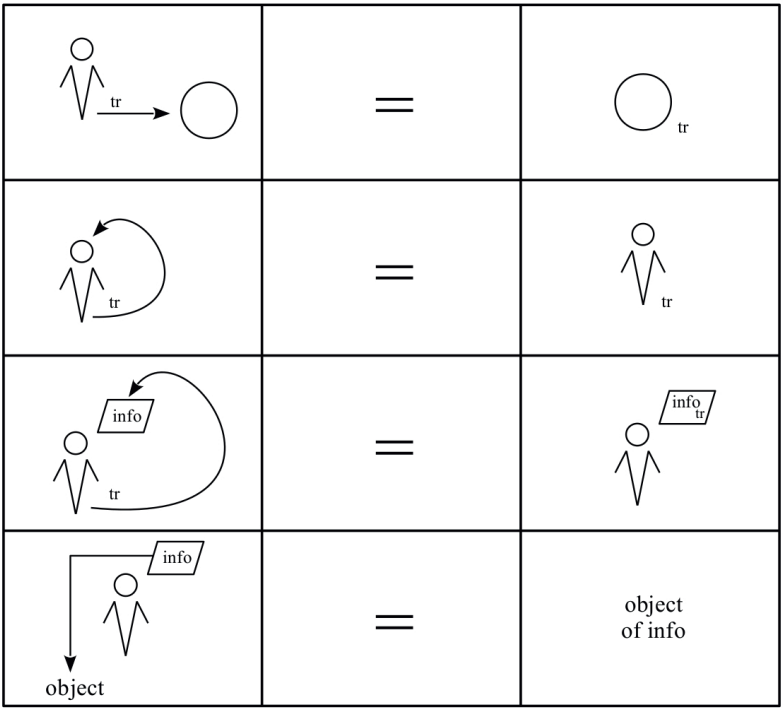


Рис. 1

средства выражения процессов, образующих деятельность. Таким образом, минимальное выражение процесса может приобретать следующий вид:

$$\rightarrow \text{ИМ} = \text{ОМ}$$

Учитывая трансформационный (tr) характер субстанциональных процессов по отношению к исходному материалу, минимальное выражение процесса может иметь и несколько иной вид:

$$\rightarrow \text{ИМ} = \text{ИМ}_{tr}$$

Или, если быть ещё более точным, вот такой окончательный вид:

$$\text{—tr}\rightarrow \text{ИМ} = \text{ИМ}_{tr}$$

Таким образом, получается такое формализованное средство выражения, использование которого при формировании знания в отношении процессов, а также деятельности – процессуальной множественности, оказывается универсальным и подменяющим собой необходимость выражать сущностные вещи, связанные с деятельностной активностью человека, естественным языком.

Так как каждый вид деятельности состоит из совокупности процессов, которые могут быть представлены обозначенным образом, то выразив описанные выше субстанциональные процессы, лежащие в основе человеческой деятельностной активности, по отношению к которым все иные процессы по сути являются производным из них, связанным со спецификой исходного материала, будут получены исходные формализованные выражения, на конкретизации которых могут строиться все иные построения, связанные с какими угодно видами деятельности, являющимися по отношению к ним производными.

Субстанциональные процессы, лежащие в основе деятельностной активности человека, могут быть выражены следующим образом:

a) процесс трансформации субъектом объекта, продуктом чего является трансформированный объект –

$$S \xrightarrow{tr} O = O_{tr}$$

(где S – субъект, а O – объект);

b) процесс трансформации субъектом себя как объекта, продуктом чего является трансформированный субъект –

$$S_1 \xrightarrow{tr} S_1 = S_{1tr};$$

a-2) получив описание второго процесса, необходимо

сделать некоторое уточнение в отношении первого процесса, связанное с тем, что так как субъект не может трансформировать объект, не трансформируя себя как объект (то есть трансформация субъектом другого объекта невозможна без самотрансформации), то это необходимо отобразить в формализованном выражении:

$$(S_1 \text{—tr}\rightarrow S_1) \text{—tr}\rightarrow O = O_{tr}\ ;$$

c) процесс трансформации субъектом непосредственно или опосредованно полученной информации, доступной для сознательного оперирования ею, продуктом чего является трансформированная информация, доступная для сознательного оперирования ею субъектом –

$$S_1^{[info]} \text{—tr}\rightarrow {}^{[info]} = S_1^{[info\text{-}tr]}$$

(где info – information – это информация доступная для оперирования субъектом);

d) процесс выражения имеющейся информации, доступной для сознательного оперирования ею, в той или иной объектной форме, что может происходить либо за счёт трансформации субъектом объектов, субъектом самого себя как объекта, либо трансформации субъектом других субъектов, продуктом чего является объектно выраженная информация –

$$S_1^{[info]} \text{—} [\text{tr}\rightarrow O/S_1/S_x]\rightarrow {}^{[info]} = \text{object of info.}$$

Варианты минимального выражения процесса синонимичны и являются основой средства выражения теории искусства и шире – теории в отношении чего-либо, в основе предметной области чего лежит человеческая деятельность.

Процессы, образующие деятельность, можно классифицировать по тому, «упаковываются» ли их результаты в такие продуктивные контейнеры, которые

могут быть охарактеризованы как промежуточные по отношению к продуктивному контейнеру всей реализуемой деятельности или по отношению к иным возможным промежуточным продуктивным контейнерам.

Можно выделить как минимум три класса процессов, образующих любой из возможных видов деятельности:

– *этапные процессы* – процессы, в отношении к продуктам которых могут быть определены промежуточные продуктивные контейнеры по отношению к продукту всей деятельности в целом (*рис. 2-a*);

– *субэтапные процессы* – процессы, в отношении к продуктам которых могут быть определены промежуточные продуктивные контейнеры по отношению к промежуточным продуктам всей деятельности в целом (исходя из специфики деятельности они могут также делиться на субпроцессы) (*рис. 2-b*);

– *минимальные процессы* – процессы, в отношении к продуктам которых не могут быть определены промежуточные продуктивные контейнеры, выходящие за рамки конкретизации четырёх субстанциональных процессов человеческой деятельности (*рис. 2-c*).

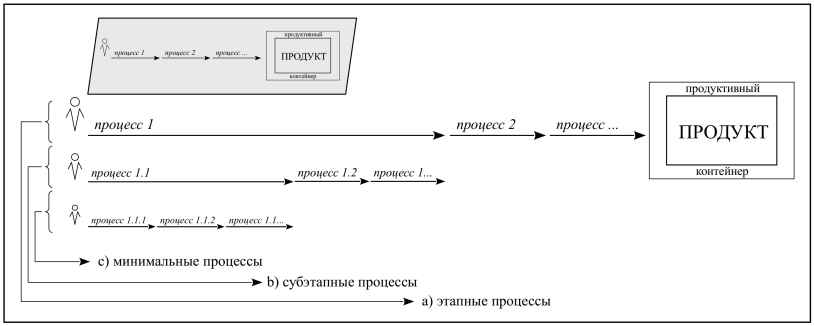


Рис. 2

Пример 1.

Деятельность – написание картины. Продуктивный контейнер, соответствующий данной деятельности – картина.

Этапный процесс (один из последовательности) – создание эскиза картины. Продуктивный контейнер, соответствующий данному процессу – эскиз картины.

Субэтапный процесс по отношению к этапному процессу «создание эскиза картины» (один из последовательности) – определение композиционного центра эскиза картины. Продуктивный контейнер, соответствующий данному процессу – пространственная координата на плоскости листа.

Пример 2.

Деятельность – фильмопроизводство. Продуктивный контейнер, соответствующий данной деятельности – фильм.

Этапный процесс (один из последовательности) – съёмочный процесс. Продуктивный контейнер, соответствующий данному процессу – съёмочный кадр.

Субэтапный процесс по отношению к этапному процессу «съёмочный процесс» (один из последовательности; параллельный ряду иных, реализуемых в это же время процессов; также в данном примере – потенциально повторяющийся в этой последовательности для каждого съёмочного кадра) – определение технических характеристик для камеры, с помощью которой будет происходить съёмка. Продуктивный контейнер, соответствующий данному процессу – точечная (по отношению к конкретному кадру) техническая настройка камеры.

В соответствии с проведённой классификацией, можно определять оптимальный для каждого конкретного

исследования масштаб рассмотрения деятельности и, соответственно, форму выражения знания о ней с использованием данного средства. Поэтому степень формализации выражения знания на разных масштабах рассмотрения деятельности может быть допустимо разной (минимальные процессы требуют большей формализации и строгости в выражении, чем этапные процессы, которые даже вполне допустимо выражать с использованием традиционного языкового средства).

При объектном выражении знания о той или иной деятельности через образующую её процессуальную множественность, состоящую из конкретизированных элементарных процессов (минимальных процессов), или же цепочку этапных или субэтапных процессов (в данном случае это характеризует масштаб рассмотрения

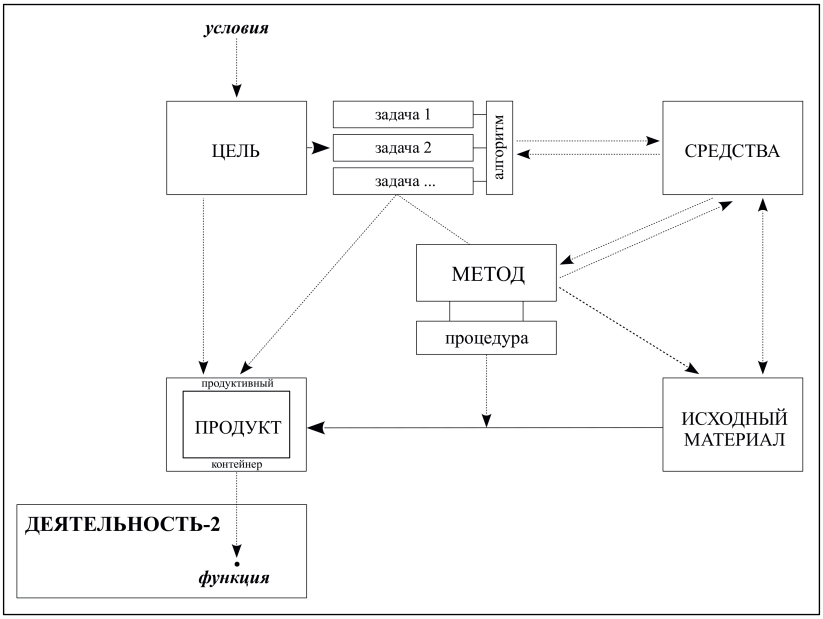


Рис. 3

деятельность / этапный процесс / субэтапный процесс	**цель** (проектная артикуляция продукта)
	задача (этап в логической последовательности действий для достижения цели)
	алгоритм (принципиальная последовательность задач для достижения цели)
	средства (с помощью чего)
	метод (каким образом)
	исходный материал (из чего)
	продукт (что)
	продуктивный контейнер (в чём)
	функция продукта (где и как будет использоваться)

Рис. 4

деятельности), могут быть использованы любые условно-знаковые средства, а конечный вид приобретать схематическую или текстовую форму.

На более общем масштабе деятельность может выражаться через её *методическое представление* – набор блоков, выступающих «в роли “разборных ящиков”, помогающих выделять основные элементы» деятельности[1]. Методическое представление деятельности может облекаться в форму схемы (*рис. 3*), таблицы (*рис. 4*) или текста.

[1] Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 243-244.

Специфическим по отношению к иным видам деятельности является рефлексивно-исследовательская деятельность, которая в свою очередь может выражаться также процессуально или же несколько иначе – инструментарно, через основные компоненты исследовательской работы.

Самое общее неконкретизированное процессуальное выражение рефлексивно-исследовательской деятельности в масштабе этапных процессов может быть дано только в отношении сугубо исследовательской деятельности, связанной с исходным целеполаганием, заключающемся в получении уникального знания о познаваемом:

Цель деятельности. Получение знания о познаваемом, удовлетворяющего познавательному запросу. Продукт деятельности: знание в отношении предмета исследования, удовлетворяющее познавательному запросу, выраженное в той или иной форме объектного выражения.

Процесс 1. Определение познаваемого в качестве предмета исследования. Продукт: предмет исследования.

Процесс 2. Получение непосредственных данных о предмете исследования. Продукт: непосредственно полученные данные о предмете исследования.

Процесс 3. Получение опосредованных данных о предмете исследования. Продукт: опосредованные данные о предмете исследования.

Процесс 4. Сопоставление непосредственно полученных данных о предмете исследования с имеющимися опосредованными данными о нём. Продукт: конкретная исследовательская проблема, связанная с неудовлетворённостью наличествующим знанием в отношении предмета исследования.

Процесс 5. Решение конкретной исследовательской

проблемы, связанной с неудовлетворённостью знанием в отношении предмета исследования. Продукт: знание в отношении предмета исследования, удовлетворяющее познавательному запросу.

Процесс 6. Выражение полученного знания в отношении предмета исследования с использованием определённых средств выражения. Продукт: знание в отношение предмета исследования, удовлетворяющее познавательному запросу, выраженное в той или иной форме объектного выражения.

Инструментарный разбор рефлексивно-исследовательской деятельности оказывается возможен в результате распредмечивания её продукта (концептуального знания) – через фиксацию используемого ею механизма его формирования, включающим в себя:

– *предметоформирующую позицию* (точка зрения на познаваемое, определяющая предмет исследования);

– *исследовательские средства* (то, с помощью чего возможно получение субъектом данных о предмете и манипулирование ими: элементы сенсорной системы человека, память, индивидуальное мышление, коллективное мышление, средства коммуникации, языковые средства, специальные технические средства);

– *исследовательские подходы* (набор из трёх условных «призм», полагаемых между познающим и познаваемым, и определяющих: в условиях первой «призмы» (*стратегический подход*) – стратегию познавательной активности в отношении предмета исследования (каким образом познаётся предмет и строится знание о нём); в условиях второй «призмы» (*методологический подход*) – указание на изначальное

рассмотрение предмета как чего-то формально определённого (в качестве чего по форме познаётся предмет); в условиях третьей «призмы» (*интерпретационный подход*) – указание на изначальное рассмотрение предмета как чего-то содержательно и/или контекстуально определенного (в качестве чего по содержанию или в контексте с чем познаётся предмет);

– *исследовательские методы* (то, каким образом познающим субъектом осуществляется непосредственное действие с познаваемым).

В качестве важного дополнения необходимо указать на следующее: в различных видах коллективной деятельности допустимо одновременное развёртывание параллельных друг другу этапных или субэтапных процессов, каждый из которых характеризуется своей спецификой, связанной с целеполаганием, представлением о продукте, исходным материалом, средствами и методами, которая их обуславливает. Поэтому каждый из таких процессов требует отдельного рассмотрения и последующего корректного сочленения через тот или иной их компонент (как правило продукт). При этом выражение их в условиях одного исследования должно быть гомогенным.

Одной из особенностей описанного средства выражения знания является принципиальная вариативность используемых условных знаков, что не требует от того, кто собирается задействовать его, ни какой-то специальной подготовки, ни включения в какую-то особенную традицию, кроме понимания исходных установок, лежащих в его основе. Поэтому в ситуации использования единообразных условных знаков при выражении знания с применением описанного средства объектное выражение знания будет гомогенным.

Использование описанного средства выражения знания возможно и к предметным областям, образуемым дисциплинами, связанными с естественнонаучной формой рациональности. Однако в связи с тем, что познаваемым в естественнонаучных дисциплинах является не деятельность, а имманентная человеку опытно постигаемая данность, оптимальным функциональным выражением знания о которой является знание, продуцируемое самими этими дисциплинами, то оказывается, что такое её рассмотрение, хотя и возможно, но по сути не функционально, в том числе с учётом того, что механизм формирования естественнонаучного знания, в отличие от гуманитарного знания, в котором он скрывается за его языковым артикулированием, является открытым и однозначно выражаемым с использованием формально-логического средства.

Вопросы к параграфу 1.1. Средство выражения знания

1. Что является продуктом мыслительной деятельности?
2. Что означает выражение объектное выражение знания?
3. В чём отличие внеязыковой от языковой формы выражения знаний?
4. Перечислите организованности знаков в условиях внеязыковой условно-знаковой формы выражения знаний.
5. Что такое онтологическая схема?
6. Какие бывают искусственные языки?
7. Что такое деятельность?
8. Перечислите четыре субстанциональных процесса человеческой деятельности.
9. Выразите каждый из четырёх субстанциональных процессов человеческой деятельности с использованием схемы анализа полиструктурной системы Г.П. Щедровицкого.
10. Перечислите три класса процессов, на которые масштабно можно разделить любой вид деятельности.

11. Воспроизведите методическое представление деятельности в форме схемы, таблицы или текста.
12. Перечислите основные компоненты, которые используются при формировании знания, и которые могут быть выявлены в результате его распредмечивания.

1.2. Дискурсивность и дисциплинарность

Если принимать следующее самое общее определение научной дисциплины (что здесь, безусловно, можно сделать) – «определённая форма систематизации научного знания, связанная с институализацией знания, с осознанием общих норм и идеалов научного исследования, с формированием научного сообщества, специфического типа научной литературы (обзоров и учебников), с определёнными формами коммуникации между учёными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров»[1], то необходимо зафиксировать один важный момент: при разговоре о научной дисциплине речь идёт о *научном* знании, где под его институализацией подразумевается всего лишь его верификация как такового, исходя из соответствия этого знания «нормам и идеалам научного исследования». Возникает вопрос: а что делать в ситуации отсутствия или вариативности таких «норм» и «идеалов»? То есть вопрос о том, а каким образом существовать научным дисциплинам вне естественнонаучной формы рациональности, в условиях которой только и возможно единство этих «норм» и «идеалов», при том, что сама дисциплинарная организация знания не ставится под сомнение?

[1] Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Её генезис и обоснование. – Москва: Наука, 1988. – С. 244.

Необходимость деления знания на дискурсивное и дисциплинарное как раз и связано с невозможностью проведения вне естественнонаучной формы рациональности его объективного разделения на то, что является в актуальный момент научным знанием, а что таковым не является (собственно почему Т. Кун и отказывал гуманитариям в научности их знания, фиксируя его вечное нахождение на допарадигмальном этапе развития науки, на котором познавательная деятельность гуманитариев всецело обусловлена герменевтической деятельностью, а продуцируемые «интерпретации являются сознательной целью научной игры»[1]) – такое разделение всегда будет чрезвычайно волюнтаристским и выражать не столько характер и ценность какого-то конкретного знания самого по себе по отношению к иному знанию, сколько характер отношения к нему тех или иных субъектов, по тем или иным причинам наделённых полномочиями для вынесения такого суждения (в качестве примера можно привести советский период в истории отечественной науки, когда некие утверждения, причём даже не обязательно связанные с гуманитарным знанием, утверждались в качестве истинных, хотя таковыми и не являлись – концепция Лысенко, марксистко-ленинская эстетика и т.п.). В то же время такое разделение просто-напросто необходимо, ведь в противном случае пришлось бы вообще любое знание включать в структуру того или иного дисциплинарного знания, что превратило бы его из систематизированной организованности в бесструктурный хаос.

Исходя из того, что в основе любой научной дисциплины полагается знание – «форма социальной и

[1] Кун Т. После «Структуры научных революций». – Москва: АСТ, 2014. – С. 298-307.

и индивидуальной памяти, свёрнутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»[1], то для того, чтобы иметь возможность проводить качественное разделение знания не по форме рациональности, используемой при его продуцировании, а как-то иначе (что позволило бы применять данное разделение в отношении к гуманитарному знанию), необходимо установить самое общее понимание знания, которое бы удовлетворяло логике такого его последующего разделения.

1.2.1. Онтологическая схема знания. Для того, чтобы, с одной стороны, не вступать в полемику с имеющимися представлениями в отношении знания, а, с другой, не принимать какое-то из них вне того целого, частью которого оно является (и то и другое заставило бы нас проводить дополнительную объёмную и совершенно ненужную работу), коротко реконструируем логику тех процессов, в результате реализации которых появляется то, что при определённых условиях определяется в качестве знания.

Если моделировать онтологическую схему знания как продукта познавательной активности, то надо сразу же оговаривать возможность её положения в качестве таковой для любого вида познания – обыденного, мифологического, религиозного, художественного, философского и, собственно, научного, определяя их как то, что характеризует конкретную специфику использования самой возможности ведения человеком познавательной деятельности, которая и должна выражаться в данной схеме.

---

[1] Знание / И.Т. Касавин // Новая философская энциклопедия: в 4-т. Том 2. – Москва: Мысль, 2010.– С. 51.

При наличии трёх способов познания, выделяемых по характеру взаимодействия познающего с познаваемым – непосредственного, опосредованного и мыслеедеятельностного, первое из них может быть определено исходным по отношению к остальным.

Исходя из того, что непосредственное получение человеком любой фактологической информации об окружающей данности полностью обусловлено его физиологией[1] (примем это в качестве непроблематизируемой данности, что будет единственным, но главным допущением реализуемого построения), непосредственное (опытно, эмпирическое) познание может быть представлено через два процесса:

a) процесса (→) трансформации (tr) конкретным познающим субъектом (S_1) себя самого по отношению к противопоставляемому ему познаваемому (O), в результате которой он оказывается подготовлен к тому, что познаваемое, будучи независимым от познающего, таким образом представляется ему, что он способен получить информацию (info) о нём, продуктом чего будет являться трансформированный субъект (S_1tr), имеющий представление о том, что он будет воспринимать некоторый объект (O ← S), который в свою очередь будет воздействовать на него (O → S), в результате чего субъект станет обладателем информации об этом объекте (infoO) –

$$S_1 \text{—tr}\rightarrow S_1 = S_{1tr}\ [O \rightleftarrows S = S(\text{infoO})]$$

b) процесса взаимодействия субъекта и объекта, состоящего из воздействия объекта на трансформированный субъект, подготовленный к его восприятию, который в свою очередь воспринимает

[1] См, например: Любимов В.В. Психология восприятия. – Москва: Эксмо, ЧеРо, МПСИ, 2007. – С. 106-109.

данный объект, продуктом чего будет являться информация об объекте, носителем которой является трансформированный субъект –

$$O \rightleftarrows S_{1tr} = S_{1tr}{}^{[infoO]}$$

Однако для того, чтобы единичный акт познания был завершён, полученная информация должна быть верифицирована (верификация может быть представлена как процесс) субъектом в качестве знания – того, что является заместителем познаваемого (собственно только после чего информация и фиксируется как знание). Для этого субъектом, являющимся получателем и носителем информации об объекте, реализуется сопоставление (↔) имеющейся информации с тем познаваемым, информацией о которой она является, продуктом чего может оказаться в первом случае установление соответствия (=) между информацией и познаваемым, во втором случае – условного соответствия (≈) между ними и, наконец, в третьем случае – несоответствия (≠) между сопоставляемым (в последнем случае фиксируется ситуация не получения знания как продукта познавательной активности) –

$$S_1{}^{[(infoO) \rightarrow ((infoO) \leftrightarrow O)]} =$$

$$a)\ S_1{}^{[(infoO) = O]}$$

$$b)\ S_1{}^{[(infoO) \approx O]}$$

$$c)\ S_1{}^{[(infoO) \neq O]}$$

Для того, чтобы полученная субъектом информация о познаваемом и верифицированная им в качестве соответствующей или условно соответствующей ему, то есть зафиксированная в качестве знания в отношении этого познаваемого, была доступна для иных субъектов, она должна быть выражена (выражение может быть представлено как процесс, в основе которого лежат такие

процессы как трансформация субъектом объектов, других субъектов, себя как объекта) в объектной форме, доступной для непосредственного восприятия другими субъектами. Продуктом такого выражения, которое здесь может быть представлено одним процессом, будет являться информация об объекте, имеющая объектную форму, опосредованная двумя процессами – получения данной информации и процессом её объектного выражения –

$$S_1^{[(\text{infoO}) =/\approx \text{O}]} \text{—}[\text{tr}\rightarrow \text{O}/S_1/S_x]\rightarrow^{[\text{infoO}]} = \frac{\text{object of infoO}}{1)\ \text{O} \rightleftarrows S_1\text{tr} \quad 2)\ S_1^{[(\text{infoO}) =/\approx \text{O}]} \text{—}[\text{tr}\rightarrow \text{O}/S_1/S_x]\rightarrow^{[\text{infoO}]}}$$

Только в ситуации наличия объектно выраженной информации о чём-либо мы можем говорить об опосредованном познании, которое допустимо выразить через два процесса:

а) процесс восприятия конкретным субъектом (S_2) объектно-выраженной информации о познаваемом, опосредованной процессами получения данной информации и её объектного выражения, продуктом чего будет являться субъект, являющийся носителем данной информации –

$$S_2 \rightarrow \frac{\text{object of infoO}}{1)\ \text{O} \rightleftarrows S_1\text{tr} \quad 2)\ S_1^{[(\text{infoO}) =/\approx \text{O}]} \text{—}[\text{tr}\rightarrow \text{O/S1/Sx}]\rightarrow^{[\text{infoO}]}} =$$

$$S_2 \left[\frac{\text{object of infoO}}{1)\ \text{O} \rightleftarrows S_1\text{tr} \quad 2)\ S_1^{[(\text{infoO}) =/\approx \text{O}]} \text{—}[\text{tr}\rightarrow \text{O/S1/Sx}]\rightarrow^{[\text{infoO}]}} \right]$$

b) процесса сопоставления субъектом, являющимся носителем полученной информации, данной информации с тем познаваемым, информацией о которой она является, продуктом чего может оказаться в первом случае установление соответствия между информацией и познаваемым, во втором случае – условного соответствия между ними и, наконец, в третьем случае – несоответствия между сопоставляемым (в последнем случае фиксируется ситуация не удовлетворённости полученным опосредованным знанием) –

$$S_2 \left[\frac{\text{object of infoO}}{1)\ O \rightleftarrows S_1 tr \quad 2)\ S_1^{[(infoO) \approx/\approx O]} \text{—}[tr\rightarrow O/S1/Sx]\rightarrow^{[infoO]}} \right] \rightarrow$$

$$\left[\left[\frac{\text{object of infoO}}{1)\ O \rightleftarrows S_1 tr \quad 2)\ S_1^{[(infoO) \approx/\approx O]} \text{—}[tr\rightarrow O/S1/Sx]\rightarrow^{[infoO]}} \right] \leftrightarrow O \right] =$$

a)

$$S_2 \left[\left[\frac{\text{object of infoO}}{1)\ O \rightleftarrows S_1 tr \quad 2)\ S_1^{[(infoO) \approx/\approx O]} \text{—}[tr\rightarrow O/S1/Sx]\rightarrow^{[infoO]}} \right] = O \right]$$

b)

$$S_2 \left[\left[\frac{\text{object of infoO}}{1)\ O \rightleftarrows S_1 tr \quad 2)\ S_1^{[(infoO) \approx/\approx O]} \text{—}[tr\rightarrow O/S1/Sx]\rightarrow^{[infoO]}} \right] \approx O \right]$$

c)

$$S_2 \left[\left[\frac{\text{object of infoO}}{1)\ O \rightleftarrows S_1 tr \quad 2)\ S_1^{[(infoO) \approx/\approx O]} \text{—}[tr\rightarrow O/S1/Sx]\rightarrow^{[infoO]}} \right] \neq O \right]$$

В связи с тем, что в основном опосредованное познание реализуется в ситуации невозможности по тем или иным причинам реализовывать непосредственное познание, то процесс верификации знания, полученного в результате реализации опосредованного познания, зачастую опускается, а сама объектно выраженная информация воспринимается априори как знание о познаваемом даже без учёта опосредованности её процессами получения и объектного выражения (в этой связи чрезвычайно остро встаёт вопрос доверия источнику такой информации-знания, о чём пойдёт речь ниже в связи с разделением знания на дискурсивное и дисциплинарное). При необходимости передачи субъектом опосредованного знания реализуется процесс его объектного выражения и, если он не совпадает с исходным процессом объектного выражения данной информации, то информация о познаваемом оказывается обусловлена уже не только процессом её получения, но и обоими этими процессами её объектного выражения.

И, наконец, мыследеятельностное познание связано с тем, что знание в отношении познаваемого продуцируется в результате мысленного манипулирования конкретным субъектом (S_3) имеющейся у него информацией, полученной непосредственно или опосредованно, и в самом общем виде может быть представлено как минимум через два процесса:

а) процесс выделения (|→) субъектом из имеющейся информации познаваемого (O_x), продуктом чего будет являться мысленно противопоставляемый (←|→) субъекту объект (так как данный объект не может быть вынесен за «табло мышления» субъекта, в котором он только и существует, то он будет представлен через самого субъекта, являющегося его носителем) –

$$S_3\ ^{[(info)|\rightarrow Ox]} = S_3\ ^{[(info)\leftarrow|\rightarrow Ox]}$$

b) процесс манипулирования субъектом имеющейся у него информацией (в данном случае может быть представлен через её трансформацию), соотносимой с мысленно противопоставляемым субъекту объектом, продуктом чего будет являться информация об этом объекте, определяемая в качестве соответствующей или условно соответствующей ему (в данном случае процесс верификации, подобный реализуемому при непосредственном познании избыточен, так как отсечение неудовлетворяющего происходит при реализации процесса манипулирования имеющейся информацией) –

$$S_3\ ^{[\text{—tr}\rightarrow ((info)\leftarrow|\rightarrow Ox)]} = S_3\ ^{[(infoOx\ ) =/\approx Ox]}$$

Точно так же, как и при непосредственном познании, для того, чтобы полученная информация о мысленно выделенном объекте стала доступной для непосредственного восприятия другими субъектами, она должна быть выражена в объектной форме (в данном случае объектное выражение знания будет опосредовано тремя процессами: 1) выделения объекта из имеющейся у субъекта информации, 2) манипулирования субъектом имеющейся у него информацией, соотносимой с мысленно противопоставляемым субъекту объектом, 3) непосредственно процессом выражения):

$$S_3^{[(infoOx) =/\approx Ox]} \text{—}[tr\rightarrow O/S_1/S_x]\rightarrow {}^{[infoOx]} =$$

object of $infoO_x$

---

1) $S_3\ ^{[(info)|\rightarrow O_x]}$ 2) $S_3\ ^{[\text{—tr}\rightarrow ((info)\leftarrow|\rightarrow O_x)]}$ 3) $S_3^{[(infoO_x) =/\approx O_x]}$ —[tr→ O/S1/Sx]→ $^{[infoO_x]}$

Анализируя полученные построения, во-первых, можно сделать заключение о ключевой функции процесса верификации имеющейся или объектно выраженной информации для установления её в качестве знания в отношении познаваемого (собственно определение какой-то объектно выраженной информации в качестве научного знания – это и есть одна из форм такой верификации, которая в основном нас и интересует), а, во-вторых, подчеркнуть важность доверия к источнику опосредованного знания для его принятия в данном качестве.

Получив достаточные онтологические схемы трёх принципов познания, выделяемых по характеру взаимодействия познающего с познаваемым, можно перейти к рассмотрению разделения знания на дискурсивное и дисциплинарное.

1.2.2. Дискурсивное и дисциплинарное знание. Так как каждый конкретный субъект, реализующий в актуальный момент познавательную активность с использованием того или иного принципа познания, не может быть выведен за границы обусловленности его физиологии конкретной уникальной (по отношению к иным субъектам в тот же самый актуальный момент) пространственно-временной ($s_x t_x$) координатой, которая имеет объективный характер, то эта обусловленность может быть нами зафиксирована в качестве исходной для определения специфики реализации любой индивидуальной познавательной деятельности, а также вообще любой деятельности. В то же время, как бы нам не хотелось ввести какие-то уточнения, связанные с обусловленностью того же самого субъекта иными – более конкретными – социальными, социокультурными,

экономическими обстоятельствами, сделать это оказывается возможным только, если мы согласимся с изначальными допущениями, связанными с тем, что эти обстоятельства действительно влияли на него, хотя достоверность этого определить не представляется возможным. Поэтому мы не будем априори принимать данную конкретизацию в качестве обуславливающей познавательную деятельность субъекта, однако, сделаем своеобразный «заход» с другой стороны – попытаемся определить, а что собственно обуславливается этими возможными обстоятельствами.

Если отталкиваться от определения познавательной ситуации, данной Э.Г. Юдиным в отношении к научному исследованию («Говоря о *познавательной ситуации*, мы имеем самую широкую характеристику как познавательной деятельности в целом, так и условий её осуществления. Такое понятие, как нам представляется, позволяет охватить процесс научного исследования в его целостности и, с другой стороны, даёт возможность осуществить необходимые расчленения, выделить составляющие целого, его связи и механизмы развёртывания и развития»[1]), в котором под компонентами её состава подразумеваются познавательная трудность, породившая данную ситуацию, предмет исследования, требования к продукту, который должен быть получен в результате исследования, средства организации и реализации научного исследования[2], и перенести его на более общий масштаб – вообще на любое исследование, и шире – на любую познавательную активность, то можно

[1] Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – Москва: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 73.
[2] Там же, С. 73-74.

получить следующее её определение: *познавательная ситуация* – это максимальная совокупность обуславливающих обстоятельств, в которых субъект реализует познавательную деятельность. Обуславливаемым же потенциально оказывается всё то, что непосредственно связано с познанием:

– фокус на определённом познаваемом (что познаётся);

– исследовательский импульс (зачем познаётся);

– принципы нормирования познавательной деятельности (как реализуется работа над познанием);

– используемые средства, подходы и методы (с помощью чего и каким образом реализуется познание);

– форма выражения получаемого знания (как выражается полученное знание);

– продуктивный контейнер для выражения полученного знания (в каком формате выражается полученное знание);

– функция получаемого знания (где и как будет/может использоваться полученное знание).

При этом можно утверждать (однако, всё ещё оставаясь вне субъективирующей конкретизации), что субъект, осуществляющий познавательную деятельность, всегда включён в ту или иную конкретную познавательную ситуацию, которая обуславливает специфику его познавательной активности, и от которой он не может абстрагироваться – любое абстрагирование просто-напросто ведёт к переходу из одной познавательной ситуации в другую. Соответственно, порождаемое в условиях той или иной конкретной познавательной ситуации знание будет наследовать и нести в себе все её условности.

В этой связи чрезвычайно важным будет определение тех основных (архитипических) познавательных ситуаций, в которых может оказаться субъект, и которые не были бы связаны с их изначальной социальной, социокультурной, экономической и т.п. конкретизацией. Это возможно сделать двумя способами: или описав самоочевидные познавательные ситуации и уже на их основе, выявив иные возможные познавательные ситуации, или же сформулировав ряд критериев, на основании которых могли бы быть определены искомые принципиальные познавательные ситуации. Используем оба этих варианта, начав с первого.

В качестве простейшей и самоочевидной познавательной ситуации, в условиях которой может оказаться субъект, может быть определена *индивидуальная познавательная ситуация*.

Отталкиваясь от смоделированных онтологических схем непосредственного и мыследеятельностного познания, мы можем определить, что субъект, реализующий познавательную активность в условиях индивидуальной познавательной ситуации, во-первых, потенциально независим от иных субъектов и может реализовывать познание независимо ни от кого. Во-вторых – получаемое в такой ситуации субъектом знание главным образом функционально для него самого и может быть организовано и выражено как угодно произвольно, вплоть до того, что оно вообще может не иметь объектного выражения. И ещё одно – третье – по отношению к иному существующему знанию (независимо от осведомлённости о нём данного субъекта) это знание безотносительно, то есть оно может быть и вторичным, и методологически произвольным, и выражающим не столько знание о

познаваемом, сколько отношение к нему познающего субъекта (в то же время им самим принимаемое за заместительное в отношении познаваемого).

В качестве второй самоочевидной познавательной ситуации (по крайней мере, на настоящее время в условиях тех конкретизированных – социокультурных обстоятельств, которые обуславливают нашу собственную познавательную активность) может быть определена *дисциплинарная познавательная ситуация*.

Выделяя данную познавательную ситуацию в качестве одной из двух самоочевидных познавательных ситуаций, подразумевается, что её развёртывание происходит в условиях той или иной – любой из существующих дисциплинарных предметностей, конкретная специфика которых принципиально не влияет на характер реализации данной ситуации. А так как мы рассматриваем дисциплинарную познавательную ситуацию в актуальной для нас статике исторически сложившейся данности, связанной с наличием в актуальный момент определённой совокупности научных (естественных, социальных, гуманитарных) дисциплин, то нам нет необходимости описывать возникновение и историю утверждения дисциплинарности как своеобразного социального института, связанного с функционированием научного (естественного, социального, гуманитарного) знания (всё это в отечественной науковедческой литературе подробно описано в работах А.П. Огурцова[1], Э.М. Мирского[2],

[1] Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Её генезис и обоснование. – Москва: Наука, 1988.

[2] Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. – Москва: Наука, 1980. – С. 55-192.

в статьях авторов сборника «Науки о человеке: история дисциплин»[1].

Учитывая словарно-энциклопедические определения научной дисциплины[2], а также различные частные её представления, разворачивающиеся под тем или иным углом рассмотрения и в ситуации попытки решения конкретных задач[3], в том числе на масштабе науки в целом[4], можно дать устраивающее нас определение научной дисциплине: *научная дисциплина* – это институция, отвечающая за такой характер актуального знания в отношении соответствующей ей предметной области, который может быть определён в качестве

---

[1] Науки о человеке: история дисциплин. – Москва: Изд.дом Высшей школы экономики, 2015.

[2] См., например: Бикбов А.Т. Дисциплина научная // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва: Канон+, 2009. – С. 207-208; Мирский Э.М. Дисциплина научная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А-Д. – Москва: Мысль, 2010. – С. 672-673; Stichweh, R. Scientific disciplines, History of. // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. – Oxford: Elsevier Science, 2001. – Pp. 13727-13731.

[3] См., например: Парсонс Т., Сторер Я. Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты. – Москва: Прогресс, 1980. – С. 27-55; Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация. – Москва: Наука, 1980; Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век : концепции и проблемы: [в 3 ч.]. Часть 2: Философия науки: наука в социокультурной системе – Санкт-Петербург: Міръ, 2011; Касавин И.Д. Дисциплинарные классификации и нормативное регулирование науки // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. No 1. – С. 23-30.

[4] См., например: Проблемы исследования структуры науки: (Материалы к Симпозиуму). – Новосибирск : [б. и.], 1967; Структура и развитие науки: из Бостонских исследований по философии науки: сборник переводов. – Москва: Прогресс, 1978; Стёпин В.С. Философия и методология науки: избранное. – Москва: Акад. проект: Альма Матер, 2015.

заместительного, а все иные её функции (исследовательская, коммуникативная, организационная, образовательная) определены как обусловленные этим действием (возможностью его реализации), без которого научная дисциплина даже при сохранении всех иных функций перестаёт являться таковой.

Переводя данное определение в деятельностную плоскость, можно заключить, что цель существования любой научной дисциплины (естественнонаучной или гуманитарной) – это формирование целостного и непротиворечивого знания в отношении той предметной области, в отношении которой осуществляется познавательная активность в условиях данной дисциплины, за заместительный, допустимо заместительный или в крайнем случае – условно заместительный характер которого сообществом учёных, образующих ту или иную конкретную дисциплину, берётся на себя определённая социальная ответственность.

Следуя логике описания специфики индивидуальной познавательной ситуации, можно определить, что в условиях дисциплинарной познавательной ситуации, во-первых, субъект, реализующий познавательную деятельность, будучи включённым в иерархированное сообщество субъектов, также реализующих познавательную деятельность в отношении той же предметной области, полностью зависим от него. Во-вторых, необходимо зафиксировать, что получаемое в результате реализации познавательной деятельности знание должно определённым образом институализироваться в качестве заместительного, допустимо заместительного или условно заместительного, в отношении познаваемого, исходя из специфики

существующего знания, а также должно быть таким образом организовано и выражено, чтобы номинально сопрягаться с уже существующим знанием в отношении познаваемого, находящегося в той же предметной области. И последнее – в отношении к иному знанию в границах той же предметной области получаемое знание должно являться оригинальным, а к знанию, связанному с иными предметными областями – допустимо методологически негомогенным.

Исходя из анализа двух описанных познавательных ситуаций можно определить те критерии, на основании которых могут быть выделены иные принципиальные познавательные ситуации, не связанные с их изначальной конкретизацией:

a) формальная зависимость субъекта, реализующего познавательную деятельность, от его включённости в сообщество субъектов, также реализующих познавательную деятельность в отношении той же предметной области;

b) характер первичной функции получаемого в результате реализации познавательной деятельности знания;

c) принципы организации и выражения полученного знания;

d) отношение полученного знания к иному существующему знанию.

В качестве реально существующей формы трансформации дисциплинарной познавательной ситуации может быть определена *постдисциплинарная познавательная ситуация*, связанная с идеями мульти- и трансдисциплинарности, в условиях которых делается попытка преодоления дисциплинарной раздробленности

(главным образом связанная с обособленностью предметных областей, соответствующих различным дисциплинарным предметностям, разностью понятийного, терминологического и методологического инструментария, используемого для получения, организации и выражения знания, а также обособленностью самого этого знания от иного знания, продуцируемого в условиях иных дисциплин) при принципиальной неизменности основной функции дисциплинарного принципа – несение ответственности за заместительную функцию актуального знания в границах определённой предметной области[1].

Исходя из этого можно определить те критерии, которые выдвигаются постдисциплинарной познавательной ситуацией (они будут лишь немногим отличаться от критериев выдвигаемых дисциплинарной познавательной ситуацией):

a) субъект, реализующий познавательную деятельность, будучи включённым в иерархированное сообщество субъектов, также реализующих познавательную деятельность в отношении той же предметной области, полностью зависим от него;

b) получаемое в результате реализации познавательной деятельности знание должно определённым образом институализироваться в качестве заместительного в отношении познаваемого;

[1] См., например: Cohen, E., Lloyd, S. Disciplinary evolution and the rise of the transdiscipline // Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline. 2004, № 17. – Pp. 189-215; Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 10 (112). – С. 193-201; Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. №4. – С. 26-35; Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под редакцией В. Бажанова, Р.В. Шольца. – Москва: Издательский дом «Навигатор», 2015.

c) знание должно быть таким образом организовано и выражено, чтобы реально сопрягаться с уже существующим знанием в отношении познаваемого, находящегося в той же предметной области;

d) знание должно являться оригинальным и методологически гомогенным с любым иным институализированным тем же образом знанием безотносительно возможных условных границ предметных областей.

Если отсечь то действие по несению ответственности за знание, которое было определено в качестве основного для научной дисциплины как специфической институции, то можно будет зафиксировать принципиальное наличие самых разных не дисциплинарных коллективных единств с той или иной возможной кардинально отличной друг от друга степенью внутренней иерархии и социальной институализацией, в условиях которых субъектами может реализовываться познавательная активность. Таким образом, ситуация реализации любой познавательной активности, выходящей за рамки её индивидуальной формы и не развёртываемой в условиях дисциплинарной или постдисциплинарной ситуации, может быть определена в качестве ещё одной специфической познавательной ситуации – условно назовём её *дискурсивной*.

Данный термин используется принципиально и осознанно: тем самым, с одной стороны, мы делаем отсылку к работам М.Фуко[1], фиксирующему обусловленность познавательной деятельности субъекта

[1] Фуко М. Археология знания. – Санкт-Петербург: Гуманитарная акад., 2012; Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – Москва: Касталь, 1996. – С. 47-96.

его социальной детерминированностью, равно как и понимание какого-либо знания им продуцируемого, а также к отношению к знанию в концепции постмодернизма, выходящей за рамки воззрений М.Фуко, в которой по той же причине взгляд на саму возможность какого-либо объективного знания подвергается определённой критике[1], с другой же стороны, мы пытаемся уже самим этим термином зафиксировать основное свойство того, что им определяется – обусловленность процесса продуцирования субъектом знания самым широким спектром различных аспектов, влияющих на него, в том числе и собственно языковых, превращающим знание либо через систему макро- и микронарративов в критикуемый философией постмодернизма «метанарратив», либо в то, что избавляет человека от этого, навязываемого ему культурой и социумом, «метанарратива» – игру.

Конечно, с точки зрения М.Фуко, Ж.-Ф.Лиотара и ряда других авторов, любая научная дисциплина – это тоже своеобразная форма дискурса, с их точки зрения, насилующая и подчиняющая себе индивида, однако, мы принципиально разводим их, так как то, что интерпретируется в научной дисциплине как дискурсивное – это существующая, но необязательная «надстройка», связанная с реализацией вторичных по отношению к основной (создание знаниевого заместителя) функций – коммуникативной, образовательной, организационной. Наука же сама по себе вообще не имеет ничего общего с нарративом, который в отличие от логического знания полностью зависим от языка. Наука ничего не

[1] См., например: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013; Jenkins, Keith. Re-Thinking History. – London: New York: Routledge, 1991.

рассказывает – она формирует заместительные модели в отношении познаваемого (превращение знания в «рассказ», что иногда, а то и зачастую происходит в гуманитарных дисциплинах, как раз и трансформирует научную дисциплину в своеобразное дискурсивное единство). И поэтому наука по большому счёту вообще может не пользоваться языком для выражения этих моделей, но использовать какое-либо иное – внеязыковое формально-логическое средство. Язык, как и «дискурсивная надстройка», нужен науке исключительно для реализации всё тех же вторичных по отношению к основной (создание знаниевого заместителя) функций – коммуникативной, образовательной, организационной.

Обозначим критерии, которые определяют специфику дискурсивной познавательной ситуации:

a) субъект, реализующий познавательную деятельность, формально независим или условно зависим от субъектов, также реализующих познавательную деятельность в отношении той же предметной области;

b) отсутствие чёткой первичной функции, которую должно выполнять получаемое в результате реализации познавательной деятельности знание – по сути это может быть любая функция, обусловленная характером заинтересованности в нём самого субъекта, реализующего познавательную деятельность в условиях того дискурсивного единства, в котором он находится, а также характером и спецификой самого этого дискурсивного единства – скорее всего получаемое знание должно быть каким-то образом быть первично функционально для самого этого дискурсивного единства;

c) организация и выражение знания изначально может быть произвольным;

d) по отношению к существующему знанию это знание безотносительно, то есть оно может быть и вторичным, и методологически произвольным, и выражающим не столько знание о познаваемом, сколько отношение к нему познающего субъекта.

Исходя из того, каково положение конкретного дискурсивного единства по отношению к выделяемой им предметной области, можно разделить все дискурсивные познавательные ситуации на два принципиальных вида: *дискурсивные-обособленные познавательные ситуации* – в которых предметная область традиционно противопоставляется познающим её субъектам, и *дискурсивные-внутрисистемные познавательные ситуации* – в которых познающие субъекты, то есть само дискурсивное единство оказывается в том или ином качестве включённым в собственную предметную область (например, любая критика – литературная, музыкальная и т.п., с одной стороны – так или иначе обслуживает процессы, связанные с тем, в отношении чего ею реализуется рефлексивно-познавательная активность, а с другой стороны – является зависимой от них).

По отношению к дисциплинарной познавательной ситуации и индивидуальная, и дискурсивная познавательные ситуации могут быть определены как додисциплинарные.

Описав в самом общем виде основные познавательные ситуации, в условиях которых может реализовываться познавательная активность отдельного субъекта, можно сделать следующие выводы, связанные с делением знания на дискурсивное и дисциплинарное.

Главное, что отличает дисциплинарное знание от знания дискурсивного – это функция знания, которая для

дисциплинарного знания может быть только одна – заместительная (в крайних случаях – условно заместительная) в отношении познаваемого, что удостоверяется сообществом учёных, образующих научную дисциплину и несущих социальную ответственность за корректность своей оценки данного знания. Как следствие этого, можно заключить о независимости научного знания от каких-либо социокультурных, политических и экономических обстоятельств, но только от тех средств, подходов и методов, которые имеются в актуальный момент времени и от накопленного/сформированного к этому моменту знания. Однако, так как возможна ситуация подчинения научной дисциплины – её социально-институциональной «надстройке», тем или иным социокультурным обстоятельствам, то в этом случае следует констатировать потерю ею статуса научной дисциплины, а продуцируемым ею знанием – качества научного знания: знание, существующее в таких условиях, трансформируется из дисциплинарного в дискурсивное, а условия деятельности субъектов, продолжающих реализовывать в её границах познавательную активность, преобразуются из дисциплинарной познавательной ситуации в познавательную ситуацию дискурсивную.

В то же время могут возникнуть и иные нестандартные ситуации, связанные с изменением дисциплинарного или дискурсивного статуса в отношении знания.

Первая из них связана с тем, что в связи с появлением иных, чем те, которые традиционно использовались, средств, подходов и методов, в условиях дисциплинарной предметности может быть сформировано и

качественно иное знание в отношении того, что уже имеет знаниевый заместитель. Таким образом, устаревшее знание перестаёт быть на актуальный момент времени дисциплинарным, однако, при этом не теряя данного статуса в отношении познаваемого в определённый прошедший период времени (собственно об этом подробно и пишет Т. Кун, говоря о научных революциях и ситуации смены научных парадигм[1]).

Вторая нестандартная ситуация связана с тем, что может наличествовать заместительное знание в отношении познаваемого вне какой-либо из существующих дисциплинарных предметностей (в данном случае мы абстрагируемся от того, кто верифицировал это соответствие и принимаем это за данность). Появление такого знания может говорить либо о том, что познаваемое, в отношении чего это знание оказывается заместительным, просто-напросто не входит в предметную область ни одной из существующих в актуальный момент времени научных дисциплин, либо о том, что знание, институализированное в качестве заместительного в условиях какой-то из дисциплин, не является таковым – в этом случае встаёт вопрос о корректности дисциплинарного характера этого знания и необходимости ревизии данной дисциплины.

И, наконец, третья нестандартная ситуация связана с тем, что несмотря на то, что наличествует сформированная дисциплинарная институция, существующее в её условиях знание настолько разрозненно и противоречиво, что встаёт вопрос о корректности характеристики данного знания как заместительного. И как раз в этом случае вполне допустимо принимать условность заместительного

[1] Кун Т. Структура научных революций. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 83-223.

характера для знания (за которое дисциплинарная предметность принимает на себя ответственность), однако, имеющего лишь одно объяснение – отсутствие ранее и в актуальный момент времени адекватных исследуемому средств и несформированность адаптивного к исследуемому функционального методологического инструментария. Однако по большому счёту такая дисциплина является ничем иным как институализированным дискурсом, получающим дисциплинарный статус исключительно в ситуации отсутствия полноценной научной дисциплины, из которой реализовывалась бы познавательная активность в отношении той же самой предметной области. Можно сказать, что гуманитарные дисциплины, и в том числе искусствоведение, балансируют на грани нахождения в качестве полноценных и вот таких – условных научных дисциплин.

Вопросы к параграфу
1.2. Дискурсивность и дисциплинарность

1. Воспроизведите онтологическую схему непосредственного познания.
2. Воспроизведите онтологическую схему опосредованного познания.
3. Воспроизведите онтологическую схему мыследеятельностного познания.
4. Что такое познавательная ситуация?
5. Перечислите семь аспектов познавательной активности, которые обуславливает познавательная ситуация.
6. Перечислите основные архетипические познавательные ситуации.
7. Какие критерии могут быть положены в основу выделения архетипических познавательных ситуаций?
8. Что характеризует индивидуальную познавательную ситуацию?

9. Что характеризует дисциплинарную познавательную ситуацию?
10. Что характеризует постдисциплинарные познавательные ситуации?
11. Что характеризует дискурсивную познавательную ситуацию?
12. В чём отличие друг от друга дискурсивных-обособленных и дискурсивных-внутрисистемных познавательных ситуаций?

1.3. Объект и предмет

Одним из важных компонентов научно-исследовательской деятельности является точное и корректное определение объект-предметных отношений, которое задаёт исходную логику будущему исследованию. Однако их понимание зачастую оказывается весьма затруднительным для не специалистов в методологии и теории познания. Возможными причинами этого являются, во-первых, дуализм терминов объект и предмет, зависящий от ситуационных условий их использования, а, во-вторых, отсутствие определённой традиции актуализации данного дуализма вне специфического методологического и философского контекста, например, в условиях реализации познавательной активности в той или иной конкретной дисциплинарной предметности.

Однако и в философии, и в методологии описание объект-предметных отношений несколько противоречиво и зачастую трансформируется, исходя из той позиции, которую занимает говорящий о них, и той цели, которую он при этом ставит. В связи с этим возникает необходимость прояснения того, что стоит за терминами объект и предмет – однозначная договорённость о них – их непротиворечивое представление в той полноте, которая необходима для того, чтобы осознанно и корректно их использовать в научно-исследовательской деятельности в

условиях той или иной конкретной дисциплинарной предметности, в нашем случае – в условиях искусствоведения.

В то же время с данными терминами неразрывно связаны и более общие понятия – объектная область и предметная область, понимание которых, а точнее – договорённость о которых, является необходимым как для корректного использования самих терминов объект и предмет, так и для определения той познавательной идентичности, которая формируется в условиях реализации познавательной активности. Для любой научной дисциплины точное определение её предметной области обуславливает понимание специфики познавательной деятельности, реализуемой в её условиях, что выражается через фиксацию онтологической схемы данной предметной области, задающей характер конкретной дисциплинарной идентичности. Для исследователей-искусствоведов понимание всех этих исходных методологических нюансов является чрезвычайно важным, во-первых, для корректного ведения собственной научно-исследовательской деятельности, которая зачастую обрушивается в дискурсивность, в условиях которой продуцируется не заместительное знание в отношении познаваемого, а такое представление, которое выражает частную или коллективную субъективную точку зрения на него, а, во-вторых, для сохранения дисциплинарной идентичности самого искусствоведения как обособленной области гуманитарной науки.

Проведя с использованием генетически-конструктивного подхода самое общее описание объект-предметных отношений в философском и методоло-

гическом значениях (абстрагируясь при этом от истории вопроса и специфических дискуссий по этому поводу, зачастую переходящих в лингвистическую плоскость, ведь, например, в английском языке даже слову «предмет» в противопоставлении слову «объект» нет адекватного эквивалента), и актуализируя связанные с ними термины объектная область и предметная область, что приведёт к необходимости проблематизировать возможность продуктивной реализации для дисциплинарной идентичности междисциплинарных исследований, мы сможем подойти к основному вопросу – формированию фундаментальных методологических основ дисциплинарной идентичности искусствоведения.

1.3.1. Философское значение объект-предметных отношений. Человек находится в мире объектов, и сам является объектом. Для удобства, всю совокупность существующих объектов допустимо определить как *объектную область*, которая может быть рассмотрена на трёх принципиальных масштабах: самом общем, в котором объекты образуют всю имманентную человеку данность, избранном – осознанно усечённом по тому или иному принципу для реализации той или иной цели, и минимальном – соответствующем ситуации, в которой находится конкретный субъект (человек) в актуальный момент времени, ограничивая объектную область возможностью её непосредственного восприятия элементами своей сенсорной системы (*рис. 5*).

Если объект независим от человека, то предмета вне познавательной активности субъекта не существует. Предмет – это всегда продукт познавательной активности субъекта. А так как познание обусловлено такими инструментами как *предметоформирующая позиция* –

Рис. 5

определенная ориентация по отношению к познаваемому, *средства* – с помощью чего возможно получение субъектом данных о предмете и манипулирование ими, *подходы* – разнохарактерные «пристройки», определяющие общую специфику рассмотрения познаваемого, а также *методы* – специфические процедуры, определяющие каким образом осуществляется непосредственное действие субъекта с познаваемым, то предмет всегда в той степени не соответствует объекту, в которой все эти познавательные инструменты искажают его. Данное несоответствие может быть представлено через то, что в предмете, кроме того, что соответствует объекту, в отношении которого велась познавательная активность – назовём это реальной частью предмета (real), всегда присутствует то, что является результатом искажающего действия познавательной активности – обозначим это фантомной частью предмета (fantom). Принцип же отношения между реально наличествующим и формируемым условностями познавательной активности определяется через *онтологическую схему* данного предмета (заметим здесь, что онтологическая схема,

по сути оставаясь одним и тем же – попыткой схватывания сущности чего-то конкретного, в отношении разного материала приобретает несколько специфическое значение: в отношении природных объектов – моделирование представления об имманентной данности, исходя из тех условий и допущений, которые полагались в основу получения, манипулирования и выражения информации о них, в отношении человеческой деятельности, не связанной с психофизическими аспектами – фиксация компонентов, определяющих специфику конкретной целостности (деятельности, продукта деятельности) по отношению к чему-либо иному, в отношении предметных областей – выражение принципов отношения между реально наличествующим и формируемым условностями познавательной активности). Все эти аспекты в достаточной полноте отражают философское значение объект-предметных отношений, в условиях которых возникает своеобразное деление познавательной активности субъекта на два условных уровня – «нижний» и «верхний» (*рис. 6*).

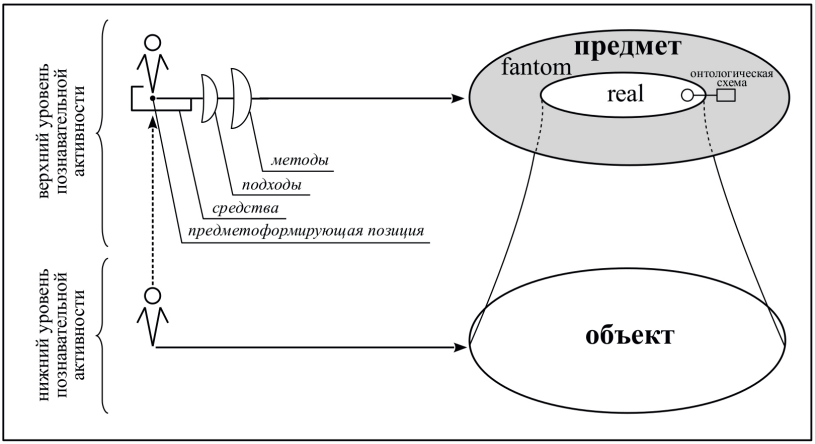


Рис. 6

В отношении одного и того же объекта может быть сформировано определённое множество предметов, каждый из которых будет выражать не столько реальное знание о нём, сколько указывать на специфику конкретной точки зрения на объект и того набора познавательных инструментов, которые использовались при его формировании, что, собственно, и фиксируется через разность онтологических схем этих предметов (*рис. 7*).

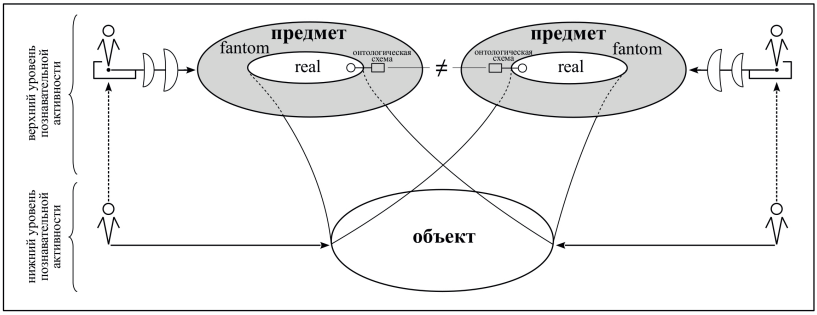


Рис. 7

Для удобства моделирования и сопоставления онтологических схем можно выделить их своеобразное ДНК – устойчивый набор компонентов, наличествующий в любой онтологической схеме и получающий конкретизацию в связи с уникальностью каждой из схем. Таких компонентов может быть выделено три: во-первых – это *материал* – то, что так или иначе наличествует и может схватываться познавательной активностью, во-вторых – это *условности познавательной активности*, и, в-третьих, – это *основное условие связи*, соединяющее материал и условности познавательной активности. В качестве дополнительного – четвёртого компонента, не столько определяющего уникальность предмета, сколько характеризующего возможности и специфику

познавательной активности в данных исходных условиях, может быть определена *вариативность познавательной активности*, являющаяся, с одной стороны, ответвлением от второго компонента, а с другой – тем, что неразрывно срастается с ним (*рис. 8*).

Рис. 8

Так как человек не может абстрагироваться от своего социального опыта и по сути является своеобразным социокультурным продуктом – большая часть представлений человека об окружающей его данности получена им опосредованно, через вменённые ему и воспринятые им знания о мироустройстве, то его собственная познавательная активность (по крайней мере до того момента, пока она не будет осознана им самим как субъективная и в связи с этим проблематизирована) не может быть независимой от имеющегося знания, а значит, и от тех предметов, в которых реально наличествующему соответствует лишь какая-то их часть. Таким образом, допустимо утверждать, что кроме объектной области существует *предметная область* – образуемый совокупностью знаниевых представлений образ объектной области, обуславливающий условия для реализации субъектом познавательной активности.

Из этого следует, что в большинстве случаев человек изначально реализует свою познавательную деятельность не в отношении противостоящего ему объекта, этой своею активностью задавая онтологическую схему формируемого на его основе предмета, но в отношении того, что уже находится в какой-то предметной области и, следовательно, соответствует тем исходным условностям, которые лежат в её основе и выражаются в её собственной онтологической схеме. То есть объект в этом случае по сути уже не объект, а предмет, но субъектом он воспринимается именно как объект – то, что объективно наличествует, и что им вторично искажается в результате реализации уже его собственной познавательной активности. Таким образом, происходит вторичное искажение познаваемого,

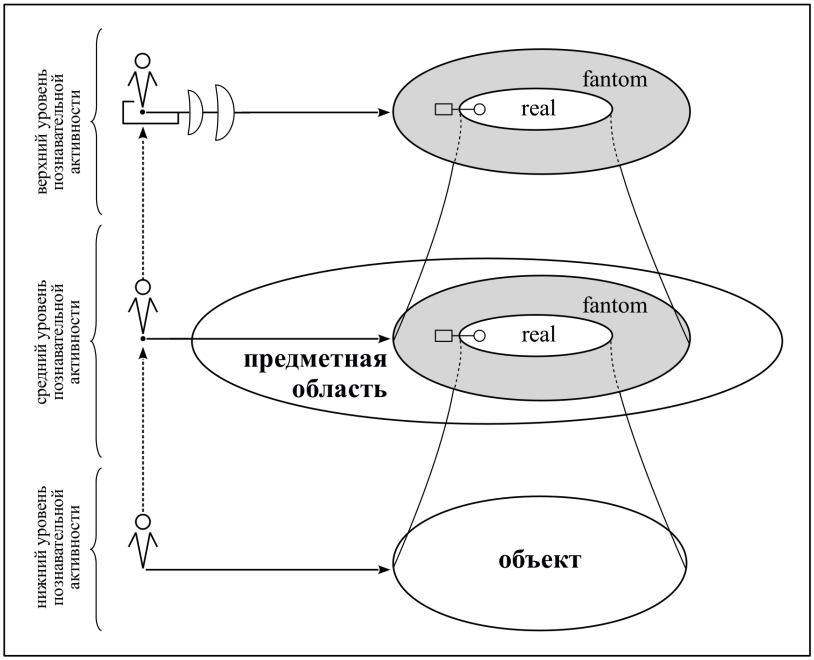


Рис. 9

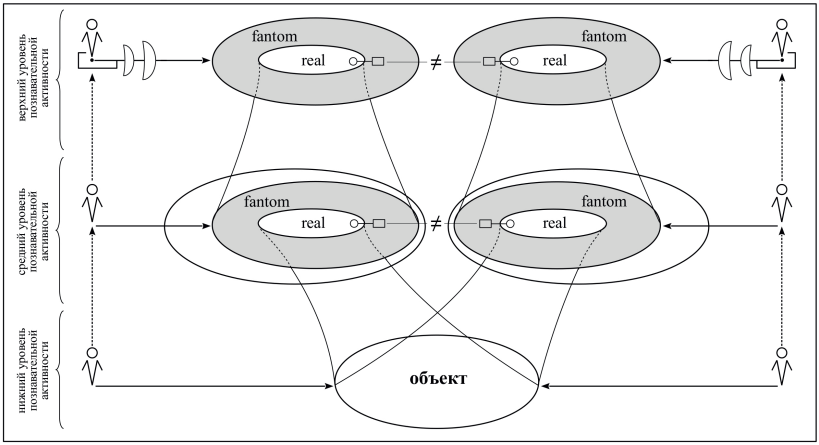


Рис. 10

что может быть схематически представлено через добавление промежуточного – «среднего» уровня познавательной активности, связанного с непроблематизируемым субъектом наличием предметной области (*рис. 9*). А в связи с тем, что один и тот же объект может оказаться в границах различных предметных областей, то, следовательно, возникает вариативность их интерпретаций различными субъектами, фокусирующимися на них, находясь на «среднем» уровне познавательной активности (*рис. 10*).

В то же время, точно так же, как и объектная область, предметная область может быть рассмотрена на разных масштабах – в данном случае, на минимальном и избранном масштабе, соответствующем устойчивым познавательным ситуациям (которые ранее были выведены и затем подробно разобраны), а на максимальном масштабе – мировоззренческим установкам, формирующим своеобразные «картины мира».

Не вдаваясь в частности, можно зафиксировать наличие (по крайней мере на актуальный момент) трёх

устойчивых надындивидуальных форм коллективных «картин мира», образование которых не может быть объяснено изначальным действием человека как единичного субъекта:

– *религиозной* – основанной на допущении наличия трансцендентного субстанционального начала, порождающего имманентную для человека действительность и тем или иным образом (непосредственно или опосредованно) открывающего себя человеку и, следовательно, при принятии её, характеризуемую как имеющую трансцендентную природу;

– *естественнонаучной* – основанной на допущении, что истинное знание имеет исключительно эмпирический характер, связанный с его опытным получением, подтверждением и возможностью верификации в любом месте в любое время, что исключает возможность существования в актуальный момент времени какого-либо иного знания, в качестве научного, что, следовательно, характеризует природу данной картины мира как физиологическую;

– *мифологической* – возможность выделения которой связана с дистанционным рассмотрением (например, с позиции религиозной или научной «картины мира») ряда ситуационных условий, являющихся тотальными для общности единичных субъектов, в которых этими единичными субъектами нечто изначально ложное, формирующее их «картину мира», принимается за истинное, что характеризует природу данной картины мира как культурную.

Необходимо уточнить, что различные формы надындивидуальных коллективных «картин мира» задают

не только определённые логические, понятийные и ситуативные рамки, в которые вписываются все существовавшие, существующие и формируемые знания, но также и иные – персонофицированные коллективные и индивидуальные «картины мира». Поэтому невозможно никакое знание вне надындивидуальных «картин мира». В качестве производных от надындивидуальных коллективных «картин мира» можно выделить, по крайней мере, две персонифицированные коллективные «картины мира» – псевдорелигиозную и философскую. Каждая из них реализуется в большом количестве вариантов, а особенность заключается в том, что их конкретные варианты, во-первых, возникают на основе или в качестве противопоставления себя конкретной надындивидуальной или всем надындивидуальным «картинам мира», во-вторых, изначально являются представлениями не коллективного, а единичного субъекта – конкретного человека.

Таким образом, «средний» уровень познавательной активности раскладывается на две части – уже обозначенную ранее – соответствующую той или иной конкретной непроблематизируемой субъектом предметной области, и находящуюся «под ней» – связанную с той мировоззренческой «картиной мира», в условиях которой находится субъект, и которой, в свою очередь, формируется специфическая для неё предметная область, оказывающаяся для этого субъекта непроблематизируемой данностью, тотально обуславливающей всю его познавательную активность как на этом, так и на более «высоких» уровнях (*рис. 11*).

Однако необходимо отметить, что рассмотрение какого-либо объекта с различных мировоззренческих

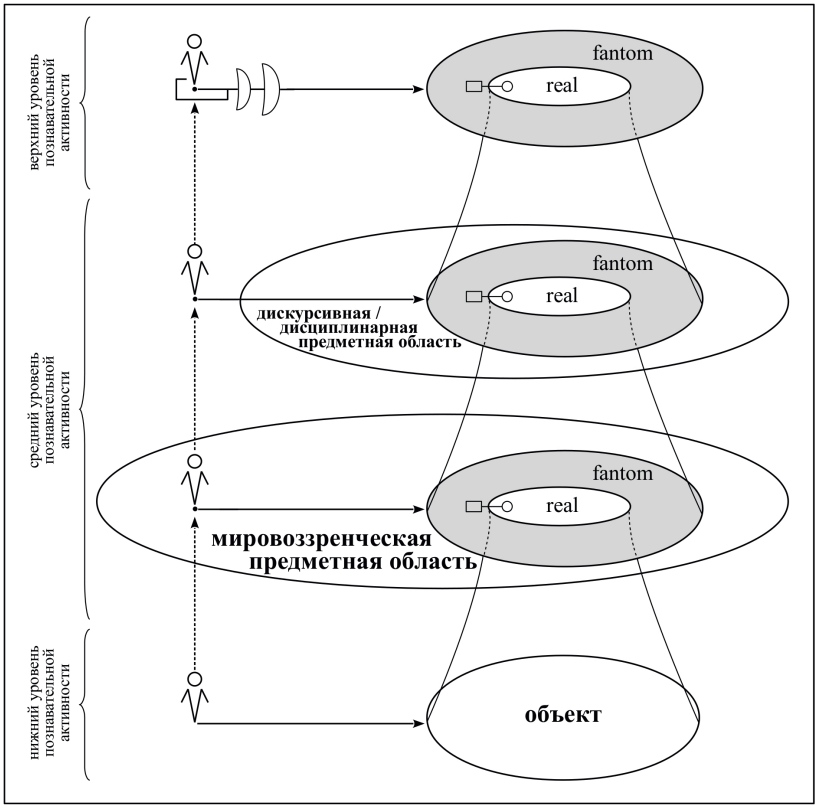


Рис. 11

позиций не обязательно приводит к его изначальному непоправимому искажению на этом уровне – в реальной части предмета на верхней части «среднего» уровня вполне может оказаться нечто, что, пройдя через нижнюю часть «среднего» уровня, не подверглось трансформации и даже при дальнейшем вариативном рассмотрении может оставаться в реальной части предмета (*рис. 12*), что, собственно, и позволяет вести в отношении разнохарактерных представлений специальную методологическую работу, связанную с их

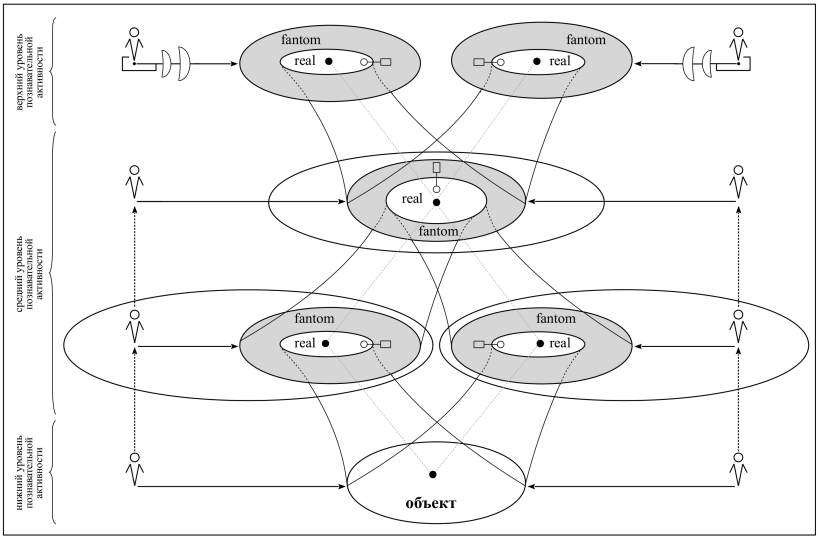


Рис. 12

распредмечиванием, в результате которого происходит выделение их онтологических схем, в которых в качестве материала не может оказаться ничего такого, что было бы невозможно для схватывания человеком при реализации им познавательной активности.

1.3.2. Методологическое значение объект-предметных отношений. В условиях познавательной деятельности, а точнее – её нормирования и представления, особенно в дисциплинарной познавательной ситуации, когда необходимо фиксировать логику познавательной активности, в отсутствии иных терминов, термины объект и предмет получают несколько иное значение: *предмет* определяется в качестве того, что является непосредственно исследуемым, а *объект* – тем, аспектом чего исследуется предмет (классической ошибкой является указание объектом материала исследования – того, на основе чего исследуется предмет).

Необходимость данной связки предмет-объект обусловлена тем, что один и тот же предмет может быть определён аспектом совершенно разных объектов, что будет характеризовать конкретику и специфику его исследования в тех или иных конкретных познавательных условиях.

Это может быть выражено схематически через указание на то, что один и тот же предмет может оказываться аспектом целого ряда обособленных друг от друга объектов (*рис. 13-a*), которые в то же время могут являться компонентами масштабно более общих объектов, при том, что один и тот же минимальный объект может оказываться в различных объектных группах (*рис. 13-b*), а сами эти масштабно более общие объекты – быть частью ещё более масштабного объекта (*рис. 13-c*). Разнообразие потенциальной масштабной сегментации объектов зависит от специфики исходно заданного предмета.

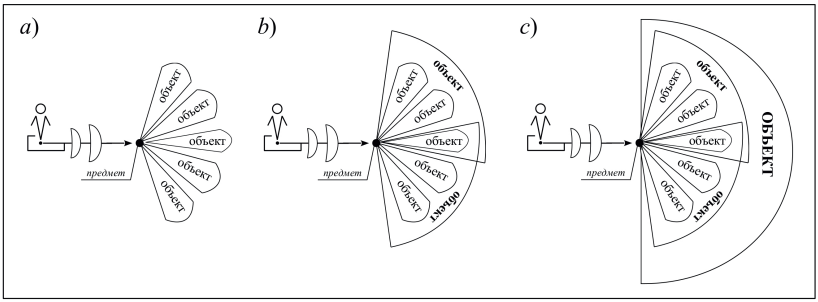


Рис. 13

Приведём характерный пример. Предмет (то, что определено для исследования) – функции детали в картине Брейгеля «Охотники на снегу». Возможные объекты, объединяемые в условную группу «функции детали в творчестве Брейгеля»: a) функции детали в картинах Брейгеля из цикла «Двенадцать месяцев», b) функции

детали в пейзажах Брейгеля. Иные возможные объекты, не объединяемые в группы: функции детали в нидерландской пейзажной живописи 16 века, функции детали в иллюстрациях к часословам. Выделенная условная группа «функции детали в творчестве Брейгеля» и объект функции детали в нидерландской пейзажной живописи 16 века могут быть объединены в объект «нидерландская живопись 16 века» (*рис. 14*).

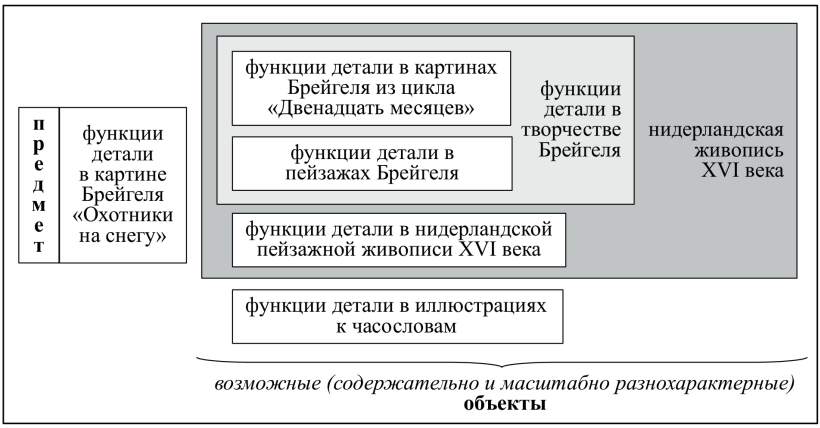


Рис. 14

Важным моментом при определении объект-предметных отношений в методологическом значении является точное соотнесение масштаба объекта по отношению к предмету – он может быть как минимальным, так и самым общим (*рис. 15*). В противном случае – при недостаточном масштабе отнесения объекта от предмета, может быть не совсем понятна конкретика их связки и даже самого принципа отделения предмета от объекта, а при чрезмерном удалении – вообще потеря смысла задаваемого отношения.

Примерами масштабно увеличивающихся объектов по отношению к предмету «функции детали в картине

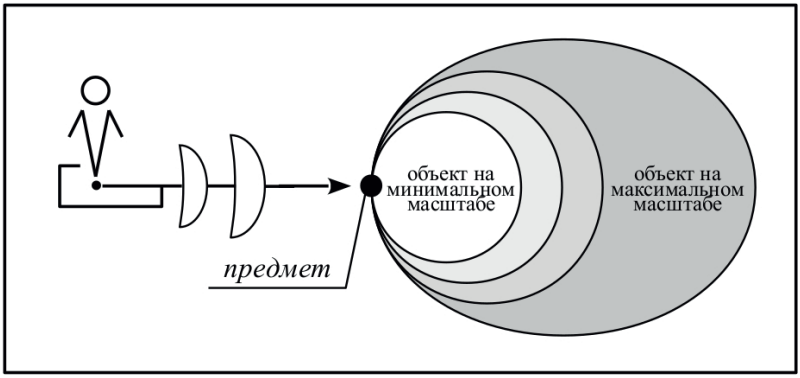


Рис. 15

Брейгеля “Охотники на снегу”» могут быть определены следующие объекты: функции детали в картинах Брейгеля из цикла «Двенадцать месяцев», функции детали в позднем творчестве Брейгеля, функции детали в творчестве Брейгеля, функции детали в нидерландской живописи 16 века, функции детали в нидерландской живописи (*рис. 16*).

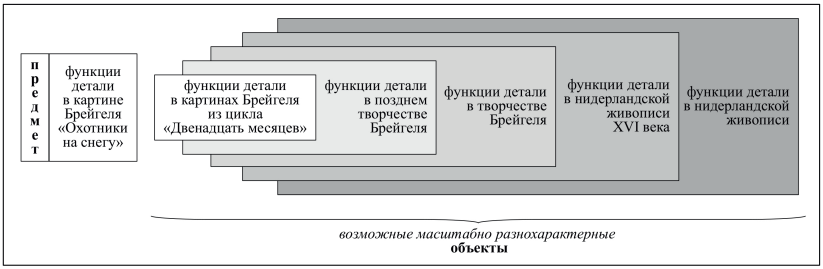


Рис. 16

Ещё одним специфическим моментом при определении объект-предметных отношений в методологическом значении является возможность более конкретизированного уточнения специфики исследования, чем то, которое может показаться очевидным, исходя из

изначального определения объектов – определение уточнённого объекта может быть получено путём их синтезирования. Это наглядно видно на следующем примере: при предмете «функции детали в картине Брейгеля “Охотники на снегу”», вариантами самоочевидных объектов могут быть определены «функции детали в нидерландской живописи» и «функции детали в иллюстрациях к часословам», при синтезировании которых может быть получен следующий уточнённый объект – «функции компонента формосодержательной целостности живописного произведения, обусловленные спецификой конкретного жанра и/или стиля».

Функция определения предмета исследования в рассматриваемом терминологическом смысле – это фиксация того, что будет исследоваться. Поэтому здесь предмет не может задаваться (как в философском определении предмета), ведь исследоваться не может то, что отсутствует (распространённая ошибка в студенческих-ученических работах – это как раз и есть определение предметом того, что в цели указано в качестве того, что будет выявляться). И поэтому, когда нечто определяется в качестве предмета исследования, то изначально подразумевается и допускается, что это нечто объективно наличествует.

Как это возможно? Из-за использования (без проблематизации) натуралистического подхода к познанию, в котором задаваемая онтологическая схема познаваемого – будь то предмет, или предметная область, не только принимается в качестве данности, но и не выделяется в качестве таковой – принимается как наличествующее должное, объективно наличествующее,

то есть как объект или объектная область (о чём подробно и шла речь выше при выделении и описании «среднего» уровня познавательной активности). Мы же получаем возможность фиксировать всё это, осуществляя переход от натуралистического к деятельностному подходу к познанию, в условиях которого познаваемым определяется сама познавательная деятельность, которую кто-либо или же сам исследователь ведёт в отношении исходного познаваемого, включая механизм формирования его онтологической схемы[1]. То есть, по сути, этим вводится разделение потенциальной познавательной активности человека на два принципиально разных «измерения» – *натуралистическое* и *деятельностное*.

В «измерении» натуралистического познания субъекту, являющемуся частью объектной области, противопоставляется объект (в философском значении), постижение которого происходит путём «восхождения» через условные уровни познавательной активности – непроблематизируемые данности мировоззренческой предметной области и предметной области, обуславливающей специфику конкретной (дискурсивной/дисциплинарной) познавательной ситуации, в результате чего в отношении полученного предмета (в философском значении) реализуется уже непосредственное познавательное действие, продуктом которого и есть знание – то, что соотносится с предметом и в отсутствии иного знания может приниматься за его

[1] Подробнее об этом см.: Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 143-154; Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. 26(2). – С. 7-9.

знаниевый заместитель, и, которое, будучи выражено, по сути является объективированной информацией, то есть тем, что приобретает объектную форму и оказывается частью объектной области.

В «измерении» деятельностного познания субъект, являющийся частью объектной области, осознавая невозможность постижения каких-либо объектов (в философском значении) вне условностей познавательной активности, но в то же время, имея необходимость в реализации познавательной деятельности, в качестве объекта определяет своеобразное уравнение с одним неизвестным, компонентами которого являются, во-первых, объектно выраженное знание о неком объекте, во-вторых, деятельность по получению этого знания, и, в-третьих, сам этот объект – искомое неизвестное. В результате распредмечивания имеющегося знания (а точнее – знаниевого представления, так как имеющееся принимается за знаниевый заместитель исключительно по причине отсутствия иного) и анализа познавательной деятельности по его получению, конструируется онтологическая схема объекта, в которой непосредственно ему, объекту, соответствует «материал», то есть реальная часть предмета (в философском значении). Приведённое описание развёртывания познавательной активности в «измерении» деятельностного познания в самом общем виде соответствует тому, что называется *рефлексивно-методологической работой*[1]. Однако эта работа образует

[1] Подробнее об этом см.: Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я. Научное исследование в системе «методологической работы» // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, б/и, 1967. – С. 105-115; Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок //

лишь один из двух «уровней» данного «измерения», вторым из которых является «уровень» перманентной рефлексивно-методологической работы, на котором делается попытка максимального расширения «материала» базовой онтологической схемы и приближения его к соответствию объекту (в философском значении), то есть к созданию *заместительной модели объекта* – его полного знаниевого заместителя – того, что является полноценным выражением объекта в отличной от его собственной формы, что может достигаться двумя способами: a) за счёт распредмечивания иных имеющихся или же специально моделируемых знаниевых представлений в отношении того же объекта и их последующего сопоставления, расширяющего представление о реальной части предмета; b) за счёт конструирования объекта (в философском значении) с учётом имеющейся основы в форме «материала» исходно полученной базовой онтологической схемы и с учётом необходимости абстрагироваться от каких-либо познавательных искажений[1], что, впрочем, оказывается возможным только в том случае, когда познаваемым (объектом в философском значении) является деятельность или тот или иной её компонент, то есть по факту – вся культура. Однако необходимо уточнить, что в случае с природными объектами, или же при рассмотрении культуры и деятельности в единстве с физиологической природой человека, такой способ оказывается

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 88-114; Щедровицкий Г.П. О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 350-359.

[1] Подробнее об этом см.: Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. 26(2). – С. 9-10.

невозможным – если при познании того, что создано человеком, объект-предметная связка в философском значении преодолевается (по крайней мере, мы придерживаемся этой точки зрения), то есть предмет не задаётся познающим, а сливается с наличествующим объектом, то при переходе к познанию природы и человека как её части, равно как и при утверждении, что человеческую деятельность и культуру нельзя рассматривать вне природы и физиологии, философское несоответствие предмета объекту остаётся.

Дуализм «измерений» познавательной активности человека, раскладываемых на уровни, и вся совокупность актуализируемых нами аспектов познания, в условиях которых и используются термины объект и предмет в методологическом значении, могут быть представлены схематически (*рис. 17*).

1.3.3. Проблематизация междисциплинарных исследований. Проведя описание объект-предметных отношений в двух принципиально разных значениях и установив связанные с ними определения объектной и предметной области, мы получили возможность не просто описать специфику междисциплинарных исследований, но и проблематизировать их продуктивность, что оказывается возможным при их рассмотрении из деятельностного «измерения». Эта работа является чрезвычайно необходимой для последующего описания дисциплинарной идентичности искусствоведения, так как именно в междисциплинарности искусствоведами зачастую видится некая исследовательская потенция – перспектива качественного развития, тогда как междисциплинарность (что и будет показано ниже) ведёт ни к чему иному, как к трансформации и даже к уничижению изначально имеющейся дисциплинарной

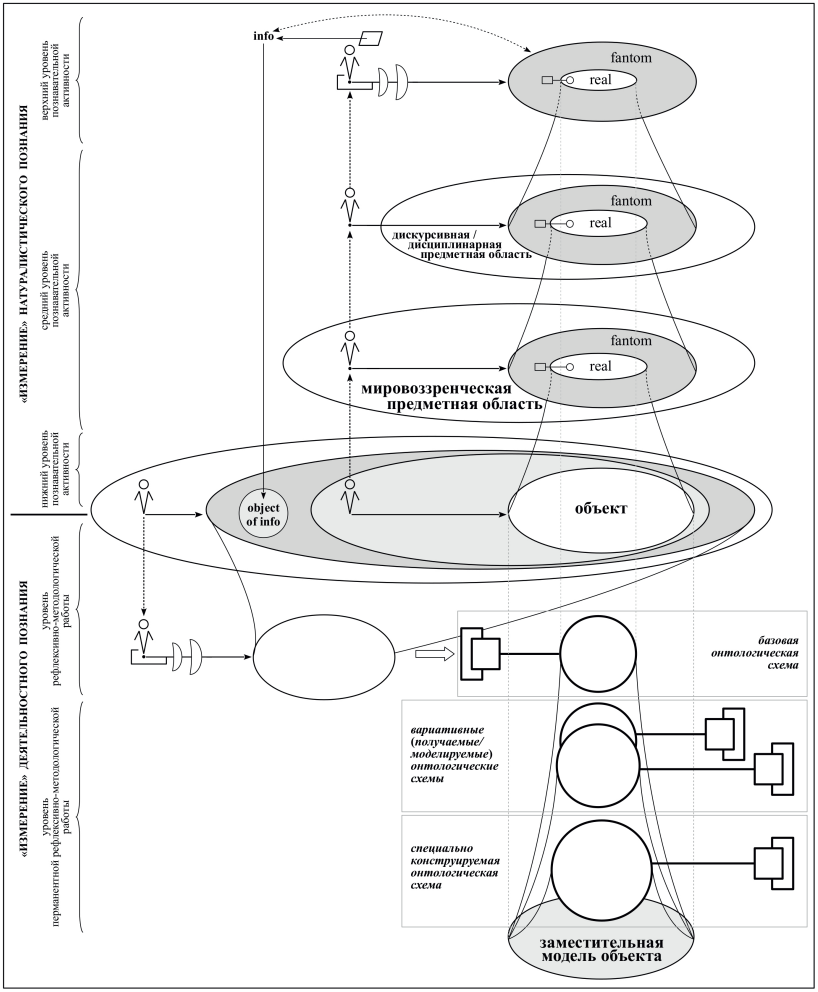


Рис. 17

уникальности. Иллюзия продуктивности междисциплинарных исследований как раз и связана с непониманием разбираемых нами терминов, корректное использование которых позволяет достаточно просто и наглядно описывать чрезвычайно сложные вещи.

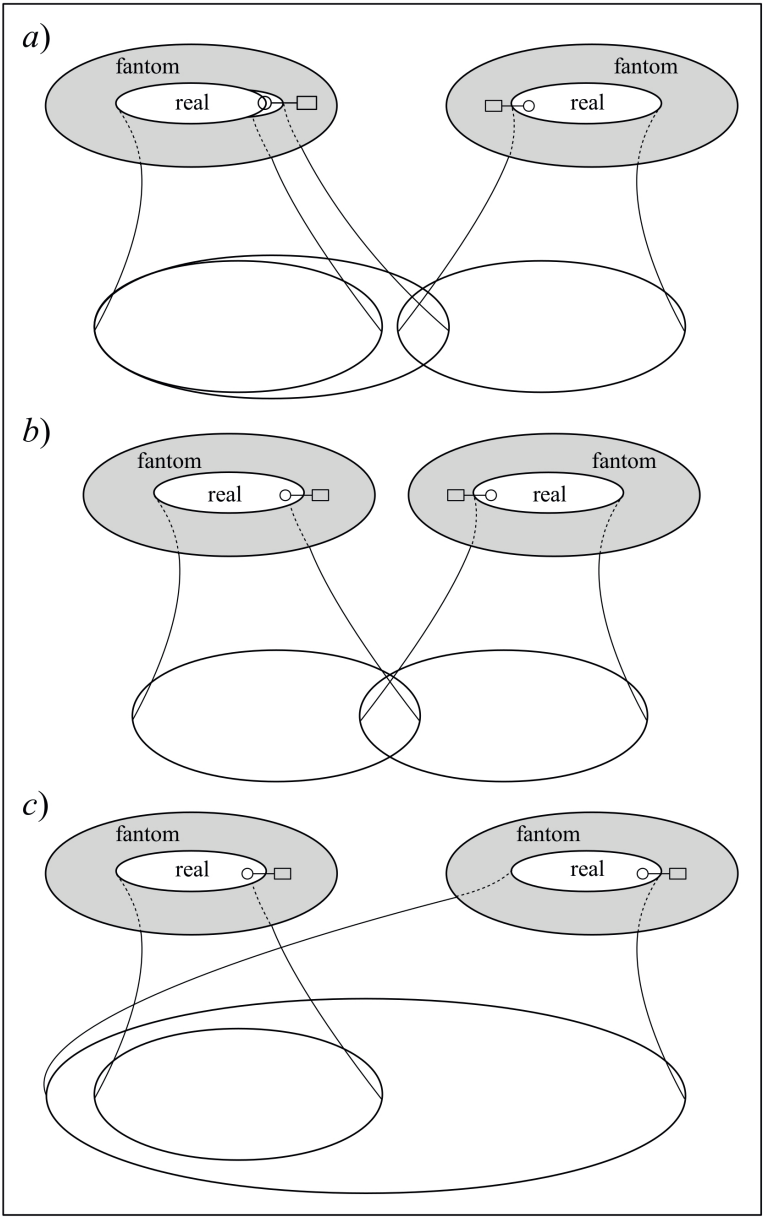

a)
fantom
real
fantom
real
b)
fantom
real
fantom
real
c)
fantom
real
fantom
real

Рис. 18

Для начала необходимо установить, что междисциплинарность не возникает в том случае, когда происходит простой частичный «захлёст» объектной области одной дисциплинарной предметности в отношении части объектной области другой дисциплинарной предметности – ситуация, когда материалом онтологической схемы одной из дисциплинарных предметностей оказывается и то, что находится в её собственной объектной области, и то, что также является частью объектной области какой-то другой дисциплинарной предметности (*рис. 18-а*), равно как и «перехлёст» объектных областей как минимум двух дисциплинарных предметностей – ситуация, когда одно и то же в пересекающихся объектных областях оказывается в качестве материала онтологических схем предметных областей двух дисциплинарных предметностей (*рис. 18-b*), а также тотальный «захлёст» объектной области одной дисциплины объектной областью другой дисциплины (*рис. 18-с*) – всё это случаи рассмотрения одного и того же объективно наличествующего – объектной области на избранном масштабе с различных точек зрения.

Междисциплинарностью также не может считаться ситуация взаимосвязи различных дисциплин, основанная на иерархированной соподчинённости одной дисциплины другой, в которой из онтологической схемы предметной области «родительской» дисциплины «вырастают» субдисциплины, полностью сохраняющие её компоненты и структуру, но приобретающие собственную спецификацию, как правило, за счёт конкретизации материала, лежащего в основе её ДНК (*рис. 19*). В этом смысле, например, искусствоведение является «родительской» дисциплиной для музыковедения, театроведения, киноведения и т.д. Однако при этой

ситуации возможен и выход той или иной конкретной дисциплины из-под «родительской» зависимости, что связано с трансформацией отношения к её собственной предметной области – трансформацией её онтологической схемы (например, для киноведения такой выход связан с

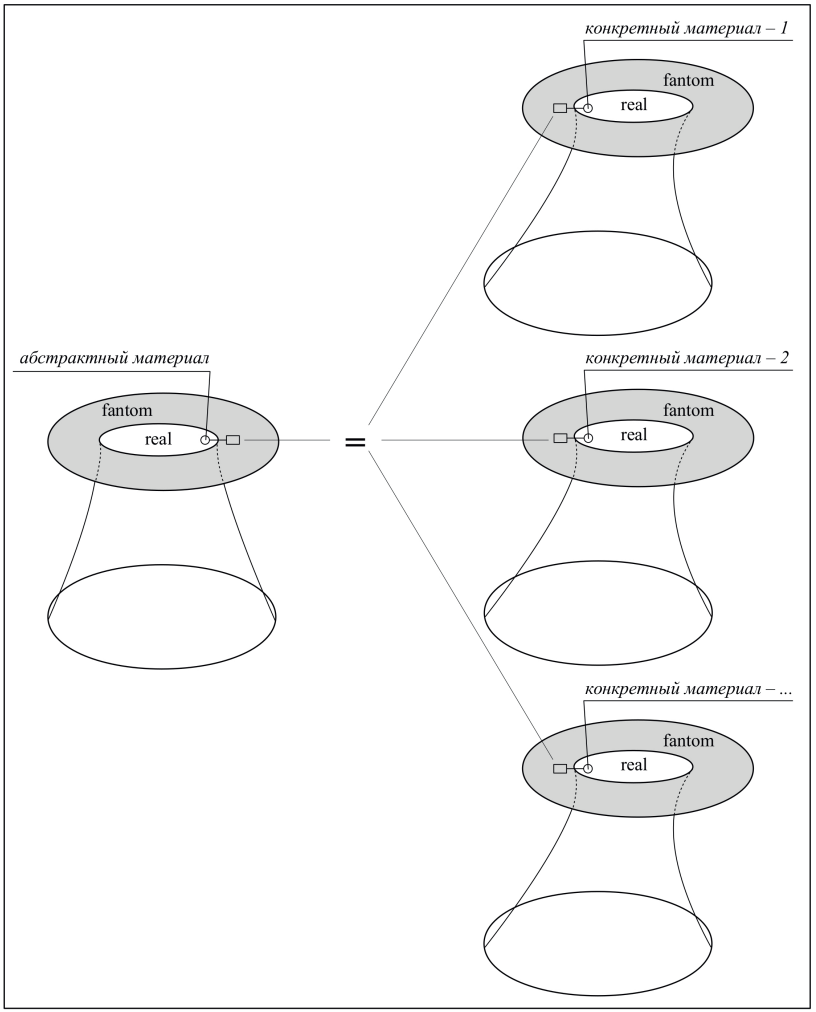


Рис. 19

определением в качестве познаваемого не только фильмов как специфических форм искусства, а кинематографа как системы деятельности, в которой сами фильмы и их возможная искусствоведческая оценка оказываются частью данной системы, то есть искусствоведческий аспект исследовательской рефлексии заключается в границы предметной области такой дисциплины, и сам оказывается в качестве исследуемого[1]).

Междисциплинарный характер исследования может быть определён только в том случае, если происходит совмещение частей предметных областей или же использование одной дисциплинарной предметностью методологического инструментария иной дисциплины, что, естественно, трансформирует характер онтологической схемы её собственной предметной области (за счёт трансформации той части её ДНК, которая связана с условностями познавательной активности), позволяя определять это как частный междисциплинарный случай.

Можно выделить две основные междисциплинарные ситуации, по отношению к которым все иные могут рассматриваться как частные случаи.

Первая междисциплинарная ситуация, которую условно допустимо определить как междисциплинарная-генетически связанная с одной из «родительских» дисциплин, может разворачиваться в четырёх вариантах[2]:

---

[1] Штейн С.Ю. Границы киноведения как субдисциплинарной предметности искусствоведения // Логика визуальных репрезентаций в искусстве: от иконописного пространства и архитектуры к экранному образу. – Москва: РГГУ, 2019. – С. 282-299.

[2] В схематических построениях используются следующие условные обозначения: ОО – объектная область, ДП – дисциплинарная предметность, с – средства, м – методы, п – подходы, м«к» – методологические конструкторы (набор методов, адаптированный к специфике конкретного материала и/или решению конкретных исследовательских задач).

– первый вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлёсте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, с частичным совмещением предметных областей, при том, что знание о предмете продуцируется с использованием традиционных для родительской дисциплины один средств, подходов и методов и функционально полагается в её знаниевую сетку (*рис. 20-a*); проблема данной ситуации заключается в том, что встаёт вопрос о функциональной возможности ведения полноценной познавательной деятельности в отношении частично иного (на уровне онтологической схемы предметной области) исследуемого материала без адаптированного к нему методологического инструментария;

– второй вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлёсте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, с частичным совмещением предметных областей, при том, что знание о материале продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для дисциплины два, однако, само знание функционально полагается в знаниевую сетку дисциплины один (*рис. 20-b*); проблема данной ситуации заключается в том, что встаёт вопрос о потенциальной негомогенности такого знания общему массиву знания в условиях знаниевой сетки данной дисциплинарной предметности, и как следствие – во-первых, о

неопределённости места полученного знания в её структуре, во-вторых, о самой возможности его понимания научным сообществом, образующим данную дисциплину, что, впрочем, может быть преодолено вследствие апроприации изначально чуждых средств, подходов и методов и включения их в традиционный методологический инструментарий данной дисциплины (однако в данном случае, по сути, трансформируется междисциплинарный характер познавательной активности, оказывающийся традиционно дисциплинарным), а, в-третьих, о фактической трансформации онтологической схемы предметной области – её расширении за счёт заимствованного, чего, конечно, в реальности никогда не происходит, так как это требует пересмотра всей дисциплинарной идентичности данной предметности, и поэтому такое знание оказывается или обособлено от иного знания внутри общей знаниевой сетки данной дисциплины, или же вовсе отчуждено;

– третий вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлёсте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, при том, что знание о материале продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для дисциплины два, однако, само знание функционально полагается в знаниевую сетку дисциплины один (*рис. 20-с*); проблема данной ситуации полностью совпадает с первыми двумя аспектами проблемы из второй ситуации.

– четвёртый вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один,

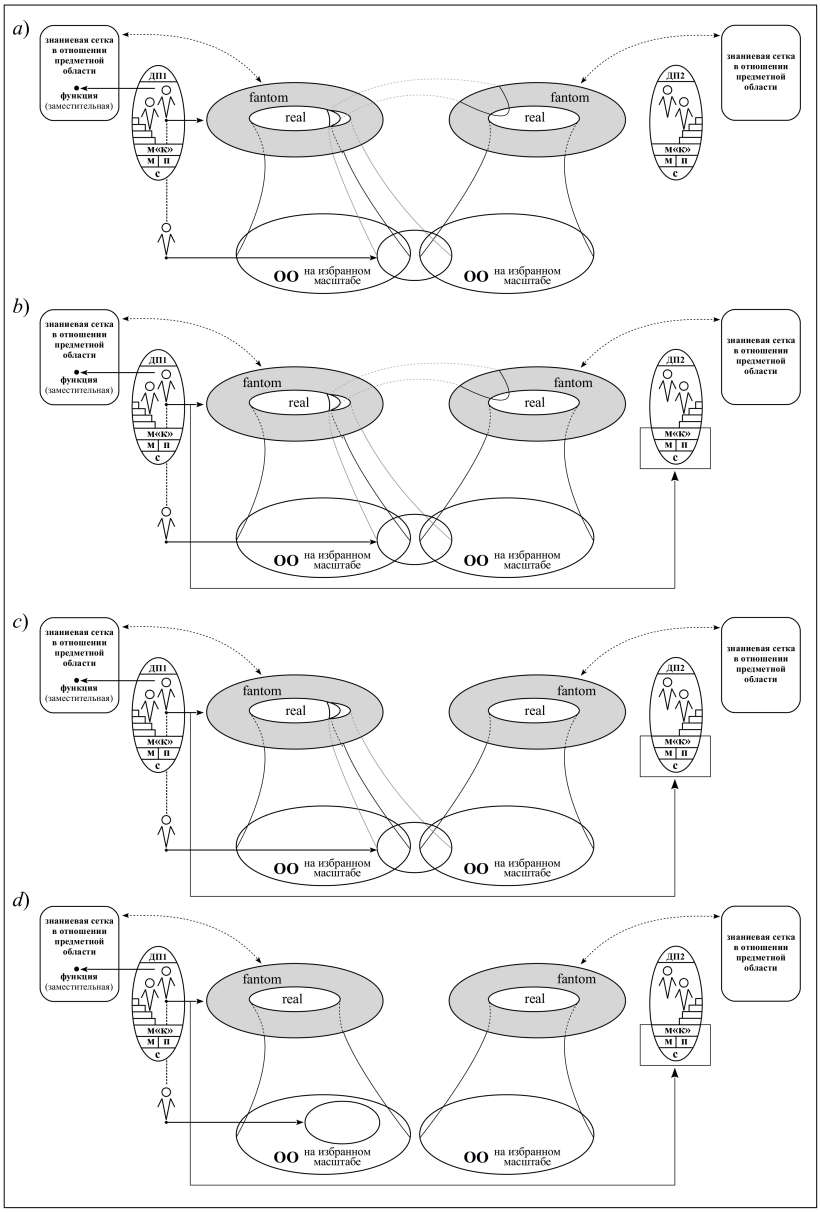

a)
b)
c)
d)
знаниевая сетка в отношении предметной области
функция (заместительная)
ДП1
ДП2
М«К»
М
П
с
fantom
real
ОО на избранном масштабе

Рис. 20

реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в реальной части, соответствующей данной дисциплине предметной области, а получаемое знание функционально полагается в её знаниевую сетку, при том, что знание о предмете продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для иной дисциплины (*рис. 20-d*); проблема данной ситуации полностью совпадает с первыми двумя аспектами проблемы из второй ситуации.

Вторая междисциплинарная ситуация, которой условно можно дать название междисциплинарная-обособляющаяся от «родительских» дисциплин, заключается в том, что исследователями, находящимися вне той или иной дисциплинарной предметности или же условно дистанцирующимися от конкретной дисциплины, в которую они изначально были включены, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного на стыке объектных областей двух разных дисциплинарных предметностей, или же вовсе вне их, но с частичным заимствованием предметных областей обеих этих дисциплин, при том, что продуцируемое знание полагается вне существующих в этих двух дисциплинах знаниевых сеток, что при определённых условиях приводит к формированию новой дисциплинарной предметности со своей уникальной предметной областью, соответствующей ей знаниевой «сетки» и дисциплинарным сообществом (*рис. 21*).

В качестве междисциплинарной ситуации не может рассматриваться случай, когда происходит сращивание двух (как минимум) изначально обособленных дисциплинарных предметностей в одну новую дисциплинарную предметность, так как, по сути,

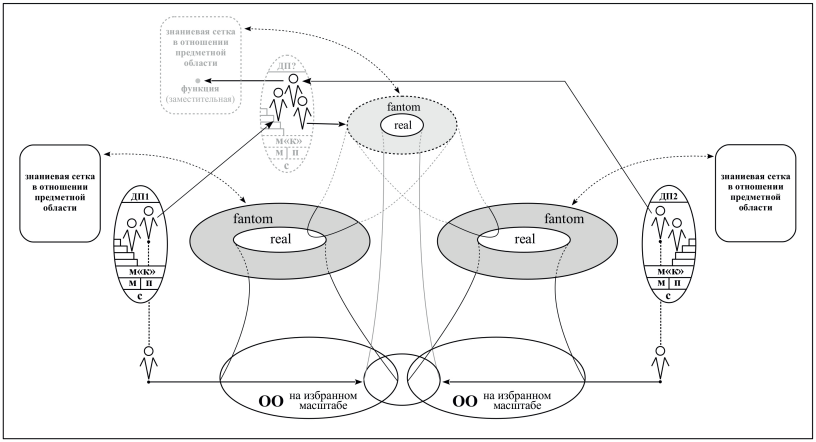


Рис. 21

с возникновением онтологической схемы новой предметной области уничижаются имеющиеся онтологические схемы наличествующих предметных областей, то есть исчезают существовавшие дисциплинарные предметности – для них, для их идентичности, этот процесс не является продуктивным, поэтому тут скорее надо констатировать наличие не междисциплинарной ситуации, а ситуации дисциплинарного проектирования и конструирования.

Вопросы к параграфу 1.3. Объект и предмет

1. В чём разница между философским и методологическим значением объект-предметных отношений?
2. Каково отношение между объектом и предметом в философском значении?
3. Каково отношение между объектом и предметом в методологическом значении?
4. Перечислите три принципиальных масштаба объектной области.

5. Что такое предметная область?
6. Перечислите и опишите три надындивидуальные формы коллективных «картин мира».
7. Что характеризует натуралистический подход к познанию?
8. Что характеризует деятельностный подход к познанию?
9. Какое принципиальное отличие перманентной рефлексивно-методологической работы от простой рефлексивно-методологической работы?
10. В каком случае может быть определён междисциплинарный характер исследования?
11. Перечислите и опишите варианты междисциплинарной ситуации, генетически связанной с одной из «родительских» дисциплин.
12. Опишите междисциплинарную ситуацию, обособляющуюся от «родительских» дисциплин.

Обобщающие вопросы к первой главе

1. Возможно ли формирование научного знания без наличия формально-логического средства выражения знания?
2. Какое формально-логическое средство выражения знания может быть использовано в отношении к знанию, связанного с деятельностью человека?
3. В чём принципиальное отличие дискурсивного от дисциплинарного знания?
4. С чем связана возможность перехода от дискурсивного к дисциплинарному знанию?
5. При каком подходе к познанию возникает возможность формирования полноценного дисциплинарного знания в отношении человеческой деятельности?

Глава II.
Дисциплинарная идентичность искусствоведения

Любая гуманитарная дисциплина, формируемая в условиях натуралистического подхода к познанию, в связи с отсутствием единой формы рациональности, на основе которой могло бы строиться знание в отношении познаваемого, только условно – в отсутствии иного, может считаться полноценной дисциплиной, по сути же – являясь специфическим иерархированным дискурсом, апроприируюшим функцию социальной ответственности за продуцируемое им знание, который при самом общем масштабе рассмотрения почти всегда вариативен за счёт приобретения характерных черт, обуславливаемых теми или иными конкретными национальными/языковыми и социальными/социокультурными условностями, в которых он развёртывается. Это в полной мере касается и наличествующего искусствоведения. Однако на настоящий момент иного искусствоведения просто-напросто нет (правда, оно вполне может быть сформировано – очевидны основанные на деятельностном подходе к познанию механизмы его формирования, которые и были описаны выше. Поэтому здесь мы остановимся на том искусствоведении, которое есть (будем называть его условно дисциплинарным) и сделаем ряд ключевых

методологических замечаний к определению его наличествующей дисциплинарной идентичности.

2.1. Онтологическая схема предметной области искусствоведения

Конструирование онтологической схемы предметной области той или иной дисциплинарной предметности может быть реализовано как на основе избирательной или же всей совокупности знаниевых представлений в её отношении, что, безусловно, требует работы целой научной группы или даже институции, так и в результате мысленного оперирования единичным субъектом достаточной суммой главным образом факталогических знаний об онтологизируемом, сформированных вследствие его непосредственного или опосредованного познания, и образующих у субъекта его обобщённое представление. В любом случае – главным будет являться оценка адекватности полученной онтологической схемы онтологизируемому, реализуемая в процессе соотнесения с данным построением определённой, а потенциально – всей массы знаниевых представлений, соответствующих данной дисциплинарной предметности (в случае негативной оценки, полученное построение будет признано одним из возможных концептуальных построений, которое невозможно использовать в качестве онтологической схемы в условиях реализации перманентной рефлексивно-методологической работы в отношении конкретной дисциплинарной предметности).

Реализуя второй (личностный) вариант формирования онтологической схемы в отношении предметной области искусствоведения, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, надо условиться, что так как границы предметной области искусствоведения трансформировались в исторической перспективе, равно как и характер самой исследовательской рефлексии в её отношении, то конструируемая онтологическая схема должна быть по возможности адекватной для любой из реализованных и реализуемых в настоящее время познавательных ситуаций. Во-вторых, необходимо определить, что осуществляемое построение должно быть независимо от той или иной конкретной деятельностной активности (изобразительное искусство, архитектура, театр и т.д.), образующей отдельные субпредметные области, входящие в границы предметной области искусствоведения. И, наконец, в-третьих, надо зафиксировать то, что конструируемая онтологическая схема будет являться своеобразным матричным ядром онтологии предметной области искусствоведения, на основе которой при необходимости может быть достроена достаточная (отвечающая основной части знаниевых построений искусствоведческих исследований, которые будут соотноситься с ней) или максимально возможная (соответствующая методологической парадигме в отношении предметной области искусствоведения) структура.

Собственно описанная в первой главе методология полностью удовлетворяет всем изложенным замечаниям.

В качестве центрального элемента конструируемой онтологической схемы может быть определена деятельность один (Д-1), продуктом которой является сенсорновоспринимаемая форма (СВФ), заключаемая в одном варианте реализации данной деятельности в устоявшийся продуктивный контейнер, а во втором – в неустоявшийся продуктивный контейнер.

Сделаем пояснение в отношении двух терминов – сенсорновоспринимаемая форма и продуктивный контейнер.

Так как то, что является исходным материалом исследовательской рефлексии искусствоведов существует в самых разных, а потенциально – в любых формах (изобразительной, визуальной, звуковой, тактильной, объектно-ситуативной и т.д.), то самым общим определением для такой формы и будет сенсорновоспринимаемая форма: продукт любой деятельности (в отношении мыследеятельности – продукт её выражения) является потенциально воспринимаемым посредством сенсорной системы человека, а значит, определение сенсорновоспринимаемая форма может быть применено ко всем продуктам человеческой деятельности, а также и к выражениям природных процессов, которые в последнее время всё чаще стали интерпретироваться в качестве специфических форм искусства[1].

Продуктивный контейнер – это то, чем является продукт деятельности не зависимо от конкретики его возможных вариантов. Или иначе – это основное условие выражения результатов конкретной деятельности, обуславливающее специфику трансформации и организации исходного материала и определяющее рамки вариативности конечной формосодержательной целостности. В качестве примера можно привести изображение как продуктивный контейнер деятельности живописца, или фильм как продуктивный контейнер фильмопроизводства. (В принципе, то же самое можно говорить и о выражении природных процессов,

[1] См., например, статьи авторов сборника Nature. Edited by Jeffrey Kastner. Cambridge: MIT Press and Whitechapel Gallery, 2012.

уникальная формосодержательная целостность которых всегда обусловлена такого рода продуктивным контейнером – рассвет, молния, радуга и т.п.). О термине же сенсорновоспринимаемая форма в этом смысле можно говорить не только как о том, что является выражением любой формосодержательной целостности, но и как о самом общем продуктивном контейнере для самой человеческой деятельности, рассмотренной на самом общем масштабе безотносительно какой-либо конкретики её реализации.

Однако изображение и фильм являются устоявшимися продуктивными контейнерами, определяющими характер и специфику определённых видов деятельности. В то же время возникают такие виды деятельности, оперативное определение продуктивных контейнеров для продуктов которых оказывается весьма затруднительным. Что, например, является продуктивным контейнером для экспонируемого в музее писуара? Или какой продуктивный контейнер у голого человека, сидящего посреди площади?.. Поэтому мы и фиксируем ситуацию потенциального наличия таких видов деятельности, продукты которых выражаются в неустоявшихся продуктивных контейнерах, которые при определённых условиях со временем могут быть трансформированы в контейнеры устоявшиеся.

В связи с тем, что продукт любой деятельности так или иначе функционально используется в какой-то другой деятельности или деятельностях (в противном случае встаёт вопрос о самой возможности обозначения некой совокупности процессов в качестве именно деятельности, ведь деятельность – это форма человеческой активности, образуемая устойчивой процессуальной множествен-

ностью, в результате реализации которой возникает такой продуктивный выход, продуктивный контейнер и самая общая характеристика формосодержательной целостности которого изначально предзаданы и гарантированы, равно как и та функция или функции, которые данный продукт реально или гипотетически может выполнять в условиях иной или иных видах деятельности), то в качестве второго элемента конструируемой онтологической схемы может быть определена деятельность два (Д-2), в которой продукт первой деятельности выполняет определённую функцию.

Здесь надо отметить по крайней мере три момента. Первый – это то, что деятельность два может быть связана с самим субъектом или субъектами, реализующими деятельность один: делается что-то, чтобы потом это использовать затем-то – пишу картину (деятельность один), чтобы потом ею любоваться (деятельность два). Второе – деятельность два может трансформироваться в исторической перспективе, а также носить множественный характер и, соответственно, включаемая в неё сенсорновоспринимаемая форма может быть по разному функционально использована: пишу картину (деятельность один), чтобы потом ею любоваться (деятельность два), однако после моей смерти картина становится элементом декора (иная деятельность два), а ещё позднее и одновременно – предметом коллекционирования (иная деятельность два) и предметом публичного экспонирования (иная деятельность два). И, наконец, третий момент – при исследовании сенсорновоспринимаемых форм их функциональное предназначение, реальное и вариативное использование может вообще не рассматриваться (например, в ситуации,

когда исследовательский фокус сосредоточен исключительно на формосодержательной целостности рассматриваемой формы).

В качестве третьего элемента конструируемой онтологической схемы может быть определена деятельность три (Д-3), для которой продукт первой деятельности является исходным материалом, оказывающимся таковым или вследствие обращения к нему или же в результате его собственной актуализации, и в отношении которого реализуется одно из двух или же сразу два принципиальных действия – маркирование термином «искусство» и координирование по отношению к иным формам, которые уже имеют маркирование термином «искусство», продуктом чего является маркированная и/или скоординированная (помещённая в определённую «систему координат») сенсорно-воспринимаемая форма.

Сделаем два важных пояснения, касающихся как самой деятельности три, так и компонентов маркер «искусство» и «система координат», которые используются в ней.

Для того, чтобы та или иная конкретная сенсорновоспринимаемая форма стала предметом искусствоведческого исследования, необходимо или чтобы она содержала в собственной формосодержательной целостности то, что позволит исследователю самостоятельно маркировать её в качестве «искусства» и определённым образом скоординировать её по отношению к существующим формам уже маркированным таким образом, или же надо, чтобы эти маркирование и координирование были исследователю даны, что и является продуктом деятельности три. В противном

случае – или будет непонятно, что исследовать (ведь не определено, что является искусством, и что, например, определённым образом скоординировано по отношению к тому, что уже маркировано как искусство), или же придётся исследовать вообще всё, но тогда это явно будет уже не искусствоведение, а, например, культурология[1]. И вот тут возникает интересная коллизия: дело в том, что в ситуации, когда исследователь (искусствовед) сам маркирует и координирует сенсорновоспринимаемую форму, то он оказывается ни кем иным, как тем, кто реализует деятельность три, а значит, из позиции исследователя оказывается в самой предметной области, в отношении которой он должен осуществлять познавательную деятельность. А значит, необходимо признать изначально дискурсивный характер целого ряда искусствоведческих исследований, в отличие от исследований дисциплинарных, в которых предметная область противопоставляется познающему субъекту.

Таким образом, важно определить, что и маркер «искусство», и сама «система координат», в которой располагаются формы, маркированные как «искусство», должны являться не продуктом исследовательской деятельности искусствоведа, но частью предметной области, в отношении которой им осуществляется познавательная активность. Поэтому как бы нам не хотелось дать точное определение маркеру «искусство» (ведь важен не сам этот термин, хотя, конечно, он чаще всего и используется, но то определение, которое за ним скрывается, и которое в нашем случае не может быть слишком многозначным), как бы не важна была для нас

[1] Подробнее об этом см. далее в параграфе 2.3. Дисциплинарная обособленность искусствоведения.

простройка непротиворечивой «системы координат», мы не можем этого сделать, так как тогда из рефлексивной позиции мы перейдём в позицию деятельностную – в данном случае – предметоформирующую. Многозначность термина «искусство» и инвариантность оговариваемой «системы координат» даны нам как специфическая данность исследуемого, в отношении которой и должна быть сформирована непротиворечивая система знаний.

Ориентация на связку маркер «искусство» – «система координат» важна в связи с тем, что маркер «искусство» в том или ином знаниевом представлении может оказаться случайным (например, «искусство» в смысле технического мастерства), тогда как позиционирование некой формы (продукта деятельности один) по отношению к формам, ранее маркированным в качестве «искусства», не может оказаться случайным. Поэтому процесс координирования в деятельности три – процесс обязательный, а маркирование – процесс, во-первых, вариативный в отношении самого термина «искусство», а, во-вторых, опциональный.

В связи с этим важным является следующее замечание: искусствоведение как дисциплинарная предметность, а не как локальный специфический дискурс в отношении некой весьма условной предметной области, оказывается возможным только в результате наличия определённой рефлексивной традиции, в условиях которой возникают предметные представления, формирующие компоненты «системы координат», о которой идёт речь. Без этого просто-напросто невозможен переход от дискурсивной познавательной ситуации к познавательной ситуации дисциплинарной, потому как эта самая «система координат» – исходный материал для формирования хотя бы условно целостного ядра и границ предметной области искусствоведения.

Принимая принцип условного деления эстетики на имплицитную и эксплицитную (первая, в качестве продукта познавательной активности, осуществляемой в рамках иных дисциплинарных предметностей или дискурсивных единств, существует задолго и независимо от выделения эстетики в качестве дисциплинарной предметности, которой соответствует определённая конкретная предметная область, а вторая – как раз и связана с реализацией познавательной активности в условиях обозначенных границ эстетики как обособленной дисциплинарной предметности[1]), можно сказать, что, если не рассматривать искусствоведение с позиции деятельностного подхода к познанию, то и его точно также можно разделить на имплицитное (существовавшее до возникновения искусствоведения как обособленной дисциплинарной предметности) и эксплицитное (собственно дисциплинарное). Однако в условиях описываемого методологического инструментария такое деление, не важно – искусствоведения, эстетики или какой-либо иной дисциплины, которая развёртывается в данности натуралистического подхода к познанию, оказывается ошибочным, так как по отношению к знанию, формируемому в ситуации деятельностного подхода к познанию, все иные знания оказываются имплицитными. Единственно возможным эксплицитным знанием (если продолжать использовать такое деление) является знание, продуцируемое исключительно в условиях деятельностного подхода к познанию.

Конечно, для исследователей-искусствоведов, находящихся в ситуации традиционного – натуралистического подхода к познанию, такое отношение

[1] Бычков В.В. Эстетика : учебник. – Москва: КНОРУС, 2012. – 39-41.

к маркеру «искусство», «системе координат» и характеристике их познавательной активности как имплицитной скорее всего будет казаться странным и даже, возможно, неприемлемым («Ведь, главным образом, это мы определяем, что есть искусство и каково место тех или иных форм в общей иерархии! Это мы формируем научное знание об искусстве!!»), однако, с точки зрения деятельностного подхода к познанию, в данном случае процессы маркирования и координирования могут рассматриваться исключительно как дискурсивные, имплицитные по отношению к реальному или потенциальному эксплицитному знанию: да, в случае искусствоведения – определённым образом дополняющие наше представление о специфике и границах предметной области дисциплинарной предметности, но затем – в неё саму и входящие. Вместе с тем, в ситуации развёртывания методологической парадигмы искусствоведения, дискурсивные знаниевые представления будут рассматриваться как компоненты структурной целостности предметной области, при том, что само порождающее их дискурсивное единство исследователей может (скорее всего – и будет) продолжать продуктивно функционировать, а в ситуации ведения специальной методологической работы в условиях искусствоведения – знаниевые представления данного дискурсивного единства будут являться исходным материалом, побуждающим рефлексивную активность методолога предметной области искусствоведения.

Полученное в итоге построение может быть определено в качестве ядра достаточной онтологической схемы предметной области искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности (*рис. 22*).

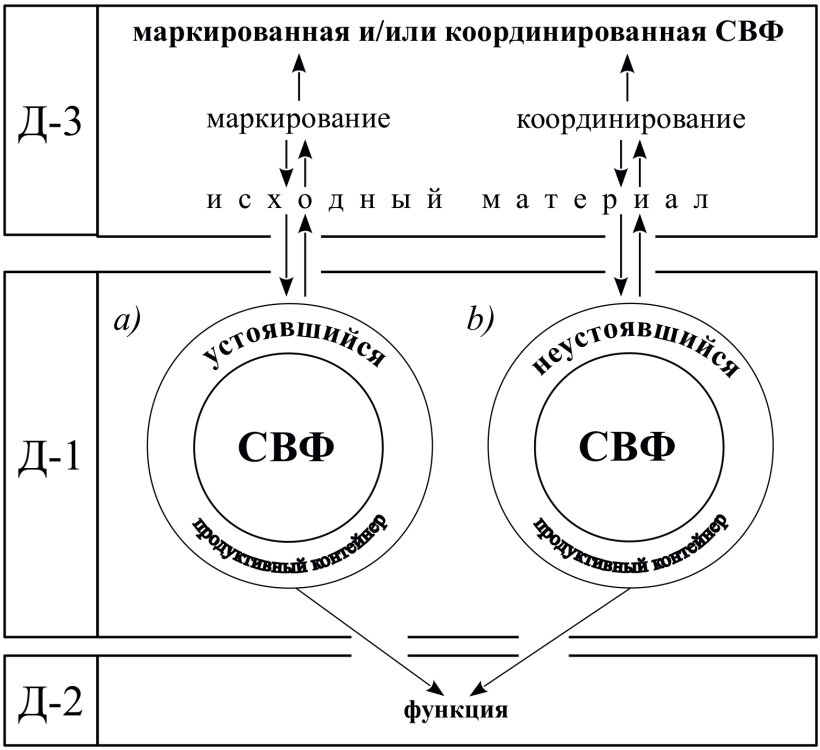


Рис. 22

Если же абстрагироваться от того, чем данная схема является, а также несколько трансформировать и развернуть отдельные её компоненты:

– деятельность один раскладывается на три последовательных этапа (*проектировочный*, на котором происходит обоснование проектируемой деятельности, определение принципов её нормирования и непосредственное проектирование этапа реализации, *этап реализации*, представляемый через основные компоненты деятельности, такие как исходный материал, цель, задачи, образующие процессуальную множественность, состав-

ляющую один цикл деятельности, а при фиксации задач, в качестве принципиальных – алгоритм данной деятельности, средства, метод, подходы (используемые в познавательной деятельности), которые делятся на стратегические и методологические/интерпретационные, продукт, упаковываемый в конкретный продуктивный контейнер, а также общий продуктивный контейнер для любой человеческой деятельности – сенсорновоспринимаемую форму, и возможный, но не обязательный – *рефлексивный этап*, на котором осуществляется или может осуществляться – описание реализованной деятельности, её проблематизация, а также выдвижение предложений по оптимизации деятельности при её реализации на последующих циклах);

– деятельность два дополняется указанием того, что функция, которую потенциально может выполнять продукт деятельности один связана с тем, что он оказывается или средством, или методом, или исходным материалом, или же компонентом средства/метода/исходного материала;

– между деятельностью один и три добавляется указание на восприятие как физиологический процесс, осуществляемый благодаря наличию у человека сенсорной системы, представляющей ему независимый от его мыслительной активности перцептивный образ взаимодействующей с ним СВФ, который и оказывается исходным материалом для его мыследеятельности (МД), в условиях которой может быть сформирован автоматический или сознательный мыслеобраз СВФ (их отличие заключается в том, что автоматический мыслеобраз – продукт неконтролируемой субъектом мыследеятельности, а сознательный мыслеобраз – продукт мыследеятельности субъектом нормируемой), проведено

сознательное координирование полученной информации о СВФ по отношению к информации уже имеющейся, а также – если рассматривать мыследеятельность на самом общем масштабе – информация о СВФ включается в индивидуальную картину мира данного субъекта; всё это – мыслеобразы, координирование и индивидуальная картина мира, если мы рассматриваем деятельность три как рефлексивную деятельность в отношении продукта деятельности один, функционально (в качестве исходного материала) в ней и используется (то есть рефлексивная деятельность три всегда имеет исходным материалом не саму СВФ, не её перцептивный образ, воспринятый субъектом, а продукт его мыследеятельности в отношении перцептивного образа СВФ);

– деятельность три дополняется указанием того, что исходный материал в результате реализации данной деятельности может трансформироваться в описание СВФ (что будет соответствовать знаниевому замещению СВФ), объяснение или оценку СВФ (что будет соответствовать концептуальному координированию СВФ), которые функционально могут быть задействованы в деятельности четыре (Д-4) (в противном случае – деятельность три должна быть признана нефункциональной), в которой они выполняют функцию или средства, или метода, или исходного материала, или же компонента средства/метода/исходного материала;

– последним дополнительным элементом схемы оказывается стрела времени (t), на которой обозначаются как минимум двенадцать промежутков, фиксирующие основные временные периоды, связанные с исходной деятельностью – деятельностью один и её продуктом –

СВФ: время проектирования СВФ, время создания СВФ, время актуализации СВФ, время проблематизации деятельности по созданию СВФ, время функционирования СВФ, время вариативного функционирования СВФ, время не функционирования СВФ, время описания СВФ и его (описания) актуализации, время концептуального координирования (объяснения и оценки) СВФ и его (координирования) актуализации, время опосредованного координирования СВФ, время опосредованного функционирования СВФ (опосредованное координирование и функционирование СВФ оказывается возможным вследствие наличия описания СВФ – именно оно вместо самой СВФ оказывается тем, в отношении чего развёртывается координирование и что становится функционирующим), время определённого институализированного координирования СВФ (то есть концептуальное включение в условиях того или иного социального института в качестве компонента в ту или иную систему координат);

то мы получим, во-первых, вспомогательный инструмент, который может быть функционально использован для работы с исходной онтологической схемой, а, во-вторых, – такое построение, которое при его спецификации вполне может оказываться ядром онтологической схемы предметной области любой дисциплинарной предметности, в центре которой лежит какая угодно разновидность человеческой деятельности (*рис. 23*).

Возвращаясь к онтологической схеме предметной области искусствоведения, можно определить, что «материалу» ДНК онтологической схемы в ней соответствуют деятельности один и два (в большей

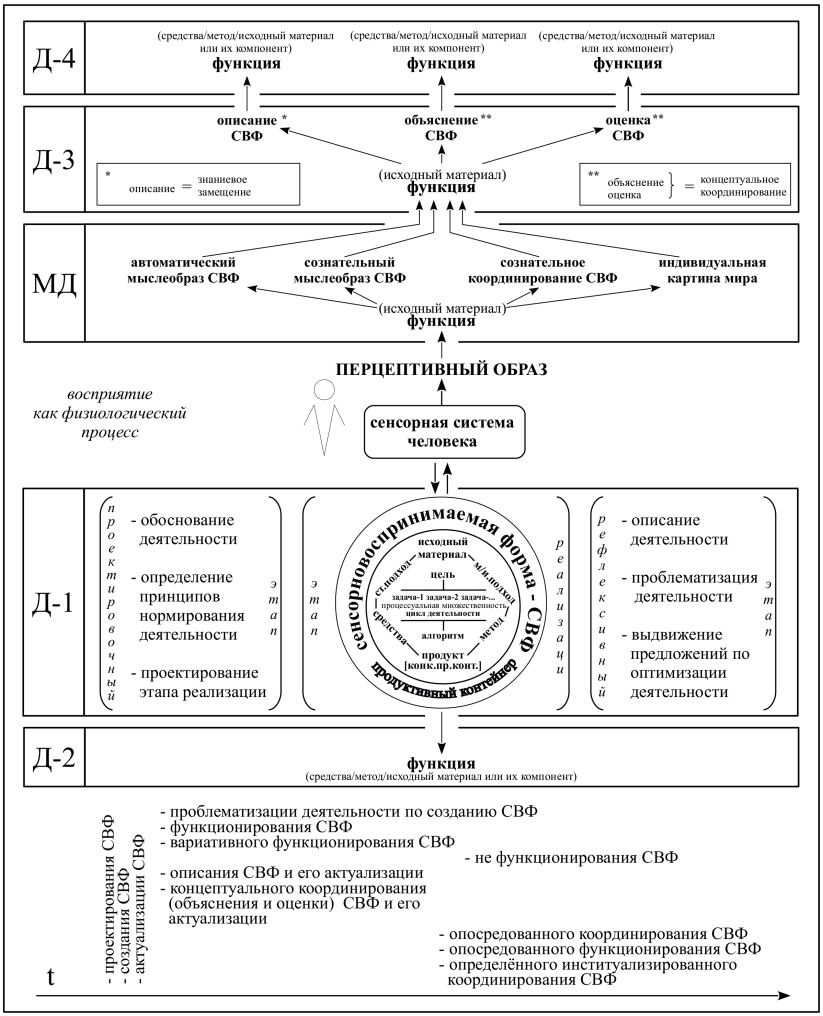


Рис. 23

степени, конечно, деятельность один, так как деятельность два в искусствоведческих исследованиях может вообще не учитываться), а «условности познавательной активности» и «основному условию связи» – деятельность три (*рис. 24*).

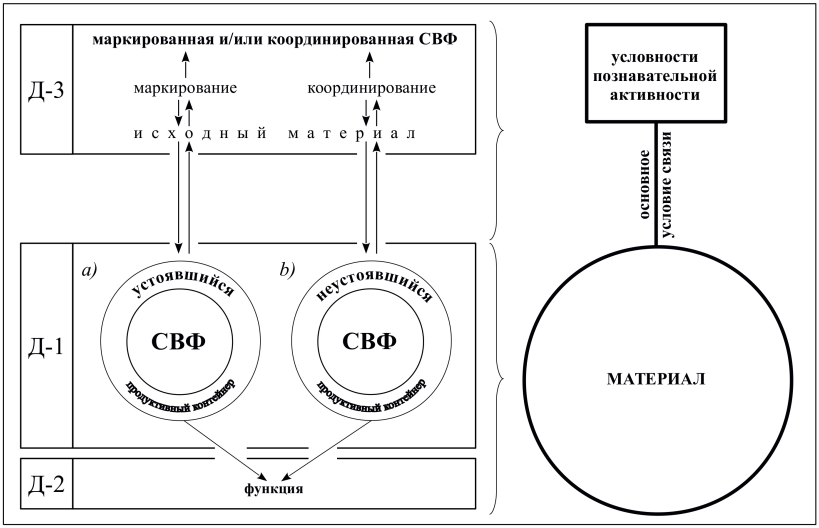


Рис. 24

Таким образом, в искусствоведении с такой онтологической схемой предметной области, *объектом в философском значении будет фактологический материал*: различные по характеру формы (плоскостные изобразительные, скульптурные, архитектурные, иные), а также деятельность по их созданию. А *предметом в философском значении* – выделенный фактологический материал, интерпретируемый как искусство, а деятельность – как творческая.

Из этого следует, что предметная область такого искусствоведения (то есть то, что принимается искусствоведами как непроблематизируемая данность) состоит из различных форм искусства. А так как объект-предмет в методологическом значении – то, что полагается в предметной области, то *предмет исследования искусствоведа* – это исключительно искусство, искусство

как непроблематизируемый факт. Если же мы поставим этот факт под сомнение, то мы либо выйдем за границы искусствоведения, либо, пытаясь оставаться в нём, подвергнем трансформации ключевое условие существования его дисциплинарной идентичности, то есть по сути начнём утверждать основания какой-то иной дисциплинарной идентичности, что, впрочем, как и в первом случае окажется выходом за исходные границы искусствоведения.

Всё это может показаться банальностью, но на её основании мы можем сделать раскладываемое на фазы одно важное построение, которое на самом общем масштабе будет представлять ту ситуацию, в которой находится рассматриваемое нами здесь искусствоведение.

Первая фаза построения связана с тем, что может быть определено как начальное – «ньютоновское» состояние научной дисциплины (данное построение скорее всего является унифицированным для любой гуманитарной дисциплины): существует некая объектная область на избранном масштабе, которая является реальной частью предметной области конкретной дисциплины, которая в свою очередь раскладывается на два уровня – уровень онтологической схемы, на котором, собственно, и фиксируется исходное деление предметной области на реальное и фантомное, и уровень «ньютоновского» состояния дисциплины, на котором реальному соответствует предметная область уровня онтологической схемы, а фантомное как раз и обуславливается спецификой магистральной исследовательской рефлексии в рамках исходных условностей познавательной активности, с возникновением и развёртыванием которой и связано

Рис. 25-а

образование данной дисциплинарной предметности (в нашем случае – «ньютоновского» искусствоведения) (*рис. 25-а*).

Вторая фаза связана с возникновением проблемной ситуации, обусловленной тем, что исходная для рассматриваемой дисциплинарной предметности

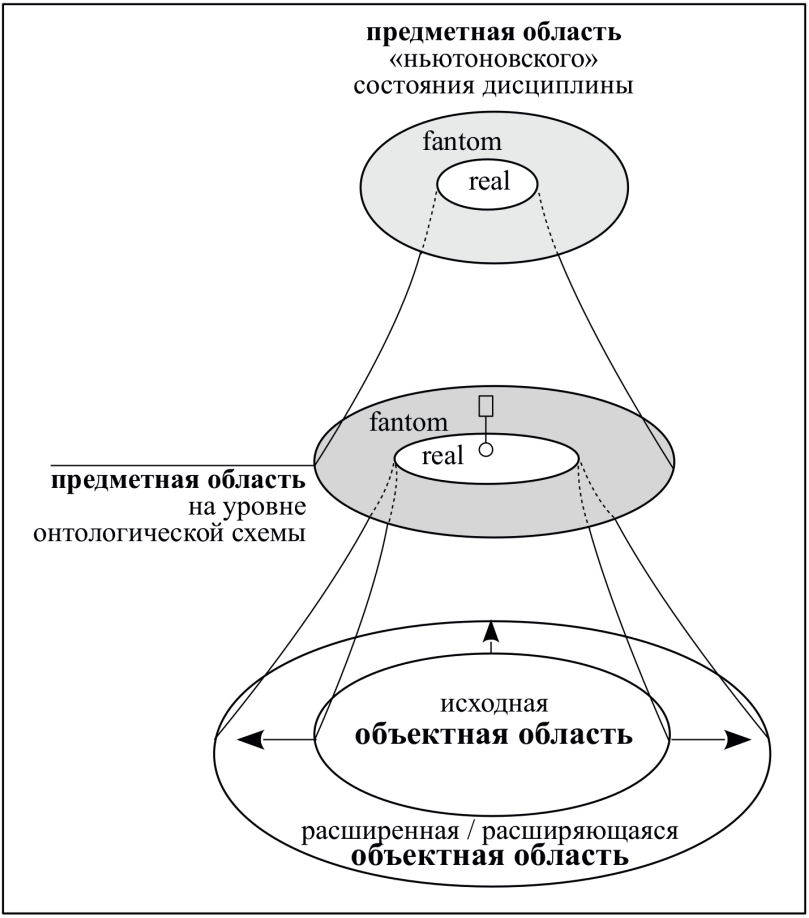


Рис. 25-b

объектная область расширяется, но в реальной части предметной области на уровне онтологической схемы остаётся вся та же исходная объектная область, то есть по сути «ньютоновской» дисциплиной игнорируются происходящие процессы, связанные с объективно наличествующим (рис. 25-b).

В третьей фазе построения фиксируется ситуация

возникновения параллельного «ньютоновскому» – «модернистского» состояния дисциплины, в условиях которого расширенная или же продолжающаяся расширяться объектная область включается в реальную часть предметной области на уровне онтологической схемы, что, однако, на построении мы не можем показать через разность их предметных областей на уровне онтологической схемы, так как в этом случае мы должны будем констатировать возникновение принципиально иной дисциплинарной предметности, тогда как тут речь идёт о другом: просто-напросто расширяется специфика возможного материала, в отношении которого может реализоваться познавательная активность в условиях одного и того же дисциплинарного единства – одной частью избирается принципиально один материал, другой – принципиально другой, но онтологическая схема предметной области при этом не меняется (в случае с искусствоведением это связано с тем, что традиционные для «ньютоновского» искусствоведения формы искусства – картины, скульптуры, архитектурные формы, расширяются за счёт фотографии, коллажа, реди-мейда и т.п. – всего того, что затем и вынудило нас ранее разместить в онтологической схеме предметной области искусствоведения в качестве продукта деятельности один сенсорновоспринимаемую форму – потенциально всё, что угодно из того, что может произвести человек). В то же время мы можем зафиксировать, что реальное и фантомное предметных областей «ньютоновского» и «модернистского» состояния дисциплины не соответствует друг другу, что, собственно, и выражает в нашем построении их принципиальную разность: реальная часть предметных областей не соответствует друг другу за счёт

разности материала в реальном на уровне онтологической схемы, а фантомная часть – во-первых, и это главное, из-за того, что «модернистским» игнорируется какая-то (возможно даже, что и большая) часть фантомного предметной области уровня онтологической схемы, то есть всё то, что изначально и формирует «ньютоновское» состояние дисциплины (данной дисциплины как таковой!) и затем тотально обуславливает специфику исследований в её условиях, а, во-вторых, из-за разности исследовательской рефлексии, адаптирующейся к специфике своего материала (в искусствоведении это выражается в том, что всё лежащее в фантомной части предметной области на уровне онтологической схемы и обуславливающее специфику «ньютоновского» искусствоведения – понятие стиль, эстетические категории, применяемые к оценке произведения, принцип авторства и т.п., «модернистским» искусствоведением практически не используется и формируется нечто принципиально иное – например, возможность ситуации произведения без произведения, принцип отсутствия авторства и т.п., что «ньютоновским» искусствоведением просто-напросто не может быть использовано). Впрочем, так же, как и их характер – стагнированный (stagn.), то есть устоявшийся и принципиально не изменяющийся, для предметной области «ньютоновского» состояния и трансформирующийся (transf.), находящийся в ситуации постоянной изменчивости – для «модернистского» состояния дисциплины. И тут же надо отметить, что и «ньютоновские», и «модернистские» исследователи, пытаясь абстрагироваться от фантомного их предметных областей, могут «нисходить» до предметной области дисциплины на уровне онтологической схемы, которая в

таком качестве оказывается для них предметной областью «квантовых» исследований, но при этом эти области никогда не сливаются – предметная область «квантовых» исследований всегда находится чуть «выше» предметной области онтологической схемы, работа с которой возможна только из рефлексивной позиции или же при переходе к деятельностному подходу к познанию, тогда как предметная область «квантовых» исследований – это предельный уровень объективации исследуемого в условиях наличествующей онтологической схемы для всех возможных вариантов состояния, основывающейся на ней дисциплины (*рис. 25-с*).

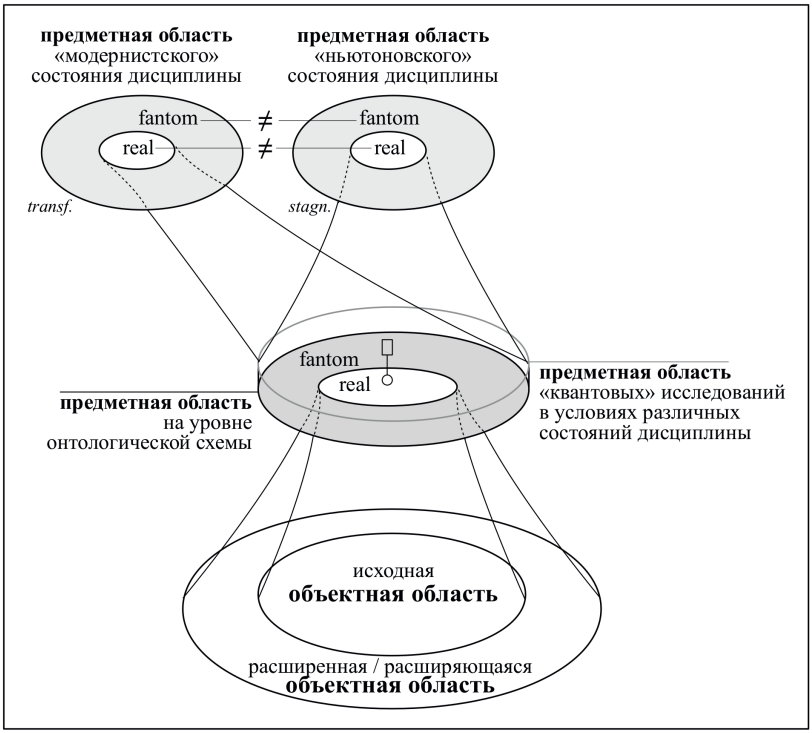


Рис. 25-с

Заключительной фазой реализуемого построения является фиксация возникновения ещё одного – третьего принципиального состояния дисциплины – «эйнштейновского», в условиях которого, при осознании существующей вариативности имеющихся точек зрения, их относительности, что и выражается наличием «ньютоновского» и «модернистского» состояний, происходит попытка выработки неких общих для данной дисциплины «правил игры» – оснований для познавательной активности, которые либо были бы едины в отношении любого материала, находящегося в реальной части предметной области на уровне онтологической схемы, либо каким-то образом примиряли бы между собой существующие вариативные познавательные позиции (в искусствоведении «эйнштейновский» уровень пока ещё не очень развит, так как, кроме методологических оснований, требует некой внутренней толерантности по отношению к имеющимся различным точкам зрения – проявление же такого отношения ведёт к потери искусствоведом своей исследовательской идентичности, формируемой устоявшимися познавательными направлениями). Так же, как и между реальным и фантомным предметных областей «ньютоновского» и «модернистского» состояния дисциплины, определяется несоответствие друг другу, такое же несоответствие фиксируется между ними и реальным, и фантомным предметной области «эйнштейновского» состояния дисциплины (*рис. 25-d*).

Полученное построение может быть сколь угодно подробно разобрано и конкретизировано с учётом специфики искусствоведения, но это уже не столько наша задача, сколько историков самого искусствоведения (по сути это может стать целым отдельным занимательным исследованием монографического масштаба). Здесь же для

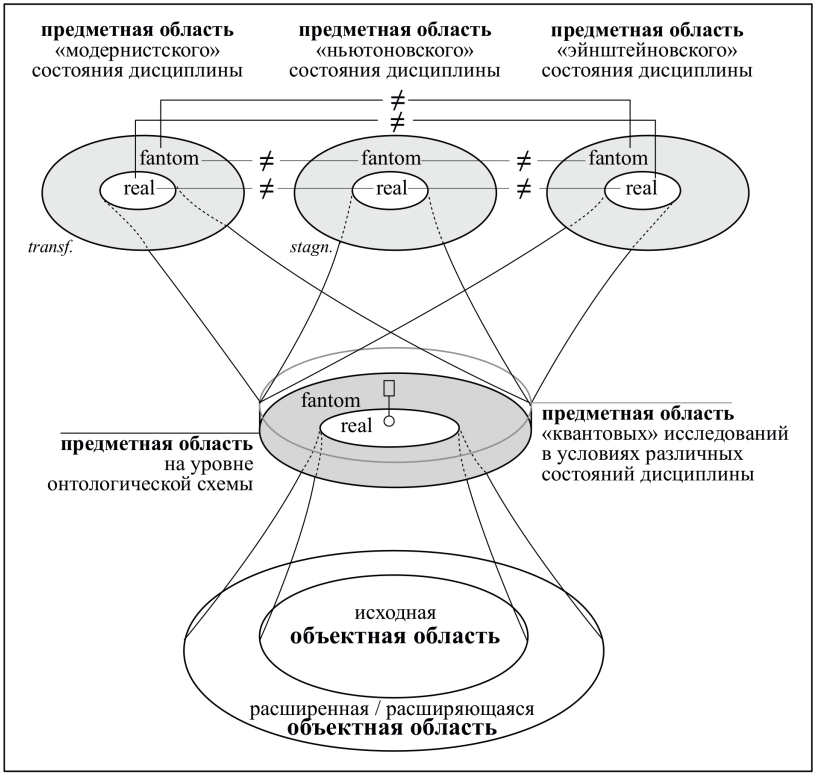


Рис. 25-d

нас было важно зафиксировать основные аспекты того, что определяет ту познавательную ситуацию, в которой оказывается современный исследователь-искусствовед, и что является основой того, что было определено нами как условно дисциплинарное искусствоведение.

Вопросы к параграфу 2.1. Онтологическая схема предметной области искусствоведения

1. Чем по сути является каждый из трёх субстанциональных элементов сконструированной онтологической схемы предметной области искусствоведения?

2. Перечислите три субстанциональных элемента сконструированной онтологической схемы предметной области искусствоведения.
3. Что такое сенсорновоспринимаемая?
4. Каким образом можно соотнести сенсорновоспринимаемую форму с любой из известных форм искусства (картина, скульптура, спектакль, фильм и т. п.)?
5. Что такое «продуктивный контейнер»?
6. Что такое маркер «искусство»?
7. Чем принципиально маркирование термином «искусство» отличается от координирования по отношению к формам, которые уже маркированы ранее таким образом?
8. В чём отличие между стагнированным и трансформирующимся характером предметной области?
9. Что такое «ньютоновское» состояние научной дисциплины?
10. Что такое «модернистское» состояние научной дисциплины?
11. В чём специфика «квантовых» исследований в условиях «ньютоновского» и «модернистского» состояния научной дисциплины?
12. Что такое «эйнштейновское» состояние научной дисциплины?

2.2. Онтологическая схема «современного искусства»

Чтобы расширить функциональное применение сделанных построений, остановимся отдельно на таком предмете как «современное искусство».

Исходя из определённых ранее методологических оснований очевидно, что «современного искусства» самого по себе как субстанции не существует. Равно как и «искусства». И то и другое – языковые дефиниции. То есть определения в отношении чего-то. А для тех, кто даёт эти определения – однозначные термины в отношении чего-то

конкретного. Тогда как для кого-то другого – возможно, что-то совершенно иное, или же вообще – ничего. Поэтому, как и любой другой термин, «современное искусство» может иметь какое угодно множество различных значений – потенциально всё, что только может быть определено человеком, может быть названо «современным искусством». Или же чем-то ещё – например, эллинизмом, перспективой или гравицапой. Вопрос в коммуникативной функциональности данной языковой дефиниции, её соответствия определённой традиции, существующей в той или иной языковой среде, национальной или социо-политической системе, или же в том научно-дисциплинарном или дискурсивном пространстве, в границах которого оно употребляется. Собственно, поэтому в гуманитарной науке определение чего бы то ни было через языковые формы всё ещё возможно, но в ситуации информационного хаоса и перепроизводства концептуальных представлений – не функционально и рудиментарно, так как в этом случае с большой долей вероятности возникает потенциальный конфликт не просто случайных, позиционно дискурсивных или игровых, но и преднамеренно инаковых значений. Поэтому полноценным и функциональным оказывается всё-таки представление чего бы то ни было не через языковые конструкции, но через онтологические схемы – формализованные построения, выражающие уникальность одного по отношению к тому, что им не является, а также – через производные построения от этих схем.

Однако прежде, чем приступить непосредственно к конструированию онтологической схемы термина «современное искусство», сделаем два предварительных замечания.

Первое замечание касается следующего: так как термин «современное искусство» возникает в результате реализации определённого рода рефлексивно-исследовательской активности, которая для нас определяется в качестве исследуемого, а в существующем построении онтологии предметной области искусствоведения уже наличествует компонент, связанный с подобной деятельностью – деятельность три, то здесь мы вполне можем допустить, что исследуемая деятельность является её специфической разновидностью, равно как и все остальные разновидности рефлексивно-исследовательской активности, которые в отсутствии полноценного парадигмального знания только в его отсутствии условно могут считаться дисциплинарными и противопоставляться данной предметной области, тогда как по сути, с точки зрения потенциальной научной парадигмы в отношении выделенной предметной области, они должны рассматриваться исключительно как части исследуемого (в нашем случае – изначально получая своё место в деятельности три, которая при более масштабном построении скорее всего будет трансформироваться в целый комплекс специфических видов деятельности, формально объединяемых по характеру реализуемой активности и получаемому продуктивному выходу).

Второе. Не имея ещё искомого онтологического построения, но только сам термин «современное искусство» как продукт специфической рефлексивно-исследовательской активности, имеющий сам в себе определённую изначальную семантическую составляющую, связанную с использованием в нём двух слов, независимых от их конкретной концептуализации, а также набор представлений в его отношении, можно

предварительно определить, что разбираемый термин возникает в результате некоего формального разделения исследуемого в границах данной деятельности, полагаемого на условной хронологической шкале, и связан более с актуальным моментом времени, чем со временем исторически удалённым.

На самом общем масштабе без учёта каких-либо возможных внешних компонентов исходным материалом для развёртывания рассматриваемой рефлексивно-исследовательской активности, которая реализуется с конкретной рефлексивно-исследовательской позиции (РИП), обусловленной нахождением в условиях деятельности три и в определённый актуальный момент (АМ) времени, могут быть определены все три деятельности, входящие в онтологическую схему предметной области искусствоведения, включая и саму деятельность три (ту её часть, которая не связана с данной активностью), из которой и реализуется разбираемая рефлексивно-исследовательская деятельность. Кроме термина «современное искусство», который сам по себе только маркирует нечто, продуктом данной деятельности может быть определена граница на условной хронологической шкале, вводящая разделение её на две части и проводящая условную разделительную линии по всем трём исходным видам деятельности (*рис. 26-а*).

Первое, что необходимо заметить в связи с полученным промежуточным построением, что в один и тот же актуальный момент времени могут разворачиваться сразу несколько подобных рефлексивно-исследовательских видов деятельности, реализуемых с разными установками, поэтому может возникнуть вариативность производного продукта, специфической характеристикой которого может

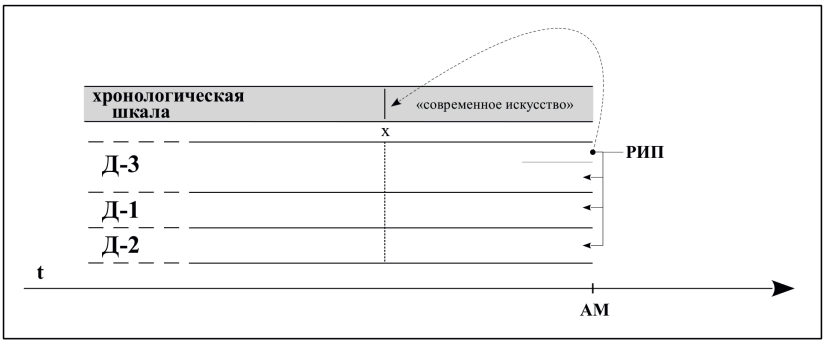


Рис. 26-a

стать наличие не одной – «левой» границы «современного искусства», но и «правой» его границы (*рис. 26-b*).

Второе, о чём необходимо сказать – это то, что разбираемая рефлексивно-исследовательская деятельность, конечно же, может развёртываться в различное время, причём для более поздних её реализаций одним из компонентов исходного материала вполне может быть подобная деятельность, реализованная ранее, а продукт – граница или границы – не совпадать с уже имеющимися границами и к тому же делить не все три исходных вида деятельности, а, например, какой-то один из них (*рис. 26-c*).

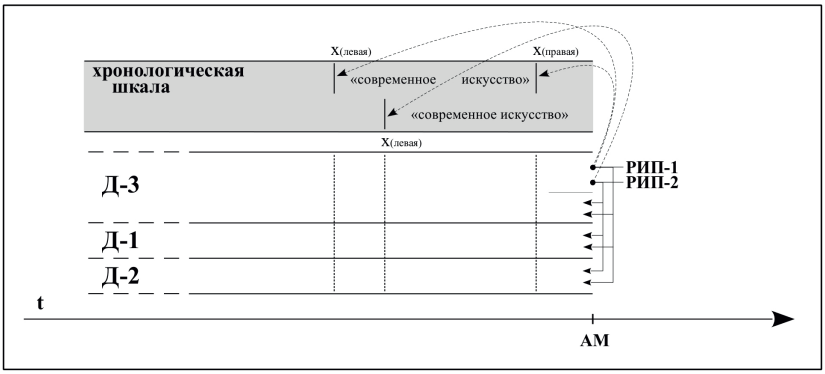


Рис. 26-b

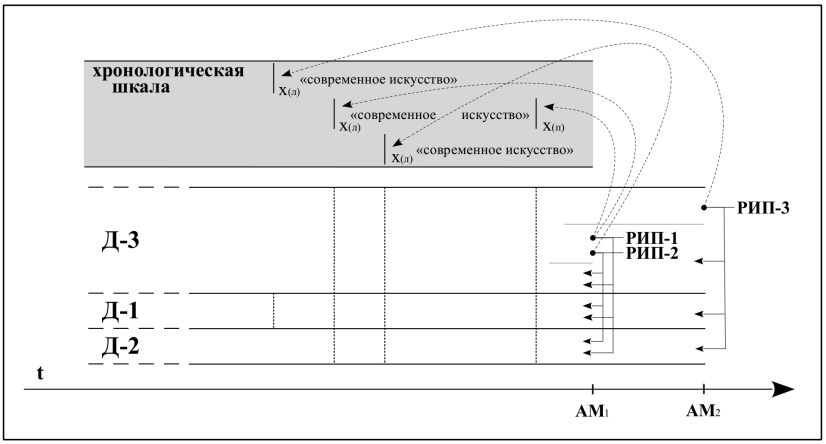


Рис. 26-с

Определим полученное построение в качестве возможной самой общей онтологической схемы термина «современное искусство». Анализируя её, можно сделать вывод о наличии в ней двух принципиальных элементов: *рефлексивного* – связанного с исследовательской активностью, и *причинного* – обусловленного фокусом исследовательской активности, являющегося для неё исходным материалом. Исходя из специфики взаимосвязи этих элементов, а также реально наличествующих ситуаций, о которых преднамеренно мы не будем здесь упоминать для того, чтобы избежать излишних промежуточных построений, связанных со множеством частных концептуальных вариантов их конкретных реализаций, можно выделить три принципа, лежащих в основе конкретных (реальных или потенциально возможных) реализаций разбираемой рефлексивно-исследовательской активности и, соответственно, получаемых в её условиях вариантов конечного продукта. Условно назовём эти принципы – формальным, концептуальным и морфологическим.

Формальный принцип продуцирования термина «современное искусство» связан с тем, что в условиях реализации рефлексивно-исследовательской активности в актуальный момент времени на хронологической шкале откладывается некий условный «временной период», которому априори соответствует всё, что попадает в него в условиях деятельности один и два (деятельность три в условиях данного принципа, как правило, не рассматривается как компонент маркируемого), правая граница которого соответствует актуальному моменту, а левая – границе того, что и маркируется термином «современное искусство» (*рис. 27-а*).

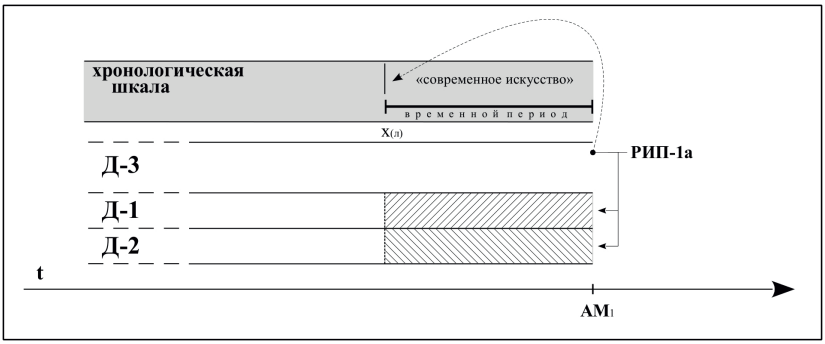


Рис. 27-а

Специфика данного принципа заключается в том, что, во-первых, вообще всё, что попадает под границы данного периода во всех двух видах деятельности онтологической схемы предметной области искусствоведения, маркируется термином «современное искусство», а, во-вторых, что сам этот период, оставаясь неизменным (или принципиально неизменным) по своей протяжённости, перманентно постепенно отодвигается вправо с изменением актуального момента (*рис. 27-b*).

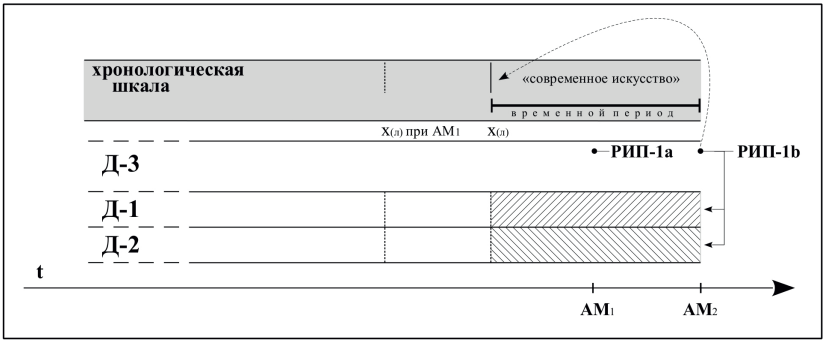


Рис. 27-b

Концептуальный принцип продуцирования термина «современное искусство» обусловлен тем, что в условиях реализации рефлексивно-исследовательской активности, связанной с наличием определённых конкретных изначальных установок в отношении к исследуемому – более или менее чётко оформленной концепции, в актуальный момент времени фиксируется и откладывается на хронологической шкале некая условная левая граница, вводящая разделение отдельных компонентов одной, двух или всех трёх видов исходной деятельности, входящих в онтологическую схему предметной области искусствоведения, на две части – правая из которых маркируется термином «современное искусство» (на схематическом построении мы будем указывать максимальное разделение по всем трём видам деятельности). То есть данным принципом фиксируется, что в каждом из трёх видов деятельности есть нечто, что с определённого времени может быть отнесено к «современному искусству», а также нечто, что вообще независимо от времени не имеет к нему никакого отношения, то есть вводится своеобразное разделение рассматриваемых видов деятельности на две части не

только по хронологическому, но и по качественному признаку (*рис. 28-а*). Причём с изменением актуального момента левая граница остаётся неизменной, равно как и изначально принятое разделение деятельностей «по горизонтали» (*рис. 28-b*).

Однако в тот же самый – например, во второй для изначальной рефлексивно-исследовательской активности, актуальный момент времени может возникнуть иная рефлексивно-исследовательская активность, в условиях

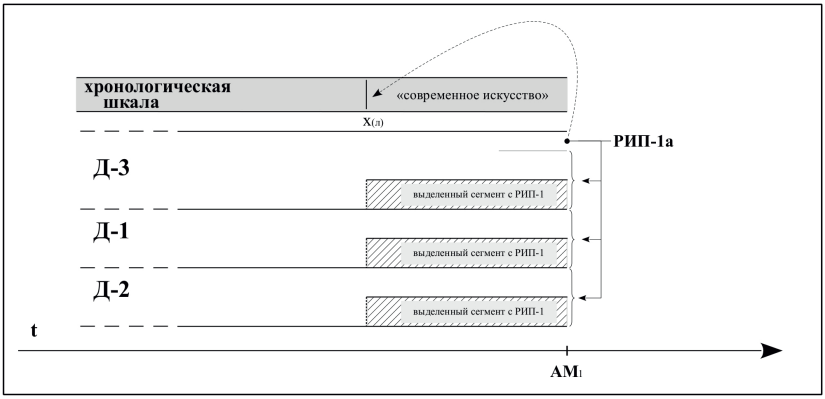


Рис. 28-а

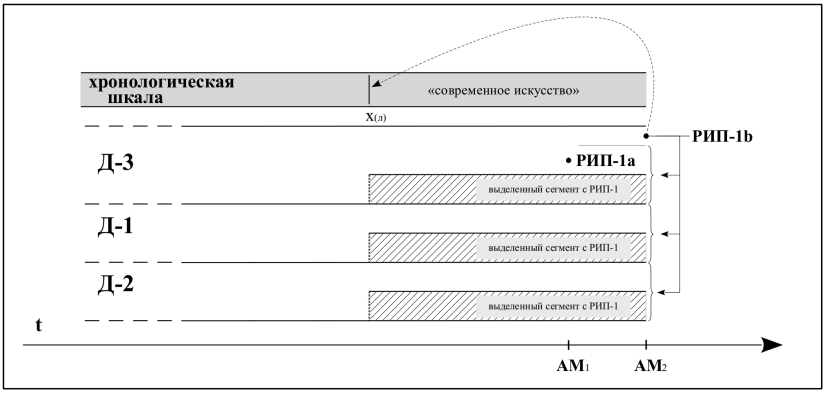


Рис. 28-b

которой, на основании проблематизации имеющегося разделения, при условии принятия в целом исходного концепта, лежащего в основе демаркации, может сформироваться уточнение левой границы для термина «современное искусство», равно как и корректировка того, что в рассматриваемых трёх видах деятельности может быть условием для принятия именно такого их разделения на компоненты (*рис. 28-с*).

Затем уже, когда в какие-то последующие актуальные моменты исследуемым становится в том числе и имеющаяся вариативная рефлексивно-исследовательская активность, в условиях которой возникает такое разделение, при условии принятия исходной концепции, вполне возможно формирование некоторых уточнений, касающихся как левой границы, так и того, что в самих рассматриваемых трёх видах деятельности является основанием для их разделения на то, что может быть маркировано термином «современное искусство», а что нет.

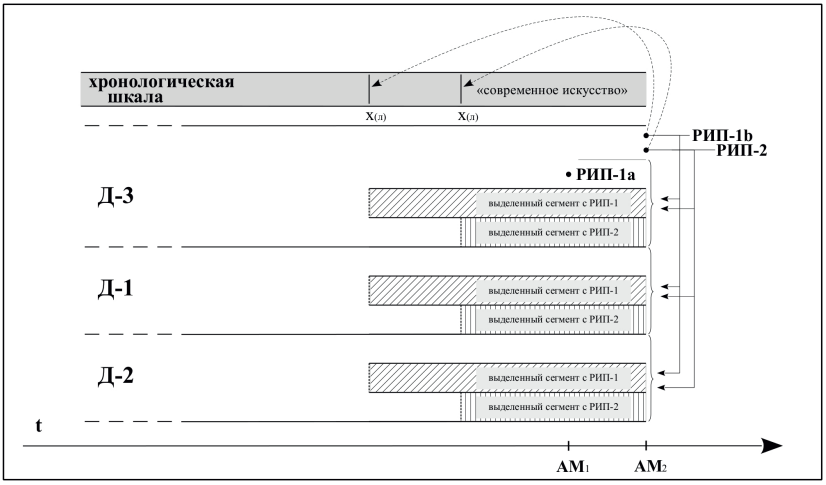


Рис. 28-с

Всё это в конце концов скорее всего приводит, во-первых, к формированию условного периода (на схеме обозначаемого границами х(л)1 и х(л)2), в котором полагаются все возможные варианты левой границы для «современного искусства», а также совокупность вариативных дополнений к исходной концепции, связанных с тем, что в рассматриваемых видах деятельности маркируется термином «современное искусство», а что нет (*схема 28-d*). Таким образом, здесь мы видим частичную реализацию того, что является основой для следующего – морфологического принципа, который вполне может полноценно реализоваться уже

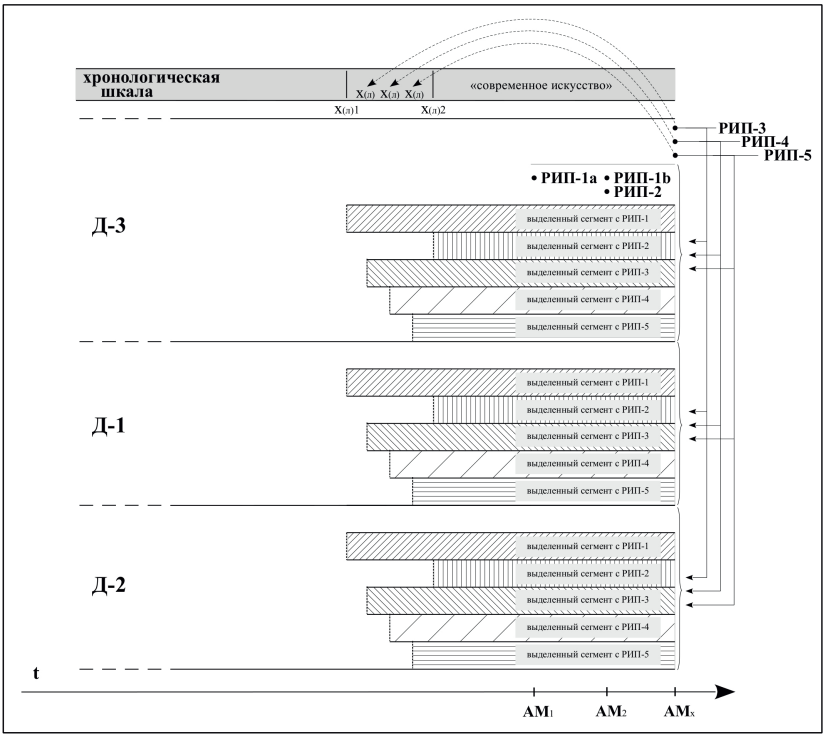


Рис. 28-d

здесь – в качестве механизма выделения того, что в рассматриваемых трёх видах деятельности является основанием для их разделения на то, что может быть маркировано термином «современное искусство», а что нет.

Последнее дополнение относительно концептуального принципа связано с тем, что в случае формирования какой-либо иной исходной концепции – на хронологической шкале будет отложена независимая от предыдущей условная левая граница, вводящая разделение отдельных компонентов одной, двух или всех трёх видов исходных деятельностей, входящих в онтологическую схему предметной области искусствоведения, на две части – правая из которых будет маркирована термином «современное искусство» (*рис. 28-е*). При поддержке и развитии этой концепции, а также при наличии в ней самой условий для этого – она может быть развёрнута точно так же, как и концепция из первого примера.

Морфологический принцип продуцирования термина «современное искусство» заключается в том, что маркирование термином «современное искусство» осуществляется вне обусловленности рефлексивно-исследовательской активности той или иной исходной концепцией, но исходя из анализа состава одного, двух или всех трёх рассматриваемых видов деятельности, входящих в онтологическую схему предметной области искусствоведения, и так же, как и в концептуальном принципе – в отношении не всего вообще в этих видах деятельности, а только в отношении того, что по тем или иным исходным установкам, которые могут быть вариативны, соответствует данному маркеру. Причём главным оказывается не сам состав компонента деятельности, а характер качественной трансформации

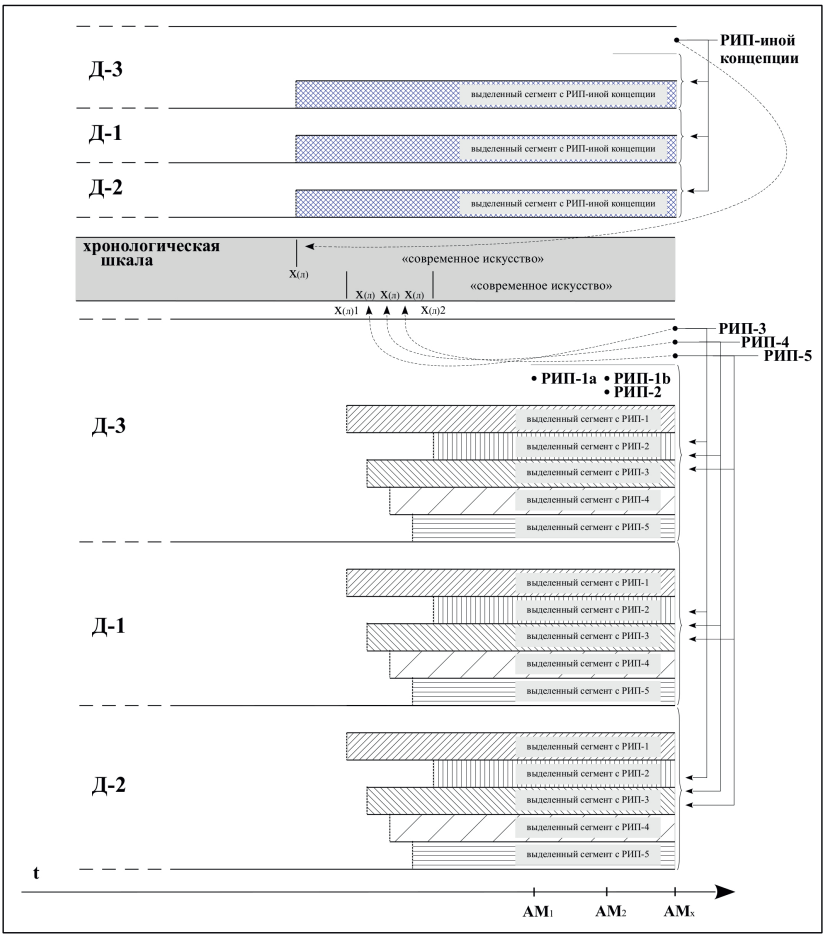


Рис. 28-е

этого состава, позволяющий в условиях реализации рефлексивно-исследовательской активности разделять трансформируемое от исходного и маркировать его или как непосредственно само «современное искусство», или как элемент того целого, которое в совокупности с иными выделяемыми элементами маркируется как «современное искусство».

На самом общем масштабе состав деятельности один может быть разложен на два отдельных компонента (кд – компонент деятельности): кд-1 – собственно морфологию деятельности, включающую в себя такой важный элемент деятельности как продуктивный «контейнер» – то, что определённым образом характеризует специфику как самой этой конкретной деятельности, так и специфику формосодержательной целостности её продукта, а также границы вариативности данной целостности и кд-2 – морфологию продукта деятельности. Отдельно в составе деятельности необходимо выделить «иное», подразумевая, что вполне возможно наличие чего-то, что не вошло ни в один из двух обозначенных компонентов.

Так как в деятельности два, исходя из её специфики в онтологической схеме предметной области искусствоведения, нас в основном интересует характер функции (ф) включаемого в неё продукта деятельности один, то она может быть разложена как минимум на четыре вида наиболее распространённых специфических для рассматриваемого типа продуктов функций: ф-1 – прикладная утилитарная функция, ф-2 – предмет «эстетического наслаждения», ф-3 – возбудитель мыслительной активности, ф-4 – предмет искусствоведческой рефлексии в условиях деятельности три. Также как и в отношении к деятельности один, отдельно надо указать «иное», как потенциально возможное, но не включённое в выделенное.

Учитывая исходные для онтологической схемы предметной области искусствоведения действия, которые реализуются в условиях деятельности три (маркирование и координирование), именно по разности принципов маркирования (пм – принцип маркирования) и

координирования (пк – принцип координирования) может быть проведено деление данной деятельности.

При этом принципов маркирования может быть выделено по крайней мере четыре (кроме возможного «иного»):

1) эстетический – связанный с принятием тех или иных эстетических категорий, выявление которых в рассматриваемом позволяет маркировать его термином «искусство»;

2) функциональный – основанный на той или иной определённой функции, которую должно реализовывать рассматриваемое, чтобы быть маркировано как «искусство»;

3) эволюционный – обусловленный наличием такой оценки рассматриваемого по отношению к уже имеющемуся, актуализированному исторически ранее, которая позволяет определить его некоторую качественную трансформацию, наличие которой и служит основанием для маркирования рассматриваемого термином «искусство»;

4) концептуальный – зависящий от той или иной конкретной концепции, в условиях которой формируются определённые требования, по которым рассматриваемое может быть маркировано как «искусство» (по большому счёту – все предыдущие принципы маркирования являются конкретизациями наиболее распространённых реализаций этого принципа, а общее количество таких концепций – потенциально неограниченно).

Основных принципов координирования может быть выделено два (кроме возможного «иного»):

1) принцип формального соответствия – связанный с тем, что рассматриваемое по формальным признакам

(например, единство продуктивного контейнера, исходного материала, сходство выражения формосодержательной целостности, функции т.п.) схоже с тем, что уже маркировано термином «искусство» и таким образом может быть соотнесено с ним, в результате чего или напрямую – через это соотнесение рассматриваемое может получить статус маркированного, или же после реализации координирования, будучи перенаправленным – через непосредственное маркирование;

2) принцип генетической связи – основан на том, что соотнесение рассматриваемого с тем, что уже маркировано термином «искусство», может быть осуществлено даже без какой-либо видимой связи между ними, на основании одного лишь концептуализированного допущения (как правило как-то исторически обоснованного), что они каким-то образом связаны (например, связь перформанса с изобразительным искусством может быть концептуально обоснована тем, что перформанс – это преодоление художником границ рамки картины и выход за её плоскость, однако, с другой точки зрения может быть концептуально обосновано совсем иное – например, связь перформанса с театром, преодолевающим заданность действия материалом пьесы и условность сцены), так что одно и то же может быть и скоординировано (при принятии допущения), и получить отказ в такой координации (при намеренном отсечении наличествующего допущения как необоснованного, или же при банальном отсутствии информации о потенциально имеющемся возможном допущении).

И тут допустим самый широкий спектр различных вариантов членения исходных видов деятельности – от одного до всех компонентов каждой деятельности до

полного отсутствия деления какой-то одной или даже двух видов деятельности, а также возможно хронологическое несовпадение границ деления как самих деятельностей, так и различных компонентов внутри одной и той же деятельности, производимой с одной и той же рефлексивно-исследовательской позиции и т.д. В связи с этим уже нельзя говорить о том, что на хронологической шкале откладываются какие-то чёткие границы, вводящие разделение на «современное искусство» и то, что им не является – принцип продуцирования рассматриваемого термина, номинально оставаясь зависимым от хронологической составляющей, по сути абстрагируется от неё и полностью подчиняется вариативным наборам качественных характеристик и оценок компонентов трёх рассматриваемых видов деятельности.

Приведём в качестве примера три условных разнохарактерных варианта.

В первом из них – в актуальный момент один с рефлексивно-исследовательской позиции один-а в результате реализации рефлексивно-исследовательской активности в отношении всех трёх исходных видов деятельности во втором компоненте деятельности один «морфология продукта деятельности» обозначается граница, которой фиксируется происходящая в какой-то момент времени трансформация данного компонента (кд-2 | (кд-2)tr), что позволяет ввести на качественной шкале маркер «современное искусство», который в данном случае и связан с этой трансформацией. Однако в актуальный момент два с рефлексивно-исследовательской позиции один-b, являющейся «преемницей» позиции один-а, то есть принимающей положение о таком маркировании чего-то в качестве «современного искусства», вполне возможно появление некоего уточнения, связанного с тем,

что не только то, что было указано в предыдущий актуальный момент, но и нечто иное, например, происходящая в тот же самый момент времени, что и трансформация «морфология продукта деятельности», трансформация первой функции деятельности два – «прикладной утилитарной» (ф-1 | (ф-1)tr), является обоснованием выделение принципиально того же самого в качестве «современного искусства» (*рис. 29-а*).

Во втором примере, который реализуется в качестве параллельного первому примеру, в актуальный момент два с рефлексивно-исследовательской позиции два в результате реализации рефлексивно-исследовательской активности в отношении всех трёх исходных видов деятельности одновременно фиксируется целый ряд аспектов: первый – в первом компоненте деятельности один «морфология деятельности» обозначается граница, которой фиксируется

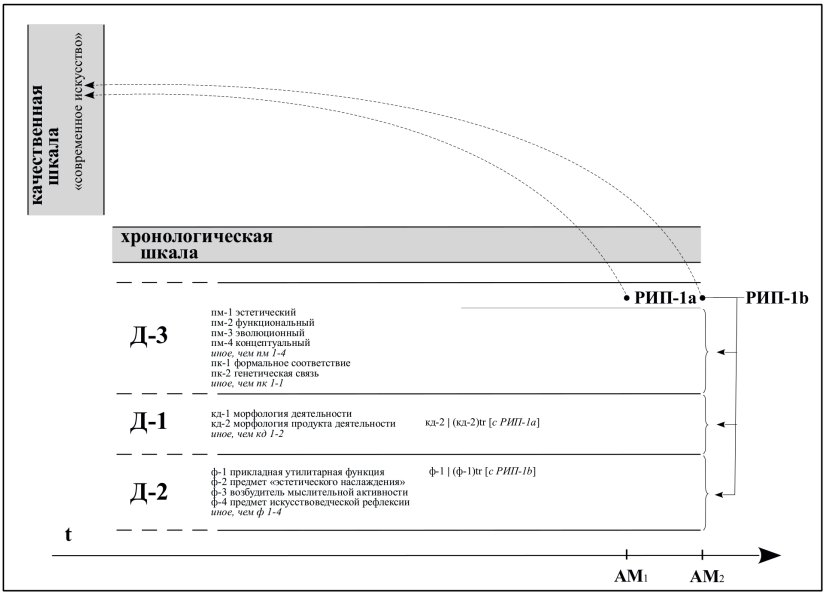


Рис. 29-а

происходящая в какой-то момент времени трансформация данного компонента (кд-1 | (кд-1)tr), второй аспект – в одной из функций деятельности два – «предмет “эстетического наслаждения”» в иной момент времени по сравнению с зафиксированным в первом аспекте, фиксируется её трансформация (ф-2 | (ф-2)tr), третий аспект – в «эстетическом» принципе маркирования в условиях исходной деятельности один фиксируется происходящая в иной момент времени по сравнению с зафиксированным в первых двух аспектах, трансформация (пм-1 | (пм-1)tr), которые в совокупности позволяют ввести на качественной шкале иной от имеющегося маркер «современное искусство», который в данном случае и связан с описанной трансформацией трёх различных компонентов всех трёх исходных видов деятельности (*рис. 29-b*).

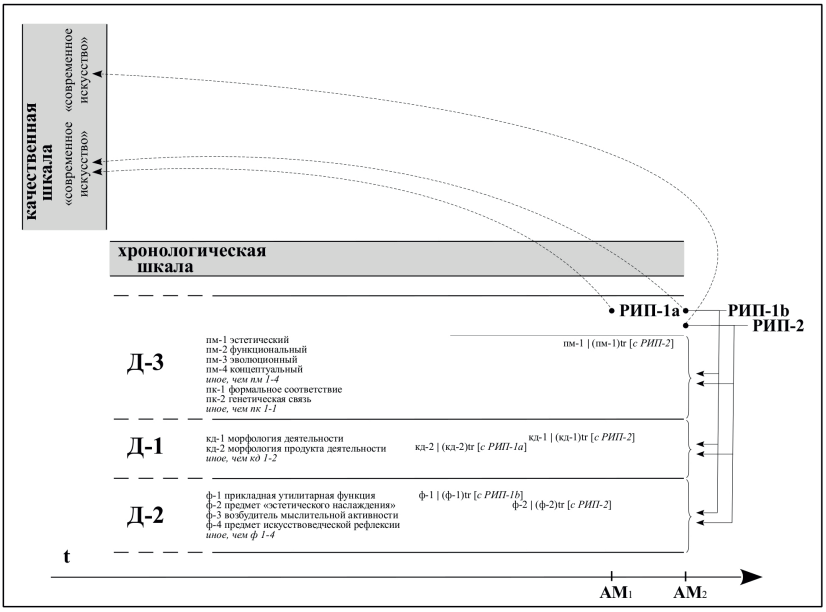


Рис. 29-b

В третьем рассматриваемом варианте-примере, реализуемом параллельно первым двум, представим вот такой принципиально иной случай: в актуальный момент два с рефлексивно-исследовательской позиции три в результате реализации рефлексивно-исследовательской активности в отношении всех трёх исходных видов деятельности фиксируется двойственная трансформация принципа координирования два, реализующегося в условиях исходной деятельности три, которая сначала происходит как уже знакомая по предыдущим примерам трансформация (пк-2 | (пк-2)tr), а затем уже разворачивается как трансформация в отношении первично трансформированного (| ((пк-2)tr)tr), и таким образом с данной позиции на качественной шкале вводится третий – принципиально иной от уже наличествующих, маркер «современное искусство», который в данном случае, во-первых, связан с этой двойной трансформацией, а, во-вторых, вводит временное ограничение для качественного характера данного маркера «современное искусство», полагаемое между этими двумя трансформациями (*рис. 29-с*).

Дополняя изначально сделанное построение (*схема 26-с*) делением всех трёх исходных видов деятельности на компоненты, а также качественной шкалой и тремя вариантами отложения на ней термина «современное искусство», не совпадающего с имеющимся термином на хронологической шкале, чего мы не могли сделать в самом начале работы над данной схемой, теперь мы получаем самую общую онтологическую схему термина «современное искусство» (*рис. 30*), по отношению к которой все предыдущие полученные построения могут быть охарактеризованы как производные и конкретизирующие.

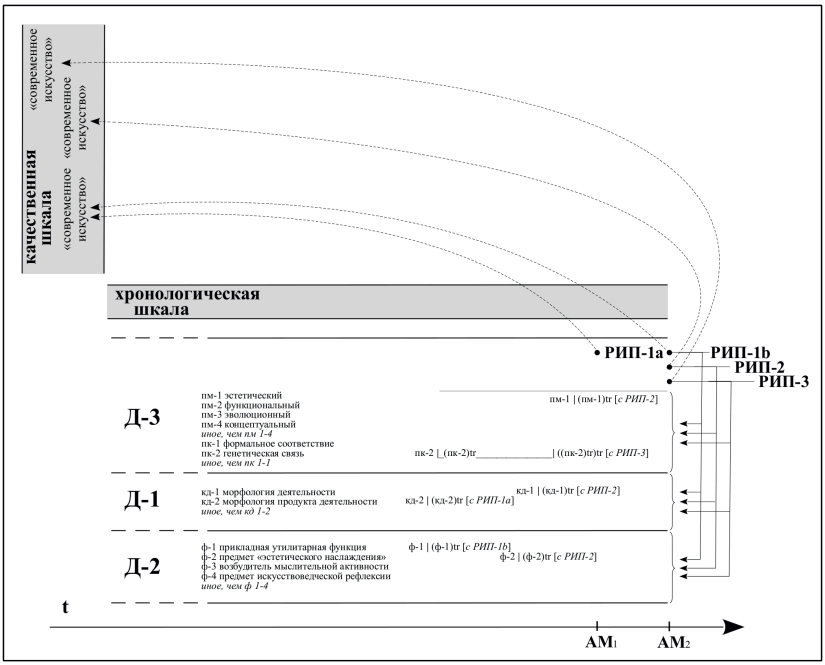


Рис. 29-с

Основные компоненты причинного элемента онтологии «современного искусства» в самом общем виде были перечислены при описании морфологического принципа продуцирования термина «современное искусство». Ничего не утверждая, но только анализируя имеющееся, постараемся показать, что именно в предмете разобранной рефлексивно-исследовательской активности следует искать основу – вне концептуальную причину для выделения из него того, что затем маркируется термином «современное искусство».

В морфологии деятельности один таким компонентом является исходный материал, который оказывается неотделим от другого компонента данной деятельности – продуктивного контейнера.

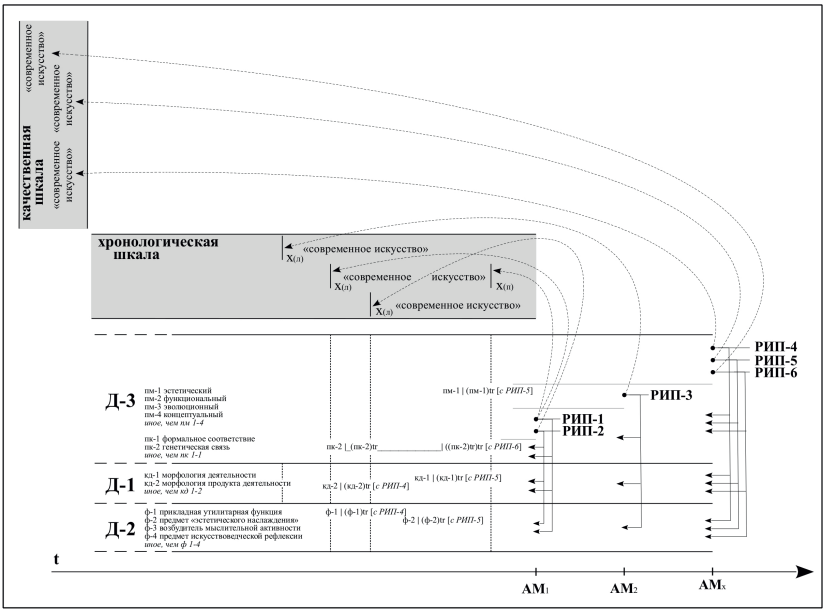


Рис. 30

На самом общем масштабе представления деятельности исходный материал – это то, что в результате применения к нему конкретных средств, определённым образом – с использованием метода, характерного для всей этой деятельности в целом или его конкретной уникальной реализации, переводится в состояние продукта, формосодержательная целостность которого обусловлена как спецификой продуктивного контейнера, подразумевающего унификацию или допускающего вариативность продуктивного целого, а также спецификой конкретной цели. Таким образом, исходный материал – это то, из чего непосредственно продуцируется нечто, что затем может быть маркировано как «искусство» или же как «современное искусство». Трансформация исходного материала при неизменности продуктивного контейнера,

обуславливающего специфику деятельности, объективно приводит к качественной трансформации продукта деятельности: продукт, полученный из одного материала, объективно иной, чем тот же продукт, полученный из другого материала. Например, коллаж из фрагментов рисунков (исходный материал – фрагменты рисунков) и коллаж из фрагментов рисунков и фотографий (исходный материал – фрагменты рисунков и фотографии) – это совершенно разный коллаж. Причём важно, что речь здесь не идёт о формосодержательной целостности продукта (на фиксации качественной трансформации формосодержательной целостности продукта, полученного из одного и того же материала, в условиях единого продуктивного контейнера, основано стилистическое деление), но исключительно об исходном материале. И это первое, что может быть вне концептуальной причиной для выделения из предмета того, что затем маркируется термином «современное искусство».

Ещё один важный момент, связанный с исходным материалом – это то, что один и тот же исходный материал может использоваться как сам по себе, так и в качестве компонента совместно с иным или иными исходными материалами в самых разных видах деятельности, при кажущемся формальном сохранении одного и того же продуктивного контейнера. Однако это не всегда так, что может быть проиллюстрировано тремя конкретными примерами.

Первый пример. Исходным материалом для не монументальной иконописи (то есть для икон, которые могут получать вариативное место внутри храма, а также быть использованы и вне храмового пространства) являются а) представление об изображаемом,

b) непосредственные материалы для изображения – краски, c) плоскость для изображения. Продуктивный контейнер – иконописное изображение. Исходным материалом для монументальной храмовой росписи помимо вышеперечисленного является ещё и – d) место, в котором создаётся изображение, а продуктивным контейнером является уже не просто иконописное изображение, а пространственная актуализация иконописного изображения в храмовом пространстве.

Второй пример. Неизменным исходным материалом для граффити являются: a) представление об изображаемом, b) непосредственные материалы для изображения – краски, c) плоскость для изображения, d) произвольное место, в котором создаётся изображение. Но также – не обязательно, но возможно – e) конкретное место, в котором создаётся изображение (в данном случае – это трансформация компонента исходного материала d), f) ситуация, в которой будет актуализироваться изображение. И вот эти «e)» и «f)» качественно меняют всю, казалось бы одну и ту же, деятельность, принципиально трансформируя продуктивный контейнер, который из плоскостного изображения превращается в интервенцию или в акцию.

Третий пример. Если возникает нечто, что полноценно не может рассматриваться вне того контекста, в котором реализовалась деятельность по производству этого нечто и/или в условиях которого это нечто актуализировалось (например, определённые перформативные формы, тесно связанные с различными – квир, феминистическими и иными «теориями»), то, следовательно, этот контекст должен рассматриваться уже не как контекст, но и как часть исходного материала,

из которого продуцируется это нечто, и как часть целостности самого продукта – того, без чего эта деятельность не могла бы быть реализована, а целостность получить своё оформление в том качестве, в котором она оказывается именно этой целостностью, а не какой-либо иной. А это значит, что принципиально меняется и продуктивный контейнер для выражения такого рода продуктивной целостности, при её возможном формальном сходстве с иными целостностями, в состав которых не входит в качестве обязательной структурной составляющей контекст.

Таким образом, не качественное, но принципиальное разделение схожих продуктов может происходить по объективно разному составу их исходного материала, что вынуждает фиксировать выражение схожего в принципиально разных продуктивных контейнерах. То есть уточнение, а по факту – определение нового продуктивного контейнера – это второе, что может быть вне концептуальной причиной для выделения из предмета того, что затем маркируется термином «современное искусство».

Специфическим вариантом только что описанного является формирование нового продуктивного контейнера, компонентом которого оказывается концепт, связывающий его с тем продуктивным контейнером, в котором ранее выражалось то, что сейчас выражается в нём самом. В качестве примера можно привести перформанс в том варианте отношения к нему, который обусловлен тем, что автор преодолевает ограниченность плоскости и выходит за её пределы – данный концепт связывает перформанс (новый продуктивный контейнер) с плоскостным изображением (старый продуктивный контейнер),

что вынуждает рассматривать два принципиально разных продуктивных контейнера, а, следовательно, и два различных вида деятельности в связи друг с другом, но при этом качественно – принципиально разводя. И это можно определить в качестве дополнения ко второму, что может быть вне концептуальной причиной для выделения из предмета того, что затем маркируется термином «современное искусство».

В связи с тем, что функция продукта деятельности один может и трансформироваться во времени, и быть вариативной в один и тот же актуальный момент, то в данном компоненте трудно выделить нечто, что может быть вне концептуальной причиной для выделения из предмета того, что затем маркируется термином «современное искусство».

В принципах маркирования в деятельности три, при рассмотрении их в качестве специфических видов деятельности, наравне с самим маркируемым – исходным материалом, на основании которого и происходит маркирование, всегда полагается нечто независимое от самой этой деятельности (собственно это нечто и позволяет производить маркирование). То же самое относится и к компоненту действия по координированию – установлению принципа генетической связи: устанавливая деятельность по фиксации данной связи в качестве исследуемого, можно заключить, что наравне с самим координируемым исходным материалом для установления генетической связи оказывается нечто наличествующее и не зависимое от самой этой деятельности (являющееся для этой деятельности в качестве данности). В обоих случаях этот «исходный материал», который может быть отличен от того, что мы рассматривали выше, говоря о предыдущих

аспектах, и является тем, что может быть вне концептуальной причиной для выделения из предмета того, что затем маркируется термином «современное искусство». И это третье и последнее наше заключение.

Анализируя причинный элемент онтологической схемы термина «современное искусство», было определено по крайней мере три компонента, которые могут являться вне концептуальной причиной для выделения из предмета рефлексивно-исследовательской активности того, что затем маркируется термином «современное искусство». Данный вывод может быть использован и в самих искусствоведческих исследованиях, и в случае формирования обособленной от искусствоведения дисциплинарной предметности, связанной непосредственно с «современным искусством».

И тут можно зафиксировать как минимум три специфических варианта формирования такого рода дисциплинарной предметности.

Первый из них – тождественный искусствоведению, только в деятельности три онтологии его предметной области вместо маркера «искусство» будет функционировать маркер «современное искусство» или какой-либо иной его аналог.

Второй вариант – кардинально отличный от существующего искусствоведения может заключаться в том, что в онтологии предметной области новой дисциплинарной предметности вообще не будет деятельности три, или же, вернее, её функция для определения уникальности выделяемого будет сведена до минимума, так как структурообразующий центр данной онтологии – деятельность один будет настолько самоочевидной в своей специфичности по отношению к

иным видам деятельности, а её продукты не требовать никакого членения, что уже одного этого будет достаточно для её выделения. А самые разные потенциальные интерпретации продуктов данной деятельности – например, в качестве «искусства», «современного искусства» или чего бы то ни было – будут формально входить в деятельность три, но при этом никоим образом не трансформировать общую структурную целостность онтологии предметной области данной дисциплинарной предметности.

Третий же вариант – промежуточный между первыми двумя, может заключаться в том, что в онтологии предметной области дисциплинарной предметности, связанной исключительно с «современным искусством», все элементы будут такими же, как и в онтологической схеме предметной области искусствоведения, кроме состава деятельности три, из которой будет выведено действие по маркированию, так как будет исключена необходимость в самом термине «современное искусство», оказывающимся рудиментарным, ведь рассматриваться будет не то, что является качественной трансформацией того, что маркировано как «искусство», а специфические сенсорновоспринимаемые формы, как продукты различных видов деятельности, выделяемые из иных видов деятельности по специфике исходного материала, продуктивного контейнера, а главное – по координационной генетической связи с иными сенсерновоспринимаемыми формами, основанной на неком конвенционном условии. Поэтому в деятельности три останется действие по координированию, в рамках которого на самом общем масштабе его рассмотрения будут реализовываться три функции: а) отсечение от рассматриваемого – сенсорновоспринимаемой формы

генетической связи с «искусством» (при изначальном наличии таковой), b) допущение сенсерновоспринимаемой формы к рассмотрению в условиях предметной области, соответствующей дисциплинарной предметности, дистанцированной от искусствоведения – установление генетической связи с формами, уже рассматриваемыми в условиях данной дисциплинарной предметности, и, наконец, c) непосредственное координирование данной формы по отношению к уже имеющемуся в границах предметной области – определение его конкретного места в структуре целого.

Вопросы к параграфу 2.2. Онтологическая схема «современного искусства»

1. В результате чего возникает термин «современное искусство»?
2. Чем обусловлена рефлексивно-исследовательская позиция, нахождение на которой позволяет спродуцировать термин «современное искусство»?
3. В чём отличие рефлексивного и причинного элементов онтологической схемы термина «современное искусство»?
4. Перечислите три принципа, на основе которых продуцируется или может продуцироваться термин «современное искусство».
5. В чём специфика формального принципа продуцирования термина «современное искусство»?
6. В чём специфика концептуального принципа продуцирования термина «современное искусство»?
7. В чём специфика морфологического принципа продуцирования термина «современное искусство»?
8. Перечислите четыре принципа маркирования сенсорновоспринимаемой формы термином «искусство» в условиях деятельности три онтологической схемы предметной области искусствоведения.

9. Перечислите два принципа координирования сенсорновоспринимаемой формы по отношению к уже имеющимся формам, маркированным термином «искусство» в условиях деятельности три онтологической схемы предметной области искусствоведения.
10. Могут ли исследования «современного искусства» выделиться в самостоятельную от искусствоведения дисциплинарную предметность?
11. Перечислите потенциальные варианты выделения «современного искусства» в самостоятельную от искусствоведения дисциплинарную предметность.
12. Основываясь на имеющихся потенциальных вариантах выделения «современного искусства» в самостоятельную от искусствоведения дисциплинарную предметность, попытайтесь сформировать собственную позицию в отношении места «современного искусства» в условиях искусствоведения или вне его границ.

2.3. Дисциплинарная обособленность искусствоведения

Ещё одним важным вопросом, на котором важно сфокусировать внимание – это вопрос обособленности искусствоведения от иных дисциплин, то есть ни что иное как проблема дисциплинарной идентичности искусствоведения.

Так как одним из главных компонентов дисциплинарной идентичности является уникальность предметной области научной дисциплины, которая, по сути, и объединяет исследователей в специфическое по отношению к иным дисциплинарное единство, положим в основу моделирования возможных сценариев дисциплинарной судьбы искусствоведения, описание и сопоставление онтологических схем предметных областей культурологии и науки об искусстве.

Для того, чтобы не оказаться в ситуации проблематизации единства культурологии как специфической дисциплинарной предметности, что само по себе может быть интересным направлением исследовательской активности, а также необходимости определения отличия и специфики отечественной культурологии от западных дисциплинарных направлений, связанных с исследованием культуры, таких как Cultural studies и Kulturwissenschaft, определим науку о культуре на максимально общем масштабе – как дисциплину о всей совокупности человеческой активности, связанной с деятельностным функционированием человека как вида, порождающим отличную от природы среду для его существования.

Опираясь на это самое общее определение культурологии, можно заключить, что онтологическая схема её предметной области может быть представлена через два компонента: деятельность один (Д-1), раскладываемую на неограниченную множественность конкретизаций (1, 2, x) и деятельность два (Д-2), которая также раскладывается на неограниченную множественность конкретизаций (1, 2, x). Продукт любой из деятельности один так или иначе функционален в той или иной конкретной деятельности два, которой, по сути, может являться любая из конкретизаций деятельности один, не являющейся продуцирующей данный продукт. Продукт же деятельности два потенциально может быть функционален для любой из деятельности один, если она сама не является таковой. При этом любая из этих деятельностей потенциально трансформируема (tr) в условиях пространственно-временной (st) конкретики её реализации (*рис. 31*). Таким образом, мы получаем

предельно обобщённое схематическое представление системы человеческой деятельности, то есть того, что и является предметной областью культурологии, локальные исследования в рамках которой, как правило, ограничиваются или определённым образом выделяемыми временными/пространственно-временными «срезами» этой системы, или отдельными видами деятельности, или же теми или иными их компонентами (например, продуктами).

Так как при таком масштабе полученной схемы в реальной части предметной области культурологии априори оказывается вообще вся деятельностная активность человека как вида, что в актуальный момент является лишь перспективной потенцией для данной дисциплины как метадисциплины о культуре, подминающей под себя большую часть гуманитарных дисциплин, то мы смоделируем ещё один – масштабно несколько усечённый – производный вариант этой схемы,

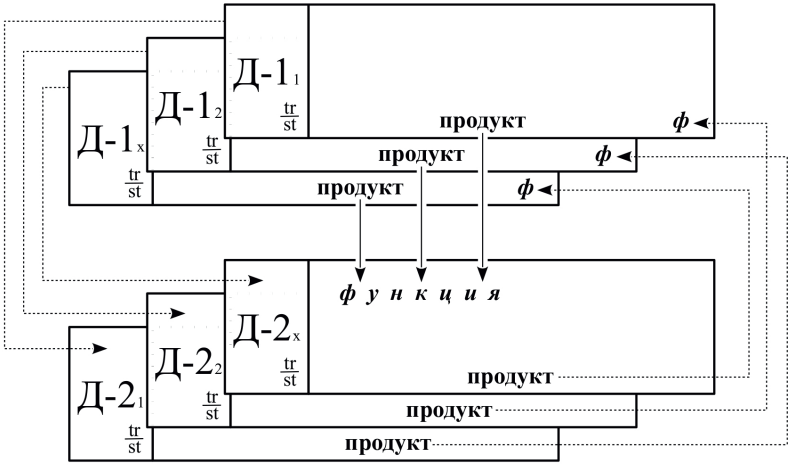


Рис. 31

который более приближен к реалиям существующей культурологии. Для этого мы введём в полученное построение деятельность три (Д-3) – конкретизацию фантомной части данной предметной области, для которой деятельности один и два будут являться исходным материалом, целью – выделение временных/пространственно-временных «срезов» системы, образуемой совокупностью взаимосвязанных видов деятельностей один и два, а продуктом – определённые целеполаганием данной деятельности «срезы» (*рис. 32*).

Таким образом, по аналогии с искусствоведением, мы вводим в предметную область культурологии часть собственно исследовательской культурологической

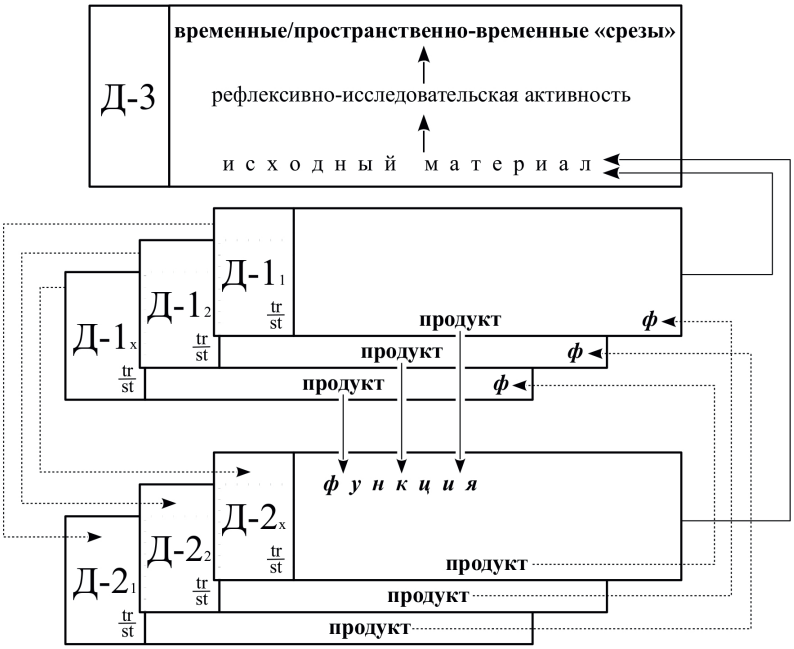


Рис. 32

рефлексии, которая в таком качестве оказывается внедисциплинарной – дискурсивной познавательной активностью – тем, что само уже является исследуемым. А культурология как научная дисциплина исследует уже не вообще всё, что связано с деятельностным функционированием человека, а исключительно, что определяется в качестве временного/пространственно-временного «среза» данного функционирования (используя словосочетание «временной/пространственно-временной “срез”» мы формализуем то, что в различных предметных представлениях получает такие названия как «форма культуры», «культурный образец», «культурная идентичность» и т.п.).

Это позволяет нам скорректировать данное самое общее определение культурологии – дисциплина об устойчивых временных/пространственно-временных «срезах» системы, образуемой совокупностью человеческой активности, связанной с деятельностным функционированием человека как вида, порождающим отличную от природы среду для его существования.

Сопоставляя полученные схемы через их погружение в конкретные ситуации, формируемые в том числе теми или иными магистральными векторами научно-исследовательской активности учёных, образующих рассматриваемые дисциплинарные предметности, мы можем смоделировать три принципиальных варианта дисциплинарной судьбы искусствоведения, которые оказываются возможными, главным образом, в связи с реальной проблематичностью для культурологов формировать целостное и всеобъемлющее знание в отношении предметной области в максимально обозначенных границах.

Сценарий первый: потеря искусствоведением дисциплинарной идентичности. Данный сценарий основан на предположении, что предметная область культурологии всё-таки определяется образующим её научным сообществом на самом общем масштабе, при том, что культурологами находится и принимается некая общая для всех методология, с использованием которой осуществляется познавательная активность, преодолевающая принципиальную вариативность гуманитарного знания, а также разрабатывается единое формализованное средство его выражения, оказывающееся независимым от условностей естественного языка. В таком случае любые попытки искусствоведов отстоять дисциплинарную идентичность своей науки будут совершенно бесполезны – предметная область искусствоведения автоматически поглотится культурологией, а всё существующее искусствоведческое знание, будучи продуктом человеческой деятельности, само окажется в роли исследуемого.

Сценарий второй: искусствоведение – субдисциплинарная предметность культурологии. В основе второго сценария лежит ситуация, в которой предметная область культурологии оказывается смасштабированной до тех границ, которые были обозначены нами во втором варианте её онтологической схемы, при том, что культурологами точно так же, как и в первом сценарии находится и принимается некая общая для всех методология и единое формализованное средство выражения знания. Субдисциплинарный же характер искусствоведения по отношению к культурологии определяется самой культурологией, по той или иной причине (например, специфичность материала

деятельности), проводящей формальное деление «временных/пространственно-временных “срезов”» по типу деятельности или характеру продуктивного выхода деятельности один, одним из компонентов которых при таком делении и оказывается предметная область искусствоведения. Проблематичность в такой ситуации существования искусствоведения обособленно от культурологии связано с тем, что даже, если независимым искусствоведением и будет преодолена вся её методологическая слабость, то формируемое им знание окажется либо не гомогенным общей системе знаний о культуре, частью которой, безусловно, является искусство, либо повторяющим то, которое будет продуцироваться искусствоведением, являющимся субдисциплинарной предметностью культурологии, что, конечно же, не может не привести к сращиванию данных дисциплин, а следовательно, к определению искусствоведения в качестве субдисциплинарной предметности культурологии.

Сценарий третий: искусствоведение – обособленная дисциплинарная предметность. Последний сценарий возможен при двух основных условиях: культурология как дисциплинарная предметность продолжает существовать в ситуации размытости границ её предметной области (при реальной возможности их чёткой демаркации, что и было нами реализовано), отсутствия единства методологического инструментария и средства выражения получаемого знания, при том, что искусствоведением преодолевается исходная дискурсивность её дисциплинарной идентичности, что и связано с нахождением и принятием для всех исследователей-искусствоведов единой методологии, а также унифицированного внеязыкового средства выражения

знания. Проблемы преодоления дискурсивности и отсутствия единой гомогенизированной искусствоведческой методологии могут быть решены переходом от натуралистического к деятельностному подходу к познанию, в условиях которого познаваемым определяется уже не нечто противостоящее познающему, а сама вариативная познавательная активность в отношении одного и того же познаваемого, включая собственную познавательную деятельность, что ведёт к трансформации предметной области искусствоведения, трансформации её онтологической схемы – расширению за счёт включения в неё деятельности четыре (Д-4), в которой оказывается вся совокупность исследовательской рефлексии в отношении деятельностей один, два и три, то есть всё существующее дисциплинарное и дискурсивное искусствоведческое знание (*рис. 33*). При такой трансформации предметной области, проблема отсутствия в искусствоведении унифицированного внеязыкового средства выражения знания может быть решена с использованием схемы анализа полиструктурной системы Г.П. Щедровицкого. В данных условиях, для того, чтобы культурологии дисциплинарно подчинить или поглотить такого рода искусствоведение, понадобится трансформировать свою собственную идентичность, приводя её в соответствие с теми принципами, которые оказываются системообразующими для описанного – принципиально отличного от существующего в актуальный момент, дисциплинарного искусствоведения.

Смоделированные сценарии показали, что, с одной стороны, судьба дисциплинарной идентичности искусствоведения полностью зависит от культурологии и её трансформации, связанной с модернизацией

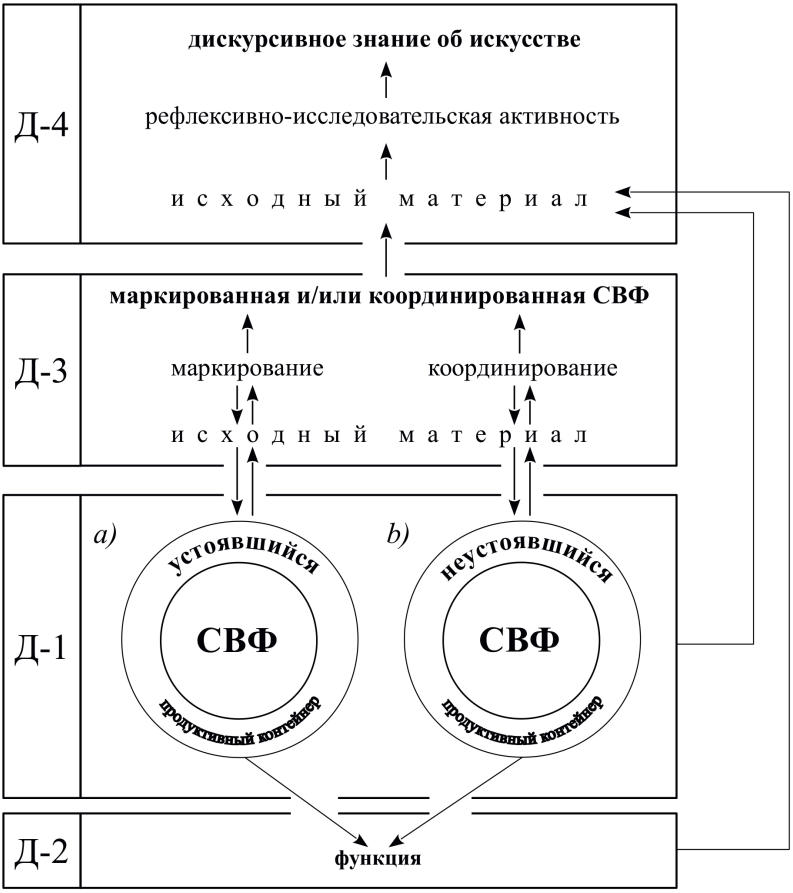


Рис. 33

методологического инструментария и унификации средств выражения получаемого знания, но, с другой, при принципиальной неизменности состояния культурологии, – с трансформацией искусствоведения, проводящего ту же самую дисциплинарную модернизацию, исходя из специфики собственной предметной области. Впрочем, при формировании принципиально иного – дисциплинарно

усиленного искусствоведения, возможна ситуация, в которой культурология в том максимальном масштабе и методологической целостности, о которой шла речь в первом сценарии, вполне может вырасти из данного искусствоведения, которое затем, естественно, будет им и поглощено.

Вопросы к параграфу 2.3. Дисциплинарная обособленность искусствоведения

1. Почему моделирование онтологической схемы предметной области культурологии предложено проводить с опорой на онтологическую схему предметной области искусствоведения?
2. Перечислите и охарактеризуйте основные элементы онтологической схемы предметной области культурологии.
3. Какова функция деятельности три в онтологической схеме предметной области культурологии?
4. В чём принципиальное отличие онтологической схемы предметной области культурологии от онтологической схемы предметной области искусствоведения?
5. Процитируйте данное в тексте определение культурологии.
6. Проблематизируйте данное в тексте определение культурологии.
7. Кратко опишите и охарактеризуйте первый сценарий потери искусствоведением своей дисциплинарной идентичности.
8. Кратко опишите и охарактеризуйте второй сценарий потери искусствоведением своей дисциплинарной идентичности.
9. Кратко опишите и охарактеризуйте третий сценарий потери искусствоведением своей дисциплинарной идентичности.
10. В чём принципиальное отличие описанных сценариев потери искусствоведением своей дисциплинарной идентичности?
11. Какой из сценариев потери искусствоведением своей дисциплинарной идентичности кажется вам наиболее реалистичным? Обоснуйте свою точку зрения.

12. Каково значение средства выражения знания в дисциплинарной судьбе искусствоведения и культурологии?

Обобщающие вопросы ко второй главе

1. Какова роль специфической методологии в возможности определения дисциплинарной идентичности искусствоведения?
2. С чем связана дисциплинарная идентичность искусствоведения?
3. Может ли дисциплинарная идентичность искусствоведения основываться исключительно на дискурсивном знании об искусстве?
4. С чем связана дисциплинарная раздробленность искусствоведения?
5. Какие условия возможной потери искусствоведением своей дисциплинарной идентичности?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если само по себе познание возможно в каких угодно познавательных условиях, то полноценное дисциплинарное изучение чего бы то ни было, в том числе и искусства, невозможно без понимания всей совокупности механизмов формирования системы знаний о познаваемом. В противном случае исследователь становится заложником того или иного концептуального представления, которое по тем или иным причинам (например – социокультурным, политическим, экономическим) доминирует в актуальный для исследователя момент. И если зрелый опытный исследователь потенциально способен самостоятельно проблематизировать положение, в котором он находится (по сути же – проблематизируя своё собственное место в научном мире), то молодому учёному, в нашем случае – учёному-гуманитарию, сделать это оказывается практически невозможно: включаясь через образовательную систему в систему знаний, он невольно становится заложником либо своих педагогов, либо прочитанных книг, либо одновременно и того и другого – становясь адептом той или иной конкретной концептуальной точки зрения. В то же время понимание механизмов формирования системы знаний о познаваемом, понимание деления познаваемого – предмета исследования, на реальную и фантомную части, а также

понимание специфики дисциплинарной познавательной ситуации и её отличия от познавательных ситуаций индивидуальных, дискурсивных и псевдодисциплинарных, во-первых, даёт возможность для самостоятельного осознанного выбора своего места в существующей конкретной дисциплинарной ситуации, а, во-вторых, указывает на возможность нахождения в принципиально иной координации по отношению к исследуемому, которым тогда оказывается уже не только исходное исследуемое (в нашем случае – искусство), но и вся совокупность точек зрения на него (в данном контексте – искусствоведение, а так же любая иная исследовательская рефлексия в отношении искусства). Но важно то, что под сомнение не ставится сама дисциплинарная идентичность искусствоведения, рассматриваемая как актуальная данность – исходное условие для исследовательской рефлексии, которая, однако, может качественно трансформироваться в ситуации использования в отношении познаваемого специфического для данной дисциплины методологического инструментария, описание чего и было сделано в данной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Е.Ю. Постмодернизм. Искусство второй половины XX – начала XXI века. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007.

Бикбов А.Т. Дисциплина научная / *А.Т. Бикбов* // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Российская акад. наук, Ин-т философии РАН. – Москва: Канон+, 2009.– С. 207-208.

Бонито Олива А. Искусство на исходе второго тысячелетия / Пер. *Г.Курьеровой, К.Чекалова*. – Москва: Художественный журнал, 2003.

Бычков В.В. Эстетика : учебник / *В.В. Бычков*. – Москва: КНОРУС, 2012.

Знание / *И.Т. Касавин* // Новая философская энциклопедия: в 4-т. Том 2. – Москва: Мысль, 2010.– С. 51.

Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм / Пер. *Г.Абдушелишвили, А.Бобриков, О.Гаврикова* и др. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Касавин И.Д. Дисциплинарные классификации и нормативное регулирование науки / *И.Д. Касавин* // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. No 1. – С. 23-30.

Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 10 (112). – С. 193-201.

Кун Т. После «Структуры научных революций» / *Томас Кун*. – Москва: АСТ, 2014. – 443 с.

Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / *Т. Кун*; Сост. *В.Ю. Кузнецов*. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605, [3] с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / *Жан-Франсуа Лиотар* ; пер. с фр. *Н.А. Шматко*. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. – 159 с.

Любимов В.В. Психология восприятия / *В.В. Любимов*. – Москва: Эксмо, ЧеРо, МПСИ, 2007. 472 с.

Мирский Э.М. Дисциплина научная / *Э.М. Мирский* // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А - Д. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет.: *В.С. Степин* – пред. совета и др. – Москва: Мысль, 2010. – С. 672-673.

Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э.М. Мирский. – Москва: Наука, 1980. – 304 с.

Науки о человеке : история дисциплин : коллект. моногр. / сост. и отв. ред. *А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева*; Нац.исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд.дом Высшей школы экономики, 2015. – 651, [5] с.

Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Её генезис и обоснование / *А.П. Огурцов*. – Москва: Наука, 1988. – 255, [1] с.

Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век : концепции и проблемы: [в 3 ч.]. Часть 2: Философия науки: наука в социокультурной системе / *А.П. Огурцов*; Ин-т философии Российской акад. наук. – Санкт-Петербург: Міръ, 2011. – 493, [1] с.

Парсонс Т., Сторер Я. Научная дисциплина и дифференциация науки / *Т. Парсонс, Я. Сторер* // Научная деятельность: структура и институты : Сб. пер. [с англ. и нем.] / Сост., общ. ред. и вступит. статья *Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина*. – Москва: Прогресс, 1980. – С. 27-55.

Проблемы исследования структуры науки: (Материалы к Симпозиуму) / Зап.-Сиб. совет координации по гуманитарным наукам. Новосиб. гос. ун-т ; [Отв. ред. канд. философ. наук *В.Н. Борисов*]. – Новосибирск : [б. и.], 1967. – 238 с.

Стёпин В.С. Философия и методология науки: избранное / *В.С. Стёпин*; Российская акад. наук, Ин-т философии. – Москва: Акад. проект : Альма Матер, 2015. – 716 с.

Структура и развитие науки: из Бостонских исследований по философии науки: сборник переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. *Б.С. Грязнова* и *В.Н. Садовского*; [коммент. *А.Л. Никифорова*]. – Москва: Прогресс, 1978. – 486, [1] с.

Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под редакцией *В. Бажанова*, *Р.В. Шольца*. – Москва: Издательский дом «Навигатор», 2015.

Фуко М. Археология знания / *Мишель Фуко* ; [пер. с фр. *М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой*]. – Изд. 2-е, испр. – Санкт-Петербург : Гуманитарная акад., 2012. – 415 с.

Фуко М. Порядок дискурса / *М. Фуко* // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – Москва: Касталь, 1996. – С. 47-96.

Хан-Магомедова В. Искусство. Современное. Тетрадь первая. – Б.м, «Издательские решения», 2017.

Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. №4. – С. 26-35.

Штейн С.Ю. Границы киноведения как субдисциплинарной предметности искусствоведения / *С.Ю. Штейн* // Логика визуальных репрезентаций в искусстве: от иконописного пространства и архитектуры к экранному образу. – Москва: РГГУ, 2019. – С. 234-314.

Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения / *С.Ю Штейн* // Артикульт. 2017. 26(2). С. 6-26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26

Штейн С.Ю. Средство выражения теории искусства / *С.Ю Штейн* // Артикульт. 2018. 29(1). С. 6-19. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-1-6-19

Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я. Научное исследование в системе «методологической работы» / *Г.П. Щедровицкий, В.Я. Дубровский* // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, б/и, 1967. – С. 105-115.

Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / *Г.П. Щедровицкий* // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С.233-280.

Щедровицкий Г.П. О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки / *Г.П. Щедровицкий* // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 350-359.

Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок / *Г.П. Щедровицкий* // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 88-114.

Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов / *Г.П. Щедровицкий* // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 143-154.

Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / *Э.Г. Юдин*. – Москва: Эдиториал УРСС, 1997. – 444, [6] с.

Яхнин А.Л. Антиискусство / *А.Л. Яхнин*. – Москва: Книжница, 2011.

Cohen, E., Lloyd, S. Disciplinary evolution and the rise of the transdiscipline / *E. Cohen, S. Lloyd* // Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline. 2004, № 17. – Pp. 189-215.

Jenkins, Keith. Re-Thinking History / *Keith Jenkins*. – London: New York: Routledge, 1991. – 128 pp.

Nature. Edited by *Jeffrey Kastner.* Cambridge: MIT Press and Whitechapel Gallery, 2012.

Stichweh, R. Scientific disciplines, History of. / *R. Stichweh* // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Eds. *N.J. Smelser* & *P.B. Baltes*. – Oxford: Elsevier Science, 2001. – Pp. 13727-13731.

С. Ю. Штейн

Искусство и искусствоведение

Учебное пособие

Подписано в печать 17.06.2019.
Формат 60 x 84 1/16
Гарнитура Times New Roman. Усл печ. л. 10.1 Тираж 200.
Отпечатано в Издательском центре
Института кино и телевидения (ГИТР)

Контактная информация:
8 (495) 7876511
www.gitr.ru, e-mail: mail@gitr.ru
123007, Россия, Москва,
Хорошевское ш., д. 32А

С. Ю. ШТЕЙН

ИСКУССТВО И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

2019